
STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

под редакціею Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанскаго

Выпускъ I

годъ седьмой

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія С. Н. Худекова. Владимірскій пр., № 12
1897

Печатано по распоряженію Императорскаго Спб. Русскаго Географическаго Общества.

ОТДѢЛЪ I.

Киселевскіе цыганы.

Главное мѣсто жительства цыганъ Смоленскаго уѣзда—сельцо Киселевка Прудковской волости.

Мѣстоположеніе Киселевки довольно живописно: деревушка эта раскинулась на берегу Хмары, извилистой, прозрачной, усѣянной кустами, крутобережной рѣчки. Къ Киселевкѣ, съ югозападной, южной и восточной стороны, примыкаютъ лѣса, которые тянутся къ Мстиславскому уѣзду Могилевской губерніи и Рославльскому уѣзду Смоленской губерніи.

Въ двухъ верстахъ отъ Киселевки, вверхъ по теченію рѣки Хмары, деревня Фицовка, а въ двухъ верстахъ или немного менѣе внизъ по теченію той же Хмары, деревня Хмарское; въ деревняхъ этихъ живетъ нѣсколько цыганскихъ семействъ.

Главное занятіе цыганъ — воровство; особенно они крадутъ лошадей и барановъ.

Если переѣзжая Хмару, спросишь, отчего это такъ много бараньихъ копытиковъ валяется на днѣ рѣки, отвѣчаютъ мѣстные жители: это работа цыганская; лѣтомъ съ Петрова дня барановъ крадутъ, а копытики въ Хмару бросаютъ.

Рано утромъ, до разсвѣта, цыганскіе парни, молодежь, ѣдутъ кормить лошадей своихъ. Располагаются они большею частію на опушкѣ лѣса, лежатъ (на брюхѣ) подлѣ огня, пекутъ картофель, жарятъ сало и баранину, о чемъ то балакаютъ на своемъ нарѣчіи.

Не всегда они стоятъ лагеремъ открыто: когда заставляетъ необходимость, прячутся въ густыхъ березникахъ и ельникахъ, прикручиваютъ лошадей къ деревьямъ, сами же укрываются гдѣ-нибудь въ сторонѣ; а иногда цыганы съ лошадьми стоятъ, недавно украденными, только на большой сторожѣ; даже поводъ въ рукахъ держа, кормятъ ихъ, чтобъ, въ случаѣ нападенія, быстро сѣсть и уѣхать.

Иногда видишь, какъ мчится цыганъ, все оглядываясь подозрительно назадъ, словно чуя погоню, и лошадей за собою гонитъ,—и, въ самомъ дѣлѣ, черезъ нѣсколько времени бредутъ печальные мужички и распрашиваютъ прохожихъ о своихъ коникахъ.

Во время обысковъ выручаетъ цыганъ необыкновенная находчивость и способность искусно притворяться.

Дѣло было въ Ельнинскомъ уѣздѣ.

Идетъ урядникъ по пятамъ за ворами-цыганами, и видятъ цыганы, что приходитъ имъ бѣда неминучая. Тогда они обрядили старую цыганку какъ бы на смерть, положили ее на столѣ, а подъ нею добро и пригрозили старухѣ:

— Смотри жъ ты, старая: дохни только—тутъ тебѣ и юкъ будитъ: до смерти закатаемъ.

Вытянулась старая цыганка, даже поблѣднѣла—лежитъ, словно мертвая, бѣлая какъ скатерть.

Идутъ съ обыскомъ въ хату, а цыганы плачутъ—заливаются и причитываютъ:

— Зачѣмъ сиратами заставила ты насъ горя гарювать, наша радйтилка [1])!..

Вошедшій урядникъ видитъ свѣчи горятъ, и на столѣ покойница.

— Ваша благародія, не прогнѣвайтесь вы, не взыщитя,—намъ таперь ни до чога: у насъ бальшоя горя. Ищитя, идѣ знаитя!

Урядникъ искалъ повсюду, а покойницу не рѣшился безпокоить: «мертваго костей не тревожь»—и, разумѣется, ничего онъ не нашелъ.

Жидъ идетъ къ цыгану отыскивать пропавшаго гуся.

— Господинъ урядникъ, мой гусь въ печкѣ жарится — оттуда даже жаренымъ гусемъ пахнетъ.

— А, такъ тебѣ поросятины захотѣлось!—грозно прикрикнулъ цыганъ на жида; съ этими словами онъ заслонку отхватилъ у печи, быстро выхватилъ гуся и торнулъ его жиду прямо подъ носъ:

— На, ѣшь поросенка—подавись имъ!

— А ну, ну, ѣшь ты самъ—а ну, тебя къ чорту!.

Жидъ совсѣмъ стушевался.

Замысловаты и пріемы цыганской кражи.

Иногда цыганы надѣваютъ сапоги или лапти на ноги украденной скотины, чтобы отмѣнить слѣдъ.

— «Привяли цыганы карову къ Ярашу. Харошая карова, дворницкая, абутая у лапти. Поставили яе у пуню, у салому; тамъ корова стаяла дни два, пока поиски акончились. Вичарòмъ пріѣхали два цыганы, выпустили карову на дворъ. Карова икъ стала гулять, брыкать, галавою крутить. Ярашовы усѣ хахатали, утишались, што карова дужа хараша.

---

[1]) Радйтилка—мать; слово часто употребляется въ цыганскомъ нарѣчіи.

— Ты таперь яе ни паймаишь!—гаварили мужики и бабы на цыгана. А цыганъ у валенкахъ якъ прыгнить къ карови и пряма схватàлъ яé за роги, да якъ крутнѐть яѐ вòкыла сябе: ана и бахъ са усихъ нохъ—и завалилась. Другой жа цыганъ подскачилъ съ касою, шарпъ па горлу и зарѣзалъ. Садрали шкуру; трибухи, легкія, ноги атдали Ярашу и мяса нямнога яму дали, а карову пупаламъ разрубили. Каждый палажилъ сваю часть на сани и паѣхали дамой».

Амбарушки цыганы поднимаютъ вагами, потомъ выбираютъ какое есть добро, и опускаютъ на мѣсто.

Цыганы хвалятся своею приспособленностью къ кражѣ:

— «Гами̂, есть у насъ и данкрàты».

Если конюшни съ крѣпкими замками, цыганы разбираютъ крыши и веревками вытягиваютъ наружу лошадей.

— Отчего, Ивка, сани у тебя подбиты холстомъ? Сдѣлалъ бы ты себѣ красивыя ясеновыя сани!..

(Ивка—старый зажиточный киселевскій цыганъ).

— Гаму̂ [1]), видишь ты: въ этихъ саняхъ тихо, какъ въ лодочкѣ проплывёшь: яны и ни стучать.

На первую ночь цыганы собаку отравятъ, а на другую вдвоемъ или втроемъ подбираются къ баранамъ. Для кражи выбираютъ ночи темныя, осеннія. Крадутъ и послѣ Петрова дня, потому что послѣ вывозки навоза легче подкопаться, а подкапываются острыми лопаточками, въ родѣ сѣчекъ, чаще всего подъ стѣну, рѣдко подъ заборъ.

Два цыгана или одинъ стоятъ на сторожѣ подлѣ лошади; вооружаются кольями, дубинами, рѣдко ружьями. Амбары обираютъ со свѣчкой; овецъ ловятъ въ темнотѣ. Говорятъ, что цыганъ и въ потьмахъ не возьметъ худую овцу:

— «Жирная овца, видишь ты, пышетъ ду̂жа» [2]).

Крадутъ цыганы овецъ и съ поля у неопытныхъ пастушковъ: дѣти, видя барановъ, испуганно убѣгающихъ изъ лѣса или изъ кустовъ, никакъ не предполагаютъ присутствія цыгана, ловящаго ихъ: имъ думается, что волкъ «попудилъ» овецъ.

Застигнутый на мѣстѣ преступленія малолѣтними сосѣдями, цыганъ овцу бросаетъ, а самъ удаляется во свояси безъ особеннаго впрочемъ конфуза.

Кража овецъ для цыгана—это уже дѣло второстепенное, а, главнымъ

---

[1]) Гамú—гаму́—бѣлорусское «панú»—данкрáтъ—орудіе для поднятія тяжести.
[2]) Пышетъ ду́жа—тяжело дышитъ.

образомъ, онъ крадетъ лошадей, потомъ мѣняетъ ихъ на ярмаркахъ или по деревнямъ, обыкновенно взимая съ мужиковъ придачи всякаго хлѣба по чверткѣ:

— «Гамй, съ естыга я бьюсь»!

Чуть не съ колыбели и во снѣ и наяву цыгану грезятся кони. Спросите у цыгана, чѣмъ онъ занимается.

— Лошадьми барышничаю!—отвѣтитъ онъ вамъ.

Бабка или мать крестника пробуетъ ушко у маленькаго, едва народившагося цыганенка:

— «Давай-ка, попробую ушко, выраститъ ли мой крестникъ.

Ушко крѣпенькое у него—выростетъ; и мало того, по всему видно, что будетъ барышникъ, коневникъ, – будетъ, какъ батька, заниматься лошадьми (тэ залэлпэ грэнцэ).

Цыганята любятъ изображать лошадокъ мѣломъ на стѣнѣ, или карандашемъ на бумагѣ, или на пескѣ пальцами.

Священникъ, отецъ Полубинскій, преподававшій нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Даньковской школѣ, передавалъ мнѣ, что цыганята учились не хуже другихъ мальчиковъ. Замѣтилъ онъ однажды разсѣянность цыганятъ: не слушая его объясненій, они съ необыкновенною сосредоточенностью чертили что-то на партахъ—лошадокъ!

Цыганъ любитъ ѣздить быстро, сѣчетъ лошадь не жалѣя, стараясь попадать кнутомъ по ногамъ, немного ниже ляшекъ, отчего и самая лѣнивая лошадь прибавляетъ шагу.

Народныя поговорки: ѣздитъ какъ цыганъ, ѣзда цыганская, т. е. быстрая, ухарская. По цыганскому выраженію, на сѣдлѣ цыганъ сидитъ ловко, какъ червякъ,—мужикъ, тотъ сидитъ коликомъ.

Рѣдко цыганъ пристращается къ лошади, временно же любитъ поѣздить на быстромъ конѣ, испробовать какого нибудь-борзаго иноходца.

Разъ цыганъ укралъ неукротимую лошадь, но не переставалъ долго на ней ѣздить: «гамй, руки сабѣ павывихнулъ». Испортивъ порядочно добраго коня, цыганъ сбываетъ его, а впрочемъ онъ самъ коновалъ, самъ лѣчитъ лошадей капустнымъ разсоломъ, яйцами и купоросомъ,—это ужъ обычный цыганскій рецептъ [1]).

Продавая украденную лошадь, цыганъ указываетъ предѣлы, въ которыхъ можно безопасно ѣздить на проданной лошади.

---

[1]) Если лошадь ѣстъ плохо, цыганъ суётъ ей палкою въ ротъ теплыя кишки, вырванныя изъ живой курицы.

Нечего грѣха таить. Въ доброе старое время и помѣщики любили поговорить съ цыганами объ иноходцахъ, а иногда давали цыгану неблаговидное порученіе привести иноходца или рысака.

Бывали и такіе случаи. На ярмаркахъ и другихъ бойкихъ мѣстахъ владѣльцы узнавали своихъ лошадей—крестьяне горячо отстаивали свою собственность и заставляли лицъ, купившихъ краденыхъ лошадей «слѣзать съ чужаго коня среди грязи долой».

Хожалыя цыганки.

Цыганки часто шляются съ мѣшками за колядой, при чемъ старательно высматриваютъ, гдѣ бы имъ что-нибудь стянуть, и на будущее время замѣчаютъ, въ какой дворъ легче забраться цыганамъ для воровства; онѣ, такъ сказать, наводятъ справки о мужицкомъ хозяйствѣ.

Филипповымъ постомъ мужикъ запасаетъ себѣ скоромную пищу для будущаго мясоѣда — по амбарамъ и по клѣтямъ развѣшивается говядина (баранина, свинина). «Скароминка» — предметъ цыганскихъ помысловъ, цыганской зависти: цыганы и выпрашиваютъ ее и стараются украсть, что, при крестьянской безпечности и неосмотрительности, часто удается. Цыганъ хвалится: «филиппоўками мужикъ постуетъ, а мы лупимъ мясо, какъ рѣпу».

Цыганки большія «канькалы»: онѣ душу вынимаютъ своими просьбами, жалуются на худолѣтье, на бѣдность, щедрымъ хозяевамъ сулятъ счастье и добро. Но, Боже сохрани, обидь ихъ: не дай имъ коляды, скороминки, оскорби ихъ дерзкимъ словомъ, онѣ обѣщаются это припомнить, — станутъ ворчать себѣ подъ носъ: «зазналися-де совсѣмъ мужики, забылись,—они хуже зазнаются, когда у нихъ не крадешь, балуешь ихъ: надо къ нимъ воровъ заслать».

Угрозы эти оказываютъ дѣйствительное вліяніе на мужика. Думаетъ онъ самъ себѣ: «а кто ихъ знаетъ, что на умѣ то у нихъ! Знамо дѣло, и Бога не серди и урага не гнѣви». Почесывая затылокъ, выноситъ мужикъ коляду хожалымъ цыганкамъ.

Обычная форма цыганской просьбы такая:

— «Матушка хозяичка, дай скороминки, дай и крупыкъ, дай и маслица: галоўку нада помаслить, дай и яечикъ, дай и сальца; хазяичка матушка, дай и смитанки съ поўныга гарлачика—и табѣ Богъ дасть съ бирягами роўна; какъ яечки круглы, съ биригами роўны, какъ ихъ многа,— чтобъ, съ маей легкій руки, у тябе усяго бы стала многа, кругла и съ биригами роўна.

Бурмистиха-вайтиха, ни жалѣй ли мяне, дай цѣлый мяшечикъ, штобъ усяго было много. Дай пасматрю на тваю ручку погадаю—усю судьбу тваю табѣ разскажу; покажи, покажи свайго дитёнычка—па ушку узнаю ти живъ іонъ будить, ти счастливъ, только ты ни жалѣй дли мяне ничаво»

Хозяйка коляды даетъ лубочку овса, лўбочку ржи (гарца два, три), иногда сальца, скороминки.

Зазѣвавшаяся курица, поросенокъ попадаютъ въ мѣхъ хожалой цыганки; курей онѣ ловятъ ловко, иногда на удочку; одной рукой коляду принимаютъ, а другую руку не прочь запустить въ хозяйское добро, стянуть яичко или изъ кубла вынуть сальца кусочекъ.

Эти самыя ходяки являются гадалками, смотрятъ на руки, щупаютъ уши дѣтей, судьбу предвѣщаютъ.

Гадаютъ цыганки и такъ: изъ четырехъ скрученныхъ попарно нитокъ образуютъ крестикъ; плюютъ на крестообразно сложенныя нитки, при этомъ пищатъ, и спрашиваютъ таинственно у суевѣрной крестьянки:

— Слышишь ли, пищитъ что то.

— Да что то пищитъ —отвѣчаетъ со страхомъ крестьянка.

— Какъ эти нитки крутятся, чтобъ у враговъ твоихъ кишки крутились.

И баба остается очень довольна, что изведутся ея враги,—выноситъ гадальщицѣ коляду.

Цыганки не ограничиваются шатаньемъ по дворамъ и мелкой кражей,—наиболѣе смѣлыя изъ нихъ сопровождаютъ супруговъ въ ихъ воровскихъ походахъ. Жена Фицовскаго Васьки неотступно слѣдуетъ за мужемъ, когда онъ ѣдетъ воровать; самое малое, что она дѣлаетъ,—стоитъ на сторожѣ съ лошадью. Анютка Ивкина зло крала и любила съ цыганами «у воры ѣздить».

— «Ни разу ни прапустить, штобъ ни паѣхать. Сама проситца, вокыла лошадей стаить. Разъ вокыла Ельни забрались цыганы въ кабакъ: яны набрали разныхъ товары̆, сѣли на каней и уѣхали, а Анютка усе капаитца у шелкахъ. И ужъ агонь запылалъ у хати, тольки агонь примѣтивши, ина движко̀мъ, движко̀мъ вывалилась изъ хаты,—и тады товары̆ ня бросила, а съ ахапкый бягомъ бѣгла да паказанныга мѣста вярсты двѣ».

Крестьяне давно привыкли смотрѣть на цыганскія кражи, какъ на дѣло обыкновенное, а у цыганъ выработалось грубое, доходящее до цинизма безстыдство и нахальство.

Ходили цыганки по милостинѣ; идутъ и видятъ, что клѣть Кузьмина

[1]) «Лўбочка»—липовое лукошечко.

отперта—наверху два трибуха висятъ. Пошли въ хату—ихъ подарили; стали онѣ просить скоромины.

Кузьма отказалъ:

— Идѣ вамъ надаѐсьтья [1]) скоромины!

Цыганки обозлились:

— Гаму̀, нѣту, а нѣту! Какъ у тебѣ скора нѣту!

Пришли домой и давай говорить:

— Видали два трибухи висять; кубилъ сала есть.

Пріѣхалъ ночью цыганъ и все побралъ. Черезъ нѣсколько времени хозяины собрались въ кузницѣ: подошли воръ-цыганъ и Кузьма. Давай цыганъ «ляпить пряма у глазы» Кузьмѣ:

— «Што ты, Кузьма, надѣлалъ? Ты абтравилъ насъ! Я на тебе на судъ подамъ! Да хго жъ такъ трибухй [2]) солить? Мае дѣти вады паабпились: какъ прилажуть, прилажуть къ рѣчкѣ, слова поросяты»...

Дѣлать нечего, чтобъ умиротворить расходившагося цыгана, Кузьма отсулилъ ему пѣтуха и поросенка.

Съ хожалыми цыганками крестьяне не особенно церемонятся, особенно если онѣ одинокія, безродныя и, слѣдовательно, беззащитныя. По этому поводу крестьянская дѣвушка передавала мнѣ слѣдующее:—«Шла кривая цыганка Татьяна съ дачкой да Самахотовки. А у маей тетки была рушная курица. Скажить тетка курицѣ: сѐлухна, сѐлухна [3])! курица и садитца. Паглядить мая тетка посли цыганыкъ: нѣту курицы. Дабѐгла за цыганками до липы: содить старая цыганка курицу у мяшокъ.

Тетка узсерча̀ла: выхватила у яе курицу, а самае цыганку за рукавъ тащить: пайдѐмъ са мною, а то къ уряднику. Пайдѐмъ, пайде́мъ: я табѣ ничога ня здѣлаю. Пупя̀лась [5]) цыганка, иднàкажъ [6]) пашла.

Марья, Марья!—гукàить [7]) тетка сасѣдку: няси-ка, Марья, чипялу: да цыганку па галавѣ чипялдо̀й. Дачка плачить, бѣгаить:

— Соу̀ника маё, давольна, давольна—будить: ни забей маю матухну!.. Таперь эта кривая къ намъ у домъ никада ни заходить»...

Застигнутые въ ночной кражѣ, цыганы отчаянно защищаются—задержать ихъ довольно трудно.

---

[1]) Надаѐсьтя—надаешься.

[2]) «Трибухъ»—желудокъ животнаго; «трибу̀хъ» свиньи чинится мясомъ и солится.

[3]) Сѐлухна—крестьянское обращеніе къ курицѣ—сядь, сядь.

[4]) Увсерча̀ла—разсердилась.

[5]) Идна́ка—однако.

[6]) Пупя́лась—оказала сопротивленіе, призадумалась исполнить требованіе.

[7]) Гука́ить—зоветъ.

Разъ зимою ихъ окружили извозчики, цыганамъ удалось на быстрыхъ лошадяхъ, запряженныхъ въ легкія саночки, пробиться, почти перескочить чрезъ обозъ. Нѣкоторые цыганы были задержаны; чтобы выручить товарищей, остальные напали на мужиковъ съ кольями. Уловка удалась. Пользуясь переполохомъ, плѣнники ушли, и всѣ цыганы довольно благополучно отдѣлались отъ преслѣдованія.

Ближайшіе сосѣди цыганъ, уличивъ ихъ въ воровствѣ, иногда не обращаются на нихъ съ жалобой на судъ, а взыскиваютъ убытки по взаимному соглашенію.

— «На адну ночь цыгани сабаку абтравили, на другую ночь іўцу [1]) узяли. Пойманы были; заплатили три рубли за іўцу и два рубли за абтравлинную сабаку».

Медвѣдовцы (Медвѣдовка въ двухъ верстахъ отъ Киселевки), мужики богатые, развитые и страстные охотники, объявили киселевскимъ цыганамъ, чтобы они ночью не разъѣзжали около Медвѣдовки:—«неравно съ ружжа̀ пупадемъ».—Цыганы Медвѣдовцевъ совсѣмъ не трогаютъ.

У отдаленныхъ крестьянъ цыганы крадутъ особенно дерзко.

Раза два Киселевка горѣла; говорятъ, ее поджигали изъ мести ельнинскіе мужики: ужъ сильно разобидили ихъ киселевскіе цыганы.

У Краснинцевъ, Ельнинцевъ киселевскіе цыганы пользуются заслуженно недоброю славою, и боятся жъ они попасться на судъ, въ коемъ засѣдаютъ могилевскіе или краснинскіе присяжные изъ крестьянъ — «и бымши правъ у нихъ у Сибирь угадишь; аблакатывъ эти присяжные ня дужа-то слухають, а гаварять: виновинъ цыганъ, па усимъ статьямъ виноватъ, пащады яму никакой—во и всё тутъ».

Въ народныхъ сказкахъ, легендахъ и пословицахъ цыганы изображаются профессіональными ворами, съ умомъ дерзкимъ и насмѣшливымъ.

Одинъ помѣщикъ (это уже было давно) спросилъ у цыганъ, отчего они исключительно занимаются воровствомъ.

Отвѣтъ такой былъ:

— «А это ужъ такъ издревле ведется отъ отцевъ».

Одинъ цыганъ встрѣтился съ Георгіемъ Побѣдоносцемъ. Георгій Побѣдоносецъ ѣхалъ на дивномъ конѣ, подкованномъ золотыми и серебряными подковами. И сталъ цыганъ горько жаловаться ему, Георгію Побѣдоносцу, на свою горькую участь.

---

[1]) Іўца—овца.

Георгій отнесся къ жалобѣ цыгана съ большимъ вниманіемъ и передалъ ее Богу.

Богъ внимательно выслушалъ жалобу Георгія Побѣдоносца, потомъ сказалъ:

— Народъ этотъ—воръ, такимъ онъ былъ, такимъ и останется, и не стоитъ за него заступаться. А гдѣ жъ подкова на твоей лошади? Вѣдь ты разжалобившись и не замѣтилъ, какъ цыганъ ее снялъ во время разговора.

Въ одной народной сказкѣ цыганъ сѣетъ съ мужикомъ деньги.

Посѣявъ небольшое количество денегъ, каждое утро они находятъ свой капиталъ съ нѣкоторымъ нарощеніемъ, чему мужикъ душевно радуется.

Разъ посѣяли они большую сумму, и ужъ не нашли ничего.

Мужикъ сталъ печаловаться цыгану, зачѣмъ онъ посовѣтывалъ «сѣять деньги»; цыганъ ему отвѣтилъ: «а нихто таму ни винуватъ, что сегоднешнее утро сухорось была».

Мужикъ кучу вѣить, а цыганъ кала̀ кучи [1]) руки грѣить, говоритъ народная пословица.

Правда цыганская!

Цыганы принимаютъ косвенное, но живое участіе въ сельскихъ выборахъ. Прямого участья въ выборахъ они принимать не могутъ, во-первыхъ, потому, что большинство числится мѣщанами; во-вторыхъ, нѣкоторые изъ нихъ крестьяне, судившіеся за воровство, навсегда лишены избирательнаго права.

Въ своихъ интересахъ цыганы являются сильными сторонниками нѣкоторыхъ лицъ, выбираемыхъ въ старшины.

А чтобы лучше подѣйствовать на избирателей крестьянъ, они пускаютъ въ ходъ разнообразныя средства; напр., запугиваютъ воровствомъ робкихъ и неразвитыхъ деревенскихъ обывателей:

— Гамѝ, вашихъ бараныў усихъ пакрадимъ, если ня выбиритя такого волостнаго.

Болѣе развитые изъ нихъ отлично понимаютъ, въ чемъ должны состоять обязанности судей, волостнаго, имѣютъ правильныя гражданскія свѣдѣнія, но они пользуются своимъ знаніемъ, только въ отрицательную сторону, то подсмѣиваясь надъ мужицкою неразвитостью, то стараясь извлечь изъ нея для себя пользу. Ивка, одинъ изъ самыхъ умныхъ старыхъ киселевскихъ цыганъ, любитъ присутствовать на крестьянскихъ судахъ, а потомъ онъ со смѣхомъ разсказываетъ о томъ, что видѣлъ и слышалъ, лежа за перегородкой въ волости, «какъ у него, было, пупки порвались отъ смѣху».

Сельскіе даютъ большую потачку односельчанамъ цыганамъ, не желая

---

[1]) Кала̀ кучи—около кучи.

ссориться съ ними, не желая нажить себѣ опасныхъ враговъ въ одной деревнѣ, и потому то обыски, которые дѣлаются при помощи сельскихъ, часто не достигаютъ своей цѣли: сельскіе, если отъ нихъ зависитъ, укрываютъ и бѣглецовъ и краденыя вещи.

Не всегда и урядникъ держитъ въ рукахъ цыганъ.

Урядникъ слабохарактерный, по мужицкому выраженію, «несамовитый», ничего съ ними не подѣлаетъ.

Если же урядникъ становится съ цыганами, какъ говорится, на одну ногу, если цыганы замѣтятъ слабость урядника или къ вину или прекрасному полу, то они не преминутъ воспользоваться ею, при случаѣ даже побить урядника, всячески же унизить его.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ проживалъ въ Прудковской волости урядникъ, который положительно сдерживалъ воровскія наклонности цыганъ: не давалъ имъ красть и у сосѣдей и въ мѣстностяхъ отдаленныхъ.

У урядника Н... была натура русская, крѣпкая, коренастая, умъ имѣлъ онъ проницательный.

Н... обходился съ цыганами строго, провинившихся въ воровствѣ нещадно билъ погайкою, доводя до лихорадки; при обыскахъ Н... былъ очень хладнокровенъ, остороженъ и имѣлъ постоянно въ рукахъ револьверъ.

Такъ какъ цыганы — народъ очень горячій, положительно не помнящій въ азартѣ, на что рѣшается, лица, ѣздящія къ нимъ въ обыскѣ за своимъ добромъ, во избѣжаніе всевозможныхъ худыхъ послѣдствій, должны быть хорошо вооружены—даже во время крѣпостнаго права цыганы позволяли себѣ причинять насилія сыщикамъ, кто бы они ни были, хотя впослѣдствіи обидчикамъ доставалось за это.

Цыганы крѣпки тѣмъ, что образуютъ воровскую общину: вмѣстѣ крадутъ, вмѣстѣ укрываютъ, по согласію распредѣляютъ между собою похищенное добро; если жъ на нихъ падаетъ вина, они указываютъ, кто долженъ за нее нести отвѣтственность, и виновна ли извѣстная личность или нѣтъ, или въ какой степени она причастна содѣянному преступленію,— все равно,—она подчиняется общественому приговору.

Нѣкоторые изъ цыганъ отличаются сепаратизмомъ; тѣ не любимы и держатся особнякомъ.

Еще крѣпки киселевскіе цыганы своею солидарностью съ ельнинскими и рославльскими цыганами; тѣ и другіе часто роднятся посредствомъ браковъ.

У киселевскихъ цыганъ есть глава, человѣкъ разумный и опытный, который имѣетъ на нихъ вліяніе.

Ивка, такъ зовется главный цыганскій заправило и вожакъ, опредѣ-

ляетъ цыганскія отношенія къ сосѣдямъ, т. е. къ кому ѣздить въ воры и къ кому не ѣздить, кого трогать и кого нѣтъ; иногда, по требованію ближайшихъ помѣщиковъ или властей, Ивка велитъ цыганамъ возвратить владѣльцу похищенныхъ у него лошадей, и Ивкѣ повинуются: будто совершено случайно въ указанномъ мѣстѣ потерпѣвшее лицо находитъ свою собственность.

Управляя цыганами, старый Ивка слѣдуетъ какой-то политикѣ; Ивка ручается исправнику или уряднику, что въ продолженіе извѣстнаго времени въ такомъ-то районѣ цыганы ни подъ какимъ видомъ не побезпокоятъ мѣстное населеніе своими кражами; и чтобъ обязать цыганъ къ повиновенію, Ивка отбираетъ у нихъ присягу.

Цыганы увѣряютъ, что такая присяга тяжела, и производитъ на нихъ самое удручающее впечатлѣніе: во время присяганья они плачутъ; что такая присяга неотразима: ея прямой смыслъ нельзя обойти ни какими ухищреніями и изворотами ума, никакими уловками, какъ-де дѣлаютъ иногда мужики со своей присягой; что такая присяга ненарушима: тутъ же дѣти присутствуютъ,— цыганы клянутся передъ Богомъ самымъ дорогимъ для нихъ предметомъ— дѣтьми. Сверхъ того, такая присяга общеобязательна, обязательна для всѣхъ цыганъ извѣстнаго округа.

Однако очень недавно цыганы нарушили свою присягу.

Въ Прудковской волости что то часто стали проявляться кражи; урядникъ началъ ѣздить въ обыскъ къ киселевскимъ цыганамъ. Цыганы ему говорили:

— Не тревожьтесь напрасно, господинъ урядникъ: мы присягали не воровать по ближности.

— А, всё-таки, воруете, замѣтилъ урядникъ: у такого-то цыгана сегодня мы нашли пропавшаго гуся.

— Это у того?

— Да, у того.

— На немъ не взыщитя: онъ совсѣмъ, совсѣмъ дуракъ, ваша благородія.

Нѣкоторые мѣстные крестьяне сдѣлались, по примѣру цыганъ, отчаянными ворами, и темпераментъ у нихъ выработался вспыльчивый и въ рѣшительную минуту отчаянный.

Удивительно, какъ при этомъ не пострадали ихъ рабочія качества: киселевецъ слывётъ хорошимъ работникомъ.

Цыганка, вышедшая за мужика, становится трудолюбивою работницею, вполнѣ пригодною для крестьянскаго быта; крестьянка, вышедшая за цыгана,

становится лѣнтяйкою, неряхою; теряетъ то доброе, что крылось въ ея нравѣ и способностяхъ, и усваиваетъ цыганскую распущенность.

— Ана насъ окоснўла!—говорятъ цыганы о такой оцыганившейся бабѣ.

Народная пословица:

Больше бойся прицыгăнкыў, нежоли цыганъ.

Въ Кисслевкѣ и въ сосѣднихъ деревняхъ встрѣчается у крестьянъ типъ, приближающійся къ цыганскому: смуглый, черноволосый, изрѣдка курчавый, стройный, способный поднять крестьянскій трудъ, умный, ловкій и расторопный,—это типъ смѣшанный [1]).

Цыганы не особенно любятъ конкуррентовъ въ воровствѣ, и потому они являются шпіонами и выдатчиками.

Они славолюбивы, и не прочь заслужить славу и получить денежную награду. Отчаянные разбойники и воры, наводившіе страхъ въ губерніи, были пойманы при ихъ помощи, благодаря ихъ смѣлости и ловкости. Мужиковъ даже своей деревни они не боятся и при случаѣ, при ссорѣ, обнаруживаютъ ихъ плутни.

Ивка ловитъ Прокуду [2]).

(Разсказъ цыгана Ивки).

Пракуда хатѣлъ напасть на Кашкинскій футыръ (хуторъ). У тымъ футыри жилъ багатый прикащикъ. Прикащикъ, дазнаўшись, што яму ни сдабравать, што Пракуда збираитца иминна яго аграбить, увидамилъ исправника. А исправнику захотѣлось бизпримѣнна накрыть Пракуду на Кошкинскымъ футыри, патаму што Кашкинская гаспажа была знатная Питянбургская барыня, и яму была дужа лестна ей угадить. Исправникъ сталъ прасить миня памочь паймать Пракуду, патаму што я дужа харашо зналъ, идѣ прибиваитца Пракуда са свасй шайкый; и какъ я за имъ слядилъ, такъ зналъ упярёдъ, што іонъ сабираитца дѣлать.

Я свёлъ дружбу съ Драздомъ, разбойникымъ изъ Пракудиный шайки; онъ мнѣ обѣщался помочь поймать Пракуду.

Я и съ самимъ Пракудый азнакомился; придлагаить мнѣ съ нимъ заодно итти на Кашкинскій футыръ.

— Тысичъ питьдисятъ вазьмёмъ.

---

[1]) Смуглые, черноволосые мужики въ Прудковской волости часто называются «цыганками».

[2]) Прокуда разбойничалъ, а больше воровалъ въ Краснинскомъ уѣздѣ и былъ пойманъ при помощи Ивки цыгана, о чемъ идетъ рѣчь въ предлагаемомъ разсказѣ.

— Есть?

— Есть. Какъ ня быть?! Када ня будить тысичъ питьдисятъ, мино забейте.

— Ну, тыкъ вотъ что: идите подъ воскресенье: прикащикъ у бани памыитца, будить спать пакрѣпче.

— Пайдешь зъ нами?

— Пайду зъ вамы; а если ни пайду, такъ мы, цыгани, васъ прибирагать будимъ: сматритя жъ, штобъ и намъ часть была. И свѣчку мы вамъ дадимъ; ана стярлинавая бутта, а у самымъ дѣли изъ человѣчискыва сала: якъ запалите сту свѣчку, спать будутъ примиртва [1]).

Сяводни сказали бъ, а заўтри бъ идить нада. Мы ударили сту штуку [2]) паскарѣй, чтобъ вѣрнѣй дѣла абгадувать [3]).

Съ вечира на Кашкинскинскій футыръ пріѣхалъ и какой-та чиновникъ съ папятыми. Чиновникъ спрятался съ сваими людьми недалеко отъ дома, исправникъ сталъ подли сундука съ диньгами, бытта дли бирежённасти [4]) при имъ ривальверъ абъ шасти выстрилахъ, а я у тэй жа втарой комнати сталъ оглы дверей—двери расчинялись ня ў комнату, а вонъ изъ комнаты; у другой двери спрятался мой братъ—цыганъ. Мы сабрались хапать Пракуду съ таварышимъ, якъ будутъ они идить къ сундуку.

На печку забрался прикащикъ са сваимъ сямействымъ, и къ яму папятыи для иво [5]) Никалая Иврафьича бирежённасти, и сидѣлъ тамъ Никалай Иврафьичъ ни живъ, ни мертвъ атъ страху, дарымъ што мы были около няво. Собакъ запёрли [6]) и ни вялѣли выпускать лишній народъ изъ дому. Долга мы ждали вароў. Якъ пиривалила за полначъ, паслышалась «дрыннъ, дрыннъ»! Бамбёнки [7]) стали вакошки вымать [8]).

Якъ паслышалась ста «дрыннъ, дрыннъ», исправникъ атъ страху закалыхаўся—падъ имъ полъ—тыхъ, тыхъ—такъ и ходить хадаромъ.

Вары прашли мима двери, астанавились огли шкапа, нашли тамъ водку и закуску и абаратились назадъ,—гаварятъ астальнымъ варамъ:

— Мы сабѣ нашли водки и закуски, а идитеска вы!

---

[1]) Примиртва—крѣпко.
[2]) Ударили штуку—затѣяли, цыг.
[3]) Абгудувать—устроить, обдѣлать.
[4]) Бирежённасти—бережности, по цыг.
[5]) Для иво—мужиц. для или дли ягó.
[6]) Запёрли, цыг.—мужицк. «запёрти», «зачинили».
[7]) Бамбёнки—прозвище воровъ шайки Прокудиной.
[8]) Вымать—вынимать.

— Атчаво жъ вы не шли къ сундуку?

— Да, тамъ паказалась намъ што та пыхаить.

А Дроздъ гаворить:

— Дураки вы! Ета кошка прабѣгла, чаво спужа̀лись?! Вы знаитя: атъ етый свѣчки дымокъ пайдеть у комнату, такъ всѣ замертва будуть спать— тольки запусти дымку, и усихъ замиртвѝшь [1]).

Какъ разгаворъ етый зашолъ, апять исправника ударила у дрожъ— полъ такъ и затрёсся: трыкъ, трыкъ! (онъ тушинъ [2]) былъ дужа, исправникъ).

Самъ Пракуда гаварить:—Ну пайдемъ, Васька̀: я съ ружжомъ, а ты съ тапаромъ... Гляди жъ, Васька: Божа сахрани, если прикащикъ будить стаять, вали тапаромъ са ўсей силы...

Услышаўшии етытъ разговоръ, исправникъ ящо болій задрыжѣ̀ў [3]), и мостъ весь закалатіўся. Штобъ прійти у сибе, закуріў папироску—пыхаить заріўца [4]) атъ папироски.

Што мы поумѝли [5])? Нада дать знать, што мостъ калотитца, и што папироски курить ни нада.

Живая смерть [6]) каждаму страшна! прикащика и прикащицу панятыя диржать и прибадриваютъ, штобъ съ пугу ня крикнули.

Тада я у чулочкахъ тихинька падашолъ, штобъ душичка уныкнула [7]) къ гаспадину исправнику и сказалъ:—ни трясися и ни калатися и ни кури цыга̀рку [8]) (іонъ то и дѣла вяртить яе и калотитца): атъ шуму и примѣтя заріўца, што ты пыкаишь, разбойники ни пайдуть у комнату, и не съ кѣмъ намъ будить къ губирнатару паказатца...

— Што мнѣ дѣлать? я баюсь, штобы мнѣ чаво не была... Я буду, Ивка, стрилять (курочки узвёлъ).

— Што ты дѣлаишъ, ваша высокоблагородія?! стучишъ курками... ты, умѣста разбойникыў насъ усихъ пирибьешь! [9]) нильзя стрилять! мы, ты нябось, ихъ къ табѣ ни дапустимъ... А яму ищо страшнѣй стала посли за-

---

[1]) «Замиртвѝшь»—приведешь въ сонное состояніе.

[2]) Ту́шинъ—полонъ, жиренъ.

[3]) Задрыжѣ̀ў—задрожалъ.

[4]) За́ріўца—зарево, отблескъ огня, пожара

[5]) Паумѝли—подумали.

[6]) Живая смерть—насильственная смерть или, какъ мужики говорятъ еще, нахальноя.

[7]) «Уныкну́ла»—вернулась.

[8]) Цыга́рка—папироска, сигарка.

[9]) Пирибьешь—по мужицки, пирябьешь.

пряще́нія стрилять: то думаитца, што ляснуть мине па галавѣ тапаромъ или ружжо̀мъ.

— Нябось жа, ня бось... тсс! ваша высокоблагородіе, идуть...

Васька идеть съ тапаромъ, Пракуда—ружье припадняўши, и гразитца тихинька: «тыхай, ня тыхай, а мы тибе са ўсяго плича—атъ акошка намъ усе видна будить»...

Видя мы, што тутъ бизъ чога ня будить, што сичасъ яны увидають ли сундука стаю́щига чилавѣка — чуть яны прашли, я брата Ѳедю скубъ. Цопъ мы ихъ за плечи, стиснули ружье и тапоръ. Галавы у нихъ на бяду стрижиныя: за чубъ никакъ ни ухватишь, апрічь вотъ какъ—подъ пахи. Яны рвались, дужа рвались: то мы, то яны падъ испо̀дъ—диваны уси паламали. Исправникъ кричить: агня, агня! А уси баятца: верхніи панятыи баятца лѣзть съ печи—думають, што многа народу, а нижніи панятыи, каторыхъ исправникъ пумястилъ окала дома, тѣ са сваимъ чиновникымъ увааспались—спьять [1]), якъ мужики пяньку прадаўши. Чѣмъ бы ета кончилась, няизвѣстна: замучились саўсѣмъ, саўсѣмъ прибились. Исправникъ дагадался, сталъ съ писталета стрилять у вакно и кричить:

— Свѣчку черти, черти свѣчку!

Сабаки, услышаўши такую тривогу, такей гамъ, пришли у бальшей азартъ, павышибли стекла въ тѣхъ избахъ, гдѣ были заперты и акружили домъ, давай у вакошки залазить; за сабакамъ пришелъ съ агнямъ [2]) народъ, атъ го̀мана [3]) праснулись и караульные: весь народъ валить къ намъ. Видить Пракуда съ Васькой, што ихъ дѣла ня выгарѣла, притихли и биться перестали; астальные жъ жулики, што съ ними были, тѣхъ давно и слѣдъ прастылъ. Асвятилась комната. Стаять Васька и Пракуда смирна, какъ бараны. Ляжить ружьё, ляжить тапоръ, тутъ и асколки стикла битава.

Исправникъ пришолъ у бальшей гнѣвъ: вынулъ саблю, давай яе вастрить.

— «С. дѣти, разбойники, галавы атшархаю: кайтись!

Я вамъ пакажу, какъ съ ними нада! Вы съ ними долга будитя разгаваривать»... падашелъ къ нимъ: трахъ, трахъ—тыя пупадали. (Исправникъ былъ мущина приздаравенный, галава во какая была, плечи во какія).

— «Теперь вяжитя ихъ! а ты харошъ, гаспадинъ чиновникъ! лежень, мерзавецъ... Падумай сколька ты народу упустилъ.. я тибе падъ судъ атдамъ»...

---

[1]) Спьять—спятъ; спьять, по особенному цыганскому произношенію.

[2]) Съ агнямъ—съ огнями; въ произношеніи старыхъ цыганъ творительный падежъ множ. числа сходенъ съ дательнымъ.

[3]) Атъ го́мана—отъ говора.

Чиновникъ бухъ на калѣнки, просить губирнатыру ни данасить.

Сняли съ печи прикащика и прикащицу, ни живы они ни мертвы; имъ са страху небо съ авчинку показалось.

Прикащица долга у сибе ни прихадила,—вадою атливали; апомнившись, бухъ на калѣнки предъ исправникымъ:

— «Защититиль ты нашъ, гаспадинъ исправникъ! забярёхъ ты нашу галоўку»!.. [1]).

Вынисли намъ спирту, пашло угащеніе. Прикащикъ съ прикащицей стали гаспажѣ у Питирь письма писать и мяне пумянули; исправникъ тожа прижаластная письмо атписалъ.

Биляцкій [2]).

(Разсказъ цыгана Ивки).

Биляцкій былъ харошій панъ—астрохъ яго ни диржалъ, и кандалы ни брали; три раза изъ астроха утикалъ. Я у жупанѣ атъ няво ухадилъ, а исправникъ прятался у статскый адёжи.

Первый разъ яго взяли въ Уварыви, а утарэй разъ у Магилеўскый губерніи. Нападеть на господскій гомъ, ни убиваить, а абчистить усё; паймаить барышню, павозить, павозить, да и пустить: иди, матушка, во свояси.

Ѣздилъ онъ па Краснинскимъ уѣздѣ—схадила яму пака; патомъ забрался у Смаленскій уѣздъ, на имѣніе Марьи Петровны напалъ.

Марья Петровна знала, што дѣлать. Лятить прямa къ губирнатару. Стала пиридъ имъ на калѣнки:

— «Ваша привасхадительста, какъ вы прикажитя: жить намъ дòма или кидать домà, када насъ изъ харомъ тигають?»

Вы думаитя, ана хатѣла унизитца пиридъ губирнатарымъ, штобъ ево разжалобить—ана хатѣла аво пристыдить.

Што жъ губирнатаръ сказалъ? Губирнатыръ сказалъ:—«Будьте пакойны, сударыня».

А ана яму што: — «если ваша милость ни защитите насъ, мы знаимъ, идѣ у царя вароты атваряютца».

---

[1]) «Забярёхъ галоўку» - сохранилъ жизнь; выраженіе это часто вертится на цыганскомъ языкѣ.

[2]) Разбойничалъ въ Смоленской губерніи и такой страхъ навелъ на всю губернію, что имъ дѣтей пугали; съ теченіемъ времени Бѣляцкій сдѣлался полулегендарной личностью, въ родѣ капитана Копѣйкина.

Губирнатаръ спыхнулъ, спыхнулъ дужа.

— Ваша палиція, говорить, плаха.

Жалдбу [1]) губирнатыру задала слаўную.

Исправника припитнять [2]) сталъ. Призывать къ себѣ.

— Какой ты испраўникъ, што ня знаишь, што грабежи ва въѣздѣ аткрываютца! Штобъ разыскана была дѣла—и дома да тѣхъ поръ ни живи. Черезъ васъ не буду я атвичать. Мнѣ приходится самаму разбойника лавить, губерніи начальнику. Разузнайте всё и ни разузнаўши дамой ни пріизжайтя...

Искали, искали и становыя, и испраўникъ, и краснинскій испраўникъ у помачъ яму—ни магли нійдѣ разыскать. Стала быть, прапалъ чилавѣкъ, а праѣзжалъ.

Ѣздють па 12 чилавѣкъ, а идѣ дяютца—ни знама идѣ!

И былъ старый у насъ станавэй Лебидивъ. Здѣлали савѣтъ. Удрухъ пряма и гаворить Лебидивъ исправнику (іонъ у новасти былъ и мине ни зналъ):

— Хотя мы будимъ искать, мы ничаго ня можимъ здѣлать, а вотъ кали што здѣлаить, ня здѣлаить Ивка.

Пріѣхалъ ка мнѣ исправникъ па савѣту станавога и лёхъ [3]):—«што хочишъ, то и дѣлай; дай помачи—жить нильзя: вотъ съ какихъ поръ дома ни бываю. Што хочишъ, то и бяри» ..

—Я дамъ вамъ помачи, если гиниралъ [4]) назволить. Вотъ пачаму панадабилась дазваленіе.

Къ гиниралу пріѣзжалъ Биляцкій, нарядившись купцомъ и привазилъ прадавать двѣ шубы: адна амириканскихъ мядвѣдей, а другая барашковая.

Гиниралъ ни зналъ, што шубы крадиныя, аднача ни стаў куплять—пубаялся.

Ухадя Биляцкій, (гиниралъ наканецъ дагадался, что онъ Биляцкій) сказалъ:

— Если ня будуть ваши цыгани мяне трогать, у васъ все будить цѣла, и я ня буду шкубунять [5]) около сосѣдей.

Гиниралъ сказалъ, штобъ мы яво ня трогали. Исправникъ поѣхалъ къ гиниралу.

Разсказалъ исправникъ гиниралу, што надѣлалъ Биляцкій—тада гиниралъ дужа разсердился.

---

[1]) Жалдбу—«заботу», въ данномъ случаѣ.

[2]) Припитнять—«прижимать».

[3]) «Лёхъ»—упрямо сталъ просить.

[4]) «Гиниралъ»—помѣщикъ, въ зависимости отъ котораго находились киселевскіе цыганы.

[5]) Шкубунять—«баловаться», воровать.

— Када іонъ сталъ такъ безобразничать, такъ пусть Ивка ловить Биляцкага; толька ты гаспадинъ исправникъ, ни абижай Ивку: ты яму за труды заплати харашенька! Ты имѣй въ виду, што Ивка, быть можить, галоўку патиряить. Гаспадинъ исправникъ, я имѣлъ яго въ виду: вить онъ, Биляцкій, ни што нибудь, птушка парядашная: глаза какъ у волка;—када Аничкинъ [1]) и то пустилъ иво, паймаўши у въ амбарахъ».

— Я абѣщаю Ивки сто рублей.

— А я свидѣтиль на ета. Сматритя толька: вы, можить, паймать ни паймаитя, а раздразнитя, што онъ мнѣ жить ни дасть. Мае вакошки плахея: сичасъ улѣзить ка мнѣ, я—чилавѣкъ ни симьянистый.

Атъ гинирала исправникъ сичасъ ка мнѣ. Вотъ мы пагаварили и атправился я съ имъ у Смаленскъ; а съ Смаленску я пяшкомъ пашолъ бытта брадяга няпомнящій [2]) к пашоў у Краснинскій уѣздъ.

Я зналъ упярёдъ, што яны (Биляцкій съ шайкый) пріючаются у сяльцѣ Уварови у трехъ верстахъ. Тамъ диржалъ пастаялый дворъ Пярекста [3]). Биляцкій снюхался [4]) съ яво дочкой, и што ни украдить и што ни заграбить, то къ яму, Пярексти, и нясеть.

Пришолъ я на пастаялый домъ.

— Здрастуйте вамъ!

— Здрастуй!

— Можна чайку паставить самаваръ?

— Али мозна. Аткуль-за ты?

— Са ўсяго свѣта—няпомнящій. Што ты у мине спрашиваешь, у бѣднава странствующаго человѣка»?

— Ну, выпьимъ чайку и пазнакомимся.

Наставили самаваръ, и ну пить чай. И бытта я въ акошка паглядаю—баюсь, штобъ ни схватили мине; дѣлаю ета, штобъ онъ замѣтилъ, што я баюсь, и ни дагадался, што какой-нибудь фокусъ.

Разсказать тебѣ, што я ушоўши съ самый Сибири.. такъ вотъ я три гады странствую. Ни купилъ бы ты у мине вещи? да, есть у мине вещички, кали бъ вы у мине ихъ купили...

— А какея алй [5]) у тибе вещи?

---

[1]) Аничкинъ—Аничковъ, богатый сосѣдній помѣщикъ, давно умершій.
[2]) «Няпомнящій»—эпитетъ бродяги.
[3]) Пярѐкста—перекрестъ.
[4]) Снюхался—слюбился.
[5]) Алй—жидовская поговорка.

— Есть у мине пасуда сиребриная; есть и холстъ. Гасподскія шубы есть. Есть у мине дарагея гасподскія адежи, патаму што я у кладавэй набралъ.

— А идѣ жа адежа?

— Схована [1]).

— А кадыжъ ты мнѣ али привязёшъ.

— Скоро.

— Какимъ за родымъ ета намъ здѣлать, штобъ ты мнѣ ету адежу продалъ?

— На такомъ аснаваніи прадамъ, штобъ мала хто зналъ. Када скажитя, ета адежа привезется, всё—и вощи—патомъ я яму пытаю [2]):

— Ти нѣту вотычки?

— Сколька али нада.

Падаеть вотку, и сталъ самъ наливать.

— Нутка, пей самъ—азнакомимся.

Удрухъ іонъ выпаваить стаканъ водки, наливаить и мнѣ—принуждонъ и я выпить. Дочь была у Пирексты красивая, которая зъ Биляцкимъ любилась, и ина зъ нами сѣла. Удрухъ ина начинаить:

— Какой слаўный парень, если онъ зъ имъ пазнакомитца.

(А пра Биляцкыга ещо не была рѣчи). Я усе убиваюсь у честь—гаварю пра крадиныя вещи—явреи ета любють.

— Да паринь харошій, када бъ мнѣ мѣстечка нашлось, какъ я есть няпомнящій.

— Нашоў бы я тябѣ мѣстечка, толька кали будитя мнѣ пользу давать... Я тибе прилучу къ гаспадину Биляцкыму... ти чуўты пра яго?

— Слышать то слышаў, тольки видить ни пришлось. Я бы жилалъ, кали бы вы мине прилучили къ ѐму [3]), патаму што я слышаў, што у няво ухватка маладецкая. Ахъ, маладецъ! Падарыкъ бы харошій палучили бъ атъ мине, еслибъ пріютили.

— Али будишь мнѣ благадарить.

— А какимъ жа родымъ мнѣ яго увидить?

— Али кали ты хочишь?

— Я хачу, када вы скажитя, штобъ намъ увидитца.

— Пріѣзжай ты такого-то числа и привази весцы.

---

1) Схована—спрятана.

2) «Яму пытаю»—мужицк. «у яго пытáю», т. е. у него спрашиваю.

3) Ему—мужицкому «яму»; цыганскій акцентъ отличается отъ крестьянскаго.

А я ужу яму гаварю:

— Пасмотримъ, какой больши привязеть, ти ты, ти я.

(Я ужу знаю, какъ пріѣхать—съ испраўникымъ съ панятыми)

Я и гаварю:

— Скажи, вѣраятна, када мнѣ быть. Я радъ бы видѣть, что Биляцкій увѣрится самъ, что я ловакъ на дѣлѣ, и прашу, штобъ свасй рекамендаціей ты саединилъ насъ. Нипримѣнна нужна намъ видитца.—Падумалъ, падумалъ, и гаворить, штобъ у двинацатымъ часу такога-та числа, штобъ былъ я—и будить Биляцкій:

— И весци, сматри, ни забудь: привази съ сабою.—Тада уже я поблагодарилъ ево и заплатилъ за то, што прохарчевалъ и выпилъ, щедра и сказалъ мнѣ онъ апять: такого-то числа прихади у надёжу маю—биззпримѣнна увидисьтя съ гаспадинымъ Биляцкимъ. Я уже атправился атъ ево пряма у Смаленскъ къ исправнику; прихажу и гаварю:

— Дѣла разыскана!

Дажа пацалувалъ, дажа узрадувался. Тада савѣтъ мы здѣлали. Спрашіить мине, какъ яго узять.—«Губирнатыру нада далажить: а то ни вазьмемъ». Губернатаръ далъ приказъ, штобъ дали намъ салдатъ съ Краснаго у помащъ. Сѣли мы на паштовыхъ да и у Красныя, и зъ намы увялился слѣдоватиль ли пользы свасй.

Какъ пріѣхали у Красныя, то узяли мы 50 чилавѣкъ салдатъ вааружённыхъ. Пришли за дня всѣ въ Уварава сельцо къ дому Пярексты и паставили мы ихъ, усихъ салдатъ, кала хлявовъ, кала страсенія, штобъ ни замѣтилъ нихто.

Тада приказали имъ, какъ скажимъ «ура̀», тада всѣ цѣпымъ кругомъ, и самы были кала солдатъ.

А Пирексту съ жонкый и дочкый звизали, штобъ ни выхадили изъ дому и стражу къ нимъ приставили, штоба хто ни пріѣдить, ничога нихто ни гаварилъ.

А аднаво солдата у синяхъ, у скрытнымъ мѣсти паставили: какъ только хто влѣзить въ комнату, то прихватить дверь на клямку.

А другова паставили салдатика — какъ толька въ избу вайдуть, такъ на лошадяхъ ухадить ихнихъ: въ случаѣ если хто выйдетъ изъ дому,— агў [1]), пяшой астанитца.

Уже пробила десить часовъ вечира, и да двинацатыва часу дасѣдили мы—и думалась, што нѣту.

---

[1]) Агў—увы, къ несчастью.

Удрухъ у первымъ часу посли двинадцатава валяють яны на шасти лашадяхъ двинадцыть чилавѣкъ, на каждымъ по два сидаки.

Ну, гаспадинъ Биляцкій ѣхалъ упиряди са сваимъ кучиромъ Ягорымъ Михайлавымъ. То какъ ани пріѣхали къ пастаялыму двару, то вдругъ гаспадинъ Биляцкій сдѣлалъ распоряженіе (хитеръ онъ былъ, дужа хитёръ):

— «Праѣзжайте мима усѣ—только мы у дваихъ съ кучирамъ заѣдимъ, а вы мима праизжайте и станавитись у гоньки: а то паѣдить хто знакомый и увидить, што насъ шайка—пазнаить».

Удрухъ тыя пакатили и астанавились у верстѣ. Гаспадинъ Биляцкій, какъ ишолъ, пряма у комнату и кучиръ зъ имъ Ягоръ Михайлыў у надёжи свайго рысака [1]), што іонъ пріушинъ—ни пайдеть; нѣкатарыя ружжи были запасныя—остались у санёхъ [2]).

Када ани ухадили у комнату, сичасъ салдатъ дверь прихватилъ. Утарой салдатъ на лошадь сѣлъ и укатилъ у дяреўню. Аставался Биляцкій са сваимъ кучирамъ.

Вдрухъ послышался крикъ «ура»!

Сичасъ цѣпь салдатъ акружила домъ, а Биляцкій у доми закричалъ: падаитя агонь! А тамъ некому падавать: усѣ звязаны.

Видя Биляцкій, што народъ митусйтца [3]) вокала вакошикъ, тронулся у двери—ни пускають; тронулся къ вакошкамъ салдаты стаять.

Тада, ухватёмши стула, брякъ въ акно, а Ягоръ Михайлывичъ сибѣ ходъ прабиваить, стулъ брамши. Какъ Биляцкій у вакошка, салдаты изъ ружей пулями стрилять. А Биляцкій, замѣтивъ, что салдаты изъ пуль стриляють и что ухадить нильзя, давай пускать іонъ изъ ривальвера—пускаить и прячитца за стѣну, и Ягоръ пускаить—и тожа за стѣну. А салдаты састигали усю стѣну.

То када начался стрѣлъ стый, видють люди, што нашива главнакамандующига гаспадина Биляцкаго бяруть, здѣлали абаротъ, и, ну, пускать изъ ружій, атбивать яво, Биляцкага, и чуть ли ни атбили—пришлось душна.

Што уже гаспадинъ Винаградывъ, слѣдаватиль, сталъ на калѣни зъ етыва пугу и сказалъ:

— «Чаво мине чортъ сюда принесъ?! Што ета, пу праўди сказать, ни маё дѣла: астанутца мае дѣти сиратами».

Ну, спраўникъ, хатя урабѣлъ, ну, должнасть яго была такая: на сябе пинять ни прихадилась. Дагадался: абаратіў салдатъ, и сказалъ:

---

[1]) У санёхъ—въ саняхъ.
[2]) У надёжи свайго рысака—въ надеждѣ на своего рысака.
[3]) «Митусйтца»—«снуетъ, волнуется».

— «Пускайтя у тую кучу—каторыхъ нибудь пупадите. А яны вотъ, вотъ на насъ наступають. Начали пускать у тую кучу и въ нѣкоторыхъ по щастю пупали, абранили; слышинъ былъ крикъ: — «ахъ, Божа мой, абранили»! Абаратились—и давай утикать. Тада скора и гаспадинъ Биляцкій—ни стала у яго пораху и зарядыў—вскрикнули скрозь двери:

— Берите мене теперь!

Тада нихто ни атважился идить къ яму; сагласились двоя салдатъ упяредъ идить: ружья взяли напярёдъ пикама, а третій са свѣчой, и ухадили такъ у комнату.

Гаспадинъ Биляцкій скрестилъ руки и сказалъ:

— Берите!

— А писталетъ гдѣ?

— Ета ни я стрѣлялъ, а ета вы стриляли—и вамъ паказалась, што ета я—ета вамъ стрѣлъ атдавалъ.

А Ягора Михайлыва нашли на печи за трубою. Удрухъ связали Биляцкыга, такжа и кучира Ягора Михайлыва, таварыша яго.

Тада аружье нашли—падъ пѐччу пупрятана была; деньги нашли тожа падъ печью, а брошки падъ паломъ.

— Ищитя па стрихамъ!—сказалъ я.

Тада аттуда стрясли ложки, бакалы. Ни мытьёмъ, такъ кàтаннимъ мы усё сваего дабьемся: Биляцкій былъ у нашихъ рукахъ. Спрасили, хто онъ такой:

— Я ишолъ дарогыю и ничего не знаю. Я—нипомнющій.

Курить ему давали.

Бымши у тюрьмѣ, прасилъ Биляцкій, штобъ яму курить давали:

— Гаспадинъ прокуроръ, курить хочитца! знаитя, гаспадинъ пракуроръ, природа луччи чиноў. Хатя я лишонъ правъ, кроў никада ни лишаитца.

Пазволили курить и ў тюрьмѣ. Патребовалъ, чтобъ прокуроръ зялѣзы [1]) снялъ:

— Я бъ зялѣзы желалъ аслабанѝть [2]), патаму што яны ни польза.

— Какъ такъ ни польза?! жилатильна вамъ скинуть, папробуйтя!

Ударіў нага абъ нагу, зялѣзы урозь.

Прокуроръ крикнулъ:

— Служитиля, закувать палуччій Биляцкыва — вы двоя палòсьтя [3]) зялѣзъ!..

---

[1]) Зялѣзы—желѣзы, оковы.

[2]) «Аслабанѝть»—снять, освободить.

[3]) Палòсьтя—положите.

Закували; апять ударилъ нага абъ нагу—зялѣзы урǒзь [1]).

— Я только совисть сваю садиржаю, штобъ изъ тюрьмы ни убигать.

Биляцкій здѣлалъ падкопы и ушолъ, съ сабою увелъ четырехъ сибирякоў. Када онъ ушолъ, дали тилиграму.

Написалъ Биляцкій:

— Испраўника убью съ ривальвера, а Ивки языкъ прочь атрѣжу.

Ка мнѣ пріѣзжалъ ночью часовъ въ пять. Спрашиваетъ у хозяйки:

— Идѣ твой хозяинъ?

— Нѣту! у Смаленьску.

Ни нялъ вѣры [2]): зашолъ у другой дворъ. У чатвертымъ узнала яво цыганка – ана видала яго у замки, када прихадила навищать сродственниковъ. Када ана сматрѣла въ него, онъ диржалъ падъ палою ривольвѣръ.

Апять пагразился и мнѣ, и испраўнику:

— Испраўника у доми найду, если ня будить ѣздить; я зъ имъ разберусь въ Смаленски.

Пу пріѣзди сталъ я тада береженъ,—сталъ сибе абиригать. Сичасъ абаратился назадъ: нада спастить исправника. Пріѣхалъ къ нему, разсказалъ, какъ ка мнѣ въ гости пріѣзжалъ гаспадинъ Биляцкій.

— Какъ хто пріѣдить, ваша высокаблагородіе, атчиняйтись [3]) съ асматрѣніемъ; и, Божа сахрани, ни аглядѣвшись, сáми ни выхадитя.

Исправникъ всё лѣта хадилъ у статскый адёжи. Разъ слышить званокъ: пріѣхалъ гость съ кучирамъ.

Дѣвка выбигаить и сичасъ атваряить; картачку Биляцкыга ана видѣла—сразу дура и взвизгнула:

— Вы—гаспадинъ Биляцкій!

Онъ круть — патуль и былъ. Такъ мы съ исправникамъ каждый день всё баялись, пака наканецъ ни паймали Биляцкыга у Палтави.

Привязли яго намъ на улику и пасадили яго у зимляную тюрьму, тамъ онъ и жисть пакончилъ.

Биляцкій былъ русый или, скарѣй рыжій; глаза, якъ кателки, въ образи валчиныи па кулаку; ламаносый—носикъ у него былъ раздатливый; паходка—важная: видна, баринъ аднэй крыви [4]) и съ абразаваніимъ; гаварилъ дужа умно и рячиста — нихто атрячить яму ни умѣлъ: уси статьи, законы,

---

[1]) Урǒзь—врозь.

[2]) Ни нялъ вѣры—не повѣрилъ.

[3]) Атчиняйтись—отворяйте двери, пускайте въ домъ,

[4]) Аднэй крыви—благородный по происхожденію, отъ родителей знатныхъ происшедшій.

вишь ты, харашо зналъ, ня хужи прокурора; якъ разгарячитца, ажно кулачикамъ пастукиваить. На вакошка тряпицу наложить—и акно вынить бязъ шуму.

Стриляй въ яго якъ хочишь, ни пупадешь: заговоръ зналъ атъ стрѣлу; свинецъ яго ни бяреть. Тольки аднимъ можна убить яго была—мѣднымъ гу̀зикымъ [1]). Да нихто ни дагадался, што атъ мѣди-та загавору нѣтъ.

Цыганка похищаетъ крестьянскую дѣвочку.

(Разсказъ Авдотьи Тимоѳеевой семидесятилѣтней крестьянки съ села Рудни, Ельн. у.).

Старый дѣдъ нашъ гналъ деготь ли печи. И стала дачка, малёхтинькая дѣвочка, къ яму пр929ситца:

— Мамъ, пайду я къ та̀тки. Идѣ іонъ?

— А бяги, бяги, мая дѣвачка: іонъ у равочку дёгать гонить.

Ну, ина пашла туды. Сустрика̀итца [2]) зъ ею цыганъ Иванъ Кривэй; быў іонъ зъ аднымъ вочкымъ. А дѣвычка была па чатвертымъ гадочку. Вы̀нилъ іонъ бара̀никъ:

— Гамў, дѣвычка, на табѣ етыхъ бараникъ; хади са мною.

Іонъ узялъ яе за плечи; ина и рада: бара̀никъ далъ—ладна; пасадилъ атзаду у хато̀мку и нясе́ть. Ина, якъ бара̀нички зъѣсть, ипять закричи̇ть:

— Гамў, дѣвычка, маўчи̇: ѣшь ба̀лички, ѣшь.

Іонъ яе пане́съ, да и пане́съ.

Старуха упра̀вилась:

— Што жъ ета дяўчоначки нашій што-та нячуть? А ина нѐйди ли печи дѣда, окыла печи.

Ина справилась у дварѣ; нада жъ абѣдъ несть, да узнать, тамъ ли дѣвачка или нѣтъ.

— Василь, а ти тутъ жа наша Надё̆жка?

— Дуро̀шка! Якая Надё̆жка?!

— Да наша Надёжка.

— «Я Надёжки и у вочи ни видалъ».

— А, Бажуўтухна мой, што ты ета сказалъ! Идѣ мнѣ яѐ найди̇ть.

Ина атъ яго на дяреўню бѣчъ скарѣй, у дятей пытать [3]). Тутъ на сваихъ дѣвыкъ закричала:

---

[1]) Гу̀зикъ мѣдный—мѣдная пуговица, пришивавшаяся въ старое время къ мужицкимъ рубахамъ.

[2]) Сустрика̀ится—встрѣчается.

[3]) Пытать – спрашивать.

— Дѣўки, идѣ Надёжка?

— А, мамычка мыя, а пачомъ мы вѣдаимъ идѣ,—мы думали, што ина ли батьки.

— Ахъ, вы с... дочки, бягитя сичасъ—ищитя яе па дяреўни, идѣ ина дѣлась.

Яны пабѣгли па усей дяреўни искать, усей сямьей, и туды, и туды: ни нашли дѣўки нійдѣ [1]). Яны у Дямѣшкини спрашивали, ни зайшла ли нойды [2]).

У Рявыкахъ тетка была рѐдная,—ти ня съ тёткыю пашла; яны сюды—тутъ яе завалй [3]) нѣту.

Якъ завыла [4]) наша баба, пазагулй [5]) усй. Тады што тутъ дѣлать? Ина ти ни залилася? Хто кажить:—«нада гаршѐкъ узять: кали у вѐзири, такъ узнаемъ».

Узяли у парожній гаршёкъ накатили жару, ладану уклали, пустили гаршокъ на возира:

— Гаршокъ станить на тымъ мѣсти, кали ана залилася.

Гаршѐкъ къ аднаму боку прибьѐтца—атпихнўть яво а іонъ усё ходить па вѐзиру; нѐччу приплываить гаршѐкъ къ бѐригу, а яго ипять аттаўханўть [6]),—и ходить, и ходить гаршокъ, и нима яму уталѐну [7]): на вѐзири ни становитца. Прйнили гаршокъ. Матка гудѐть, вынть.

Ни было яе, дѣвычки, тринадцыть нядѣль. Ина, матка, плачить затварѐмшись, што мущины, батька и сыны два брѐнютца [8]):

— «Ты яѐ ня вѐрнишь»!

И ходить—плачить, и сядить—вынть. Приходють старцы:

— Атчинйсь, матушка! Чаго ты ета вынишь?

Ина атчинйла двери, старцыў упустила.

Яны ипять пытѐють:

— Чаго ты, матушка, такъ ета плачишь?

— Чаму жъ мнѣ, батюшки, ни плакать? Прапала у мине дѣвачка безъ вястей и ни слыху, и ни пѐслыху [9]). Бохъ вѣдаить, идѣ ана дѣлась.

---

[1]) Нійдѣ—нигдѣ.
[2]) Нойды—иногда, случайно.
[3]) Завалй нѣту—совершенно нѣту.
[4]) Завыла—заплакала.
[5]) Пазагулй—заплакали.
[6]) Аттаўханўть—оттолкнуть.
[7]) Уталѐну—спокойствія.
[8]) Брѐнются—бранятся.
[9]) Ни слыху, ни пѐслыху—нѣтъ вѣстей.

— Ахъ, ты, мая матычка, ти ни ваша ета дѣвычка?!.. Мы табѣ яе укажимъ—ажно за Хаславичами, у Горкахъ, вёрстъ дивяноста за Хаславичами у Горкахъ цыганка іость, дятей у яе съ ѐтраду не была, а таперь, какъ мы зашли къ ей, выскачила къ намъ дѣвычка съ падушикъ. Цыганы якъ закричать:— ни камай, ни камай!—Дѣвычка знову [1]) накрылась падушками. Икая твая дѣвычка?

— А такая—чёрнинькая, даўганѐсая, курчавая, на лицо тьмяна.

— Ну, ну! ина, ина - ина и будить.

Давай тады матка тыхъ хадякъ съ Польщи прасить:

— Идитя назадъ, выслидствуйтя [2]) у сасѣдіў, ти свая ина, ти приражденная [3])!—Тамъ всё распрасили и пришоўши хадяки кажуть:

— Дѣвычку цыганъ принёсъ.

Тады яны къ управитилю, у кантору. Управитиль сичасъ къ становому, за станавымъ забрали судей:

Кажуть матки уси:

— Гляди, ти твыя!

— Да, Бохъ жа яе вѣдаить! сказали мнѣ... къ чужей ни признаюсь...

Узяли примѣты: платочикъ яе, ложичку яе. Пріизжають туды; станавэй, управитиль пазабрали судей. Входють яны къ цыганамъ, у горницу.

— Здрастуйтя вамъ!

— Здрастуйтя, батиньки, здрастуйтя, милыи!

— А ти іость у васъ дѣти?

— «Гамў, батиньки мои, ни зъ роду ни радила—у мяне дятей нѣтути.

А старицъ шипарнўлъ [4]) Антону управитилю:

— Вы у падушкахъ паищитя—ана у падушкахъ ляжить.

(А ина духъ утайла—ни приказали выхадить, пакинули ей тольки щелачку дыхать). Антонъ падашолъ къ становому, патиснулъ за руку:

— Аткрый падушки!

Станавэй якъ стаў пухавики рыть, ина мордачку сваю вытарнула, якъ дѣти играють у пухоўки.

Цыганка спужалась.

— Гамў, батинька, мы смяемся; гамў, ета—наша родная, дитёныкъ,—ета—наша родная!..

Станавэй гукаить матку:—старухъ, пади сюда!

---

[1]) Знову—снова.

[2]) Выслидствуитя—дознайте.

[3]) Приражденная—прирожденная.

[4]) Шипарнулъ—шепнулъ.

— Баринъ, пагадитя: я примѣты дамъ. Кали мая дакъ ина пайдеть ка мнѣ.

Ина сичасъ зъ-за пазухи платочикъ:

— Надёжка, пагляди, чей платочекъ.

— Мой, мой!..

— А, батюшки, мая дѣвачка!

(Дѣвочка узяла платочекъ). Падбигаить цыганка, дёрьхъ зъ рукъ дѣвачки платочекъ; дѣвачка и скипѣла:

— Мой, мой!

Тады матка:

— Якъ вамъ угодна, ета мая дѣвачка

Вашоў старикъ, батька яе:

— Надежка, Надежка, ти признаёшь ты свайго тату?

— Татъ, татъ!..

А цыганка впилась у Надежку руками и ни выпускаить яе. Увайшолъ большій братъ Надежкинъ:

— Надежка сястрица!

Сичасъ цапъ яго за шыю:

— Братъ мой!

Цыганка за дѣвычку у драку съ Надежкинымъ братымъ. Станавэй гаво̀рить:

— Атыйди, дрянь, свинья: чужога дитенка къ сабѣ ни привѐрнишь; прочь, прочь—а то въ уха брѧ̀зну!..

А цыганка завалилась абъ землю и гудѐть:

— Гаму̀, ета мая ро̀дная! Соўника мае, ро̀дныё маё, золыта маё! отняли у мине до̀черьку маю [1])!

Разсердившись гаварить:

— Кали идѣ найду, такъ стану на адну нагу, и раздяру!..

Станавэй гаво́рить:

— «Ну, паѣдемте. Нярушъ пакажить усимъ у дварѣ, каму ика̀я [2]) ложка. Пусть ложки параздасть и усихъ людей пупризнаить»...

Паказали ей перва, на̀ перва кукылку—абрадавалась дужа ей точна радному; кричить:—мая, мая!

Паставили пирядъ ней миску и падали ложки; ина сичасъ давай разбирать [3]) ложки и класть пу мистахъ:—«маткина ложка, ета—таткина ложка»...

---

[1]) До́черьку мою, цыг.—крестьянск. дачку маю.

[2]) Ика́я ложка—какая ложка.

[3]) По крестьянскому обычаю у каждаго члена семьи бываетъ своя ложка.

Станавэй тотъ и глядить. Тада паклала брата радныга ложку:

— Ета Матвѣева ложка, а ета Улькина ложка, ета Марьи нашей ложка, ета Гапкина ложка...

Ну падала усимъ людямъ ложки. Дѣла акòнчилась бизъ усякыга сумлѣнія. Тольки пиримянилась, дужа пиримянилась Надёжка. Стала дужа диклѝва: стала хувàтца атъ людей. Астанитца зъ маткыю, матка хату тапить,— займѐтца и другими дѣлами.

— Надёжка, Надёжка!..

А Надежка падлѣзить падъ пастель, закидаитца трàпьимъ; а то у кутòкъ забярѐтца: ни гляди яе нихто.

Прашнѐтца дѣвычка, матка на яе кажить.

— «Надёжъ, хади я тябе памыю».

Памы̀ить, павѐрнитца:

— Давай, Надежъ, я табѣ Богу пумалю...

А Надёжки ужъ и слѣдъ и прастылъ. У ихъ возира нидалéча—матку страхъ бяреть, ходить вокыла озира и гукàить:

— Надёжъ, Надёжъ!

Гдѣ жъ Надежка? У дварѣ, у дровы схувàлась.

— Засяку, с... дачка! идѣ ты диваисьтя?!

Грозить матка и дужа гразить баитца, кабъ саўсѣмъ ни ўвашла. Пайдуть бабы у поля жать и съ сабою Надёжку вазьмуть. Ина напяредъ па межички пубягить, какъ жàваранькъ или чаица паливàя, да у жита, спрячитца, личика руками закры̀ить и къ зямли припадеть. Матка къ ней.

Кричить Надежка:

Ни камàй, ни камàй!

Када баитца, усё такъ кричить.

Станить матка жать, ипять Надежка якъ сквозь землю провалилась. Во цыганская выпраўка: ни на минуту ни кидай дѣўки.

Дятей Надежка звала:

— Кумъ, кумъ!

Мала пу малу агòлталась дѣўка, стала людàнить; стала людей слухать:

— Ни хувайся, дѣвычка, такъ дрянь, такъ нихарашо, слова звѣрь дикая...

Распрашивали мы яе часта, якъ яе цыганъ браў—усё помнить:

— Несъ мяне дядька съ аднымъ вочкымъ кала стўпыкъ (обрубы гробовъ кладбища), тиризъ ряку Хмару, тиризъ Дямешкинскій ручей, идѣ бабы бяльё мыють. Панёсъ у лѣсъ па раву. Давалъ барàникъ. Якъ паѣмъ я бараникъ—закричу, ипять даеть:—Маўчи, маўчи, дѣвычка! Якъ привёзъ, нянь-

чуть мяне уси, изрижають, якъ ляльку, шіють сарафанчики, кормють пирагами, бараньками. Якъ я заплачу, сичасъ утишають:—Ни плачъ, ни плачъ, дѣвычка!

Разъ мы пошли на постъ и съ сабою узяли Надежку; падходють къ ей двѣ цыганычки:

— Ти признаёшь ты насъ? ты—наша систра, пайдёмъ зъ нами.

— Кали бъ ваша систра я былà, я была бъ у васъ. Икая я ваша?

— Гаму̀, ты наша родная!

Тàщуть яе за рукавъ, завуть съ сабою.

— Идитя вы къ чорту. Икая я ваша раднàя? што вы мяне раднитя?

Бывала, хочишь разсердить Надежку, назави яе цыганкыю.

Пища цыганъ.

Пища цыганъ почти та же, что и мужиковъ; однако есть небольшая разница въ способахъ готовли. Цыганы наблюдаютъ, чтобъ въ баранинѣ не было «залòзочки». Около шиворота и задней лопатки попадаются шарики съ орѣховое зерно; такіе шарики цыганы называютъ «залозочками», и еще по своему «паркотѝна». «Залòзочки» вырѣзаются потому, что съ ними говядина крѣпкая и воняетъ.

У мужика-до привычка: какъ убьетъ барана и начнетъ мыть его, такъ и давай лаптемъ кишки тереть. Рѣдкій мужикъ, зарѣзавши курицу, отрѣжитъ гузку, зобъ, дзюбку (клювъ); отъ мужицкой пищи у цыгана «ребра идутъ нарозь».

Цыганъ передавалъ:

«Разъ меня съ волостнымъ угощалъ мужикъ. Зажарилъ курицу, и носъ у курицы цѣлъ, а затронешь вилкою зобъ, зернята сыплются—волостной тревожитъ вилкою курицу около боковъ, а я ѣсть довольно».

Цыганъ щепетиленъ, — онъ и къ бабѣ деревенской придирается: баба идетъ за водою и будто въ это время ведетъ себя невѣжливо «кхандѐла».

Со вчерашней водой цыганы кушанья не готовятъ; горшки не доливаются.

Яичница мужицкая крѣпкая, такъ что ее ножомъ можно рѣзать, а яичница цыганская жидкая.

Говядину баба перевариваетъ, а цыганъ ѣстъ мясо сырцомъ въ соку.

Мужики ѣдятъ грибы недовареными, а цыганы непремѣнно то переварятъ, то пережарятъ ихъ.

Цыганы пекутъ рака, покамѣстъ онъ «выпикитца», тоже дѣлаютъ и съ рыбою; а мужики, только рыба перестанетъ трепетать, уже считаютъ ее готовою; перестанетъ ракъ копошиться,—довольно его печь.

Цыганки обладаютъ умѣньемъ на скорую руку и довольно хорошо готовить кушанья.

Баба такъ не изготовитъ кашу въ печи, какъ цыганка въ сѣняхъ, въ жарку.

Цыганы любятъ веренину, называютъ ее «хвйцомъ».

Веренина—крестьянское кушанье; готовится она такъ.

Когда варъ закипитъ бѣлымъ ключемъ, вынимается изъ печи; а между тѣмъ «передъ пóлымъ» (передъ пламенемъ) мука поджаривается, пока она «засмягнить», станетъ красна. Мука сыплется въ варъ и держится въ печкѣ съ полчасика—тогда вынимай ее и ѣшь. Вотъ и веренина. Кто любитъ ее, маслитъ, а кто не любитъ, ѣстъ съ толчеными коноплями, «съ комочками».

Цыганы ѣдятъ веренину съ коровьимъ масломъ; кладутъ въ горшокъ масла фунта три, четыре, пять.

Мужицкіе пирожки отличаются отъ цыганскихъ.

Какъ поспѣетъ картофель, мужикъ печетъ пироги «съ картошкой»; около Пречистой ѣдятъ пироги съ «морквой», со сметаной, позже осенью — съ горохомъ, «чучевицей» (чечевицей), а то дѣлаютъ пироги съ гороховыхъ блиновъ, изрубивъ для начинки блины на мелкіе части.

Цыганы пекутъ небольшіе пирожки съ яйцами и творожкомъ и называютъ ихъ жирóги.

Пищу цыганы солятъ несравненно болѣе, нежели мужики.

Цыганъ хвалится, что ѣстъ вкуснѣе мужика:

«У насъ будённый день лучче вашига праздника».

«Филйппыўцы лучче вашига мисаѣда; якъ рѣпу, лупимъ гавядину.»

«Мы ни па вашиму: ня будимъ дожидать жорыва у годъ, а дорага синичка у ротъ».

Только сала не всегда хватаетъ:

— «Якъ былъ бы я цáримъ, ѣлъ бы я сала, салымъ па салу и саламъ ба памазау».

Когда не удается кража цыгану, голодаетъ и онъ, надъ чѣмъ въ свою очередь смѣется мужикъ:

— «Цыганъ—палявэй дваряниnъ, цыганъ ни паганъ, тольки тѣла закаптѣла; въ середу лягушку зъѣлъ».

Цыганская одежда.

Цыганка завязываетъ платокъ иначе, нежели крестьянка: подвязываетъ платкомъ санки челюстей; платокъ завязывается не гладко, а отзади виситъ «словно кукишекъ», а спереди висятъ словно крылья; платокъ лежитъ кругомъ головы, словно у жидовки.

Сарафаны цыганки носятъ съ коймами, пестрые.

Цыганы ходятъ въ пальтишкахъ и сапогахъ, какъ дворовые люди. По примѣру послѣднихъ, они любятъ сапоги съ гармоникой, съ морщинами или обручами. Пояса у цыганъ хорошіе. Чехолъ на конѣ льняной, хорошій. Вожжи дѣлаются изъ тесемъ; на подпругахъ тоже тесьмы.

Тесьмы крадутся у мужиковъ; заготовляются онѣ мужиками для ношенія въ праздничные дни, а у мужиковъ вожжи веревчатыя, пеньковыя.

Лѣто и зиму цыганъ въ шарфахъ ходитъ; дѣтишки и тѣ носятъ шарфы.

Шубы шьются, какъ у дворовыхъ людей. Мужицкая шуба шьется на вилочкахъ, съ выемкой на спинѣ, а у цыганскихъ шубъ только сзади рубецъ.

У мужика шуба впивается въ тѣло; а у цыгана оттопыривается.

Цыганская присяга.

(Записано отъ Киселевскаго цыгана Ивки, шестидесятилѣтняго старика. Цыганская присяга, описанная мною, совершается и теперь).

Цыганы вмѣстѣ съ своимъ начальникомъ клянутся, что опредѣленное время въ извѣстномъ округѣ воровать не будутъ.

— «Цыганская присяга дѣлаитца вотъ какъ: пиридъ вобразымъ запалимъ свѣчку; образъ адинъ паставимъ на сталѣ; паставимъ ведро пустоя, качерьгу зелѣзную, гнутую. Тутъ же ета всё на сталѣ стаить.

Тада цыганъ береть сына, дѣвчейку или мальчика, и становится іонъ на калѣняхъ и придъ сабою ребенка етыва становить, и мальчикъ тожа на калѣнихъ стаить и падымаить руки кверьху.

И праизноситъ цыганъ тыя слова:

— «Если я ни сполню клятвы, то ни видать мнѣ свайго ребенка, каторый мнѣ дарожѣй усяго, и пахаранить мнѣ его, и лишиться мнѣ его, если я ни исполню клятвы.

Какъ ета вядро пуста, то запустѣй домъ мой, и выпусти мужиства мае, и скорчи мине такъ, какъ ета качирьга, и прапади я на три тарары».

Со слизами клянутся:

— «Што я ни пахичу сына сваяго, а сынъ далженъ отца ни пахитить (сынъ долженъ отца выдать, а отецъ долженъ сына выдать).

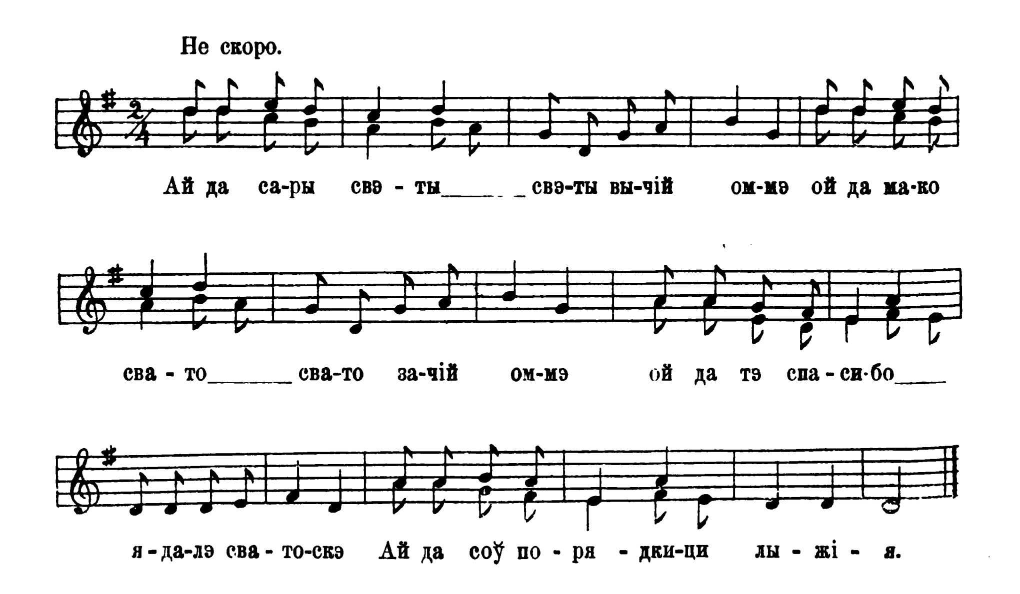
Съ какей страны выйдить ни ўправидливости или съ атцовскій или съ сыньній или мизъ друзья [1]), што ни наесть пахититца, далжонъ тады выдать уси, уси устрянуть.

Абращаитца аднакратная присяга на усѣхъ, што каждый ни падаражить сваимъ близкимъ раднымъ.

Нѣтъ силъ измѣнить етый присяги; затымъ тольки яе дѣлаютъ на три гады. Атецъ плачить и мальчикъ плачить, душа замираить; если хто будить стаять, заплачить тэй, и пайдеть.

Мужикъ енагда клянетца, а другоя думаить, а тутъ схитрить нильзя у виду свайго ребенка.

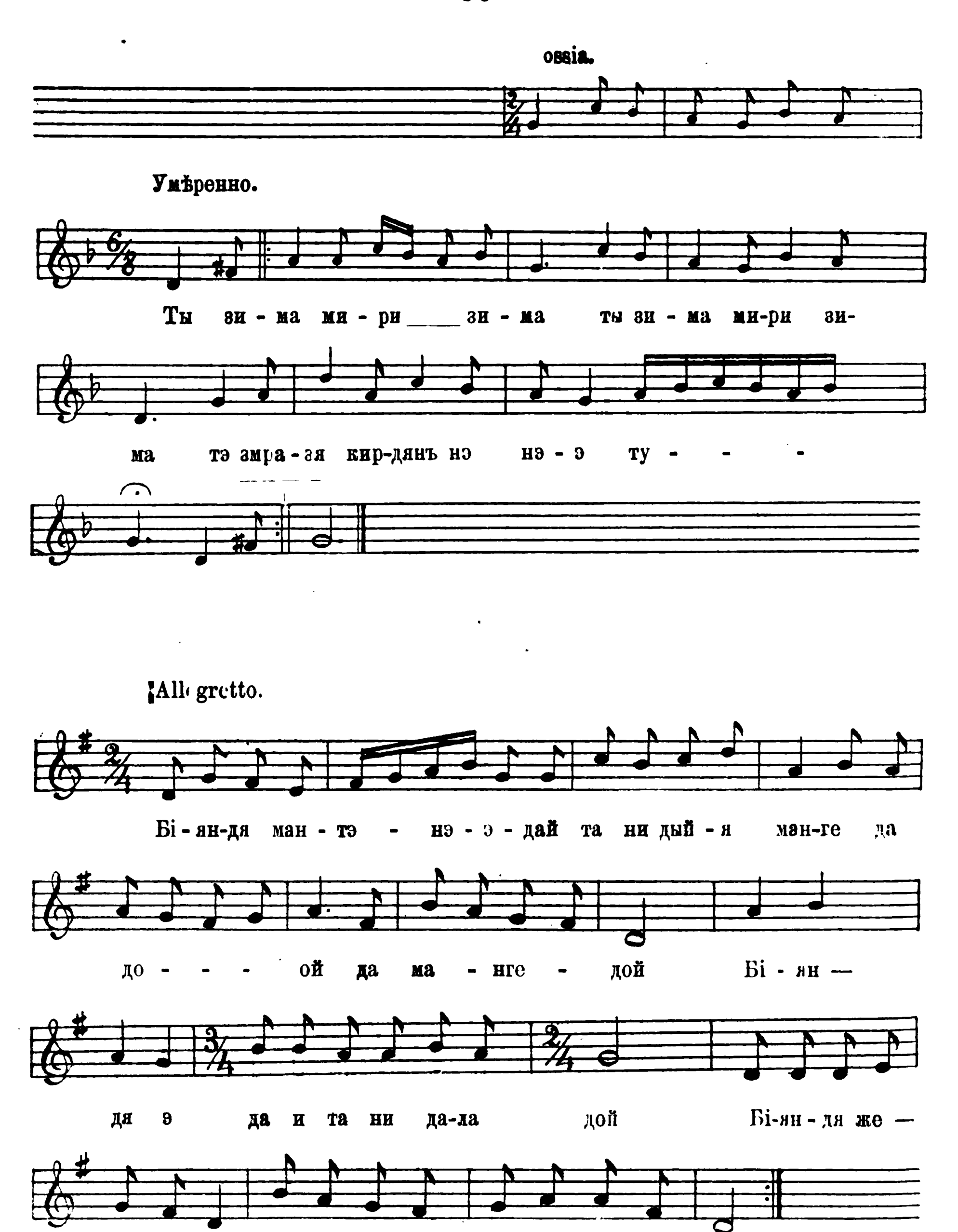
В. Добровольскій.

---

1) Мизъ друзья́, цыг.—мужицк. мизъ друзьё̆у.

Умѣренно.
Бѣ - жа - ла тэр-нэль дѣв - чон — ка да-рож-
- - кой ли___ тэр - нэ да___ стэл - - бо - вой Го —
ло - - сомъ тор - нэ ___кри - ча-ла кри - - ча - ла,
Ай го — ло — су да не слы - хать.
Ту чай - о - ри да го - - жень-ко да по - хо - дки___цо___
мод-нинь-ко______Ихъ та да ли - ли-ли да ти - - ли - ли
да по-хо - дки-цо да мод-нинь -ко___________

ossia.
Умѣренно.
Ты зи - ма ми - ри ___ зи - ма ты зи - ма ми-ри зи-
ма тэ змра - зя кир-дянъ нэ нэ - э ту - - -
Allegretto.
Бі - ян-дя ман - тэ - нэ - э - дай та ни дый - я мэн-ге да
до - - - ой да ма - нге - дой Бі - ян —
дя э да и та ни да-ла дой Бі-ян - дя же —
- ля дой тэ - на - да - я - ли дой.

О происхожденіи Псково-Печерскихъ полу-вѣрцевъ.

Прямыхъ историческихъ указаній о происхожденіи Псково-Печерскихъ полувѣрцевъ не имѣется; даже не встрѣчается въ актахъ упоминанія слова «полувѣрцы». Поэтому приходится судить объ ихъ происхожденіи лишь на основаніи косвенныхъ данныхъ. Таковыя данныя можно найти въ актахъ Псково-Печерскаго монастыря. Они заключаются въ прозвищахъ, именахъ и народности части жителей Псково-Печерскаго края въ XVI и XVII вв.

Высказанное мною раньше (см. «Живую Старину» г. I. кн. I) мнѣніе объ исконности всѣхъ полувѣрцевъ въ Псково-Печерскомъ краѣ не имѣетъ достаточныхъ основаній. Рѣзкая разница между мѣстными географическими названіями Псковскаго и Варроскаго уѣздовъ свидѣтельствуетъ объ исконной разности народностей этихъ уѣздовъ, а искаженныя русскія названія полувѣрческихъ деревень или переводы русскихъ названій полувѣрцами убѣдительно подтверждаютъ предположеніе о позднѣйшемъ переселеніи ихъ сюда. Остается, слѣдовательно, рѣшить вопросъ о времени ихъ переселенія. Насколько приблизительно извѣстно, названія важнѣйшихъ центровъ даннаго района нынѣ тѣ же, что были въ IX в., когда въ Изборскѣ княжилъ Труворъ.

Начиная съ историческихъ временъ, мы не имѣемъ основаній предполагать переселеніе изъ Лифляндіи въ Псковское княжество до потери эстонцами самостоятельности и окончательнаго порабощенія ихъ въ XIV в. Эстонцамъ вѣроятно было не менѣе привольно жить на своей прадѣдовской землѣ, чѣмъ русскимъ въ Псковскомъ княжествѣ при вѣчевомъ управленіи въ Порховѣ. Да и самая граница между эстами и русскими рѣка Пивжа оставалась неизмѣнною, начиная съ IX вѣка впредь до нашихъ дней. Къ западу отъ р. Пивжи простиралась древняя область Эстонцевъ Ужунія, которая уже въ XII в. граничила съ Псковскою областью. Католическая миссія въ началѣ XIII в.

простиралась именно до р. Пивжи «in Walgatabalwe versus Plescecowe. гдѣ «in extremis villulis illis» въ 1221 г. завершилъ крещеніе угаунскихъ эстовъ католическій священникъ Генрихъ Латышскій Chronicon Heinr. XXIV 6). Названіе Walgatabalwe не встрѣчается болѣе въ лифляндской исторіи, но въ грамотѣ Іоанна Грознаго въ 1561 г, между дер. Ласва и дер. Тапино, нынѣ им. Laswa и дер. Tobbina въ Нейгаузенскомъ приходѣ) въ уѣздѣ (Новаго Городка упоминается рядомъ нѣсколько деревень и пустошей подъ именемъ Вакопалъ, которое несомнѣнно тождественно съ названіемъ Walgatabalwe XIII в. (т. е. др. Walgada palu Бѣлый боръ). Переселеніе изъ Лифляндіи за Пивжу могло начаться только со времени порабощенія Эстовъ въ XIV в., когда они оказались въ худшихъ экономическихъ условіяхъ, чѣмъ ихъ сосѣди русскіе. И дѣйствительно въ XV—XVI в.в. бѣгство изъ Лифляндіи туземцевъ на Русь и вообще въ сосѣднія страны приняло столь большіе размѣры, что лифляндскіе господа были вынуждены образовать союзы для ловли бѣглецовъ и наказывать пойманныхъ бѣглецовъ отсѣченіемъ ноги. Хотя намъ неизвѣстны переговоры между лифляндскими господами и псковскими князьями и Москвою о выдачѣ бѣглецовъ, но это не подрываетъ правильнаго предположенія о бѣгствѣ эстовъ, между прочимъ въ Псковскія владѣнія. Какъ кажется, такіе переговоры и не имѣли за собою юридической основы въ международныхъ воззрѣніяхъ того времени, ибо въ то время главнымъ предметомъ международныхъ столкновеній служила прежде всего земля, а жители разсматривались, какъ случайная принадлежность земли.

Въ Псковской лѣтописи два раза (подъ 1447 и 1459 г.г.) упоминаются близъ Новогородка Эстонцы на Псковской землѣ, но они повидимому были здѣсь недавними пришельцами, такъ какъ въ обоихъ случаяхъ были казнены Псковичами («а 7 чюхновъ повѣсиша, изымавше на своей землѣ на обидномъ мѣстѣ», «Чюдь на Ражкинѣ повѣсиша»). Но въ XVI в. мы имѣемъ прямыя свѣдѣнія о поселеніяхъ эстонцевъ на Псковской землѣ, именно во владѣніяхъ Псково-Печерскаго монастыря. По всему можно думать, что поселеніе здѣсь лифляндскихъ бѣглецовъ въ большихъ массахъ совершилось во время Псково-Печерскаго игумена Корнилія (1529—1570). Это былъ человѣкъ необычайнаго ума и энергіи. Онъ началъ съ того, что выпрашивалъ себѣ отъ Московскихъ великихъ князей пустопорожнія земли у нѣмецкаго рубежа и заселялъ ими пришлый людъ. Такъ въ одной грамотѣ 1539 г. говорится, что игуменъ Корнилій «получилъ лѣсу на три версты отъ нѣмецкаго рубежа». Въ грамотѣ Ивана Васильевича Грознаго отъ 1558 года перечисляются въ Изборскомъ уѣздѣ Пашковской губѣ принадлежащія Псково-Печерскому монастырю деревни, причемъ въ дер. Гривахъ за Лидовскимъ

или Бобровскимъ дворомъ упоминаются дв. Андрейко Латышъ, въ деревнѣ на Красной Дубровкѣ дв. Демидко Кровко (?), въ деревнѣ Пантелѣево дв. Гришка Молоновъ (? Латышъ), въ дер. Люлино дв. Степанко Кохсоновъ (? нерусскій). Всѣхъ деревень въ этой губѣ описано пять, дворовъ пять, людей въ нихъ пять человѣкъ, пашни 28 четвертей въ одномъ полѣ, а въ двухъ поляхъ столько-же; сѣна 90 копенъ, рогачей 5, вытей 3 безъ $1^1/_2$ четверти пашни: «а ставилъ тѣ деревни Псково-Печерскій игуменъ Корнилій на черномъ лѣсу послѣ писцовъ въ л. 1541». Какъ узнаемъ отсюда-же, поселенцы платили Корнилію изо всякаго хлѣба и изъ мелкаго обилья четверть или вм. четверти по $1^1/_2$ деньги псковскихъ съ рогача. Ставилъ эти починки Корнилій на черномъ лѣсу отъ нѣмецкаго рубежа по царевѣ и великаго князя грамотѣ (отъ 1549 г.). Завоеванія, сдѣланныя Іоанномъ Грознымъ въ Ливоніи, дали игумену Корнилію поводъ простереть свою миссіонерскую дѣятельность на зарубежныхъ Эстовъ. Изъ грамоты Іоанна Грознаго отъ 1561 г. мы получаемъ подробныя свѣдѣнія о земельныхъ владѣніяхъ, пріобрѣтенныхъ Псково-Печерскимъ монастыремъ въ уѣздѣ Новаго Городка (обним. нынѣ Нейгаузенскій приходъ). Въ ней перечисляются слѣдующія деревни: Кохова (нынѣ сельцо Кохово въ слоб. вол. Колпин. прих.); здѣсь упом. дворы: Михаль Каравы, Якушка Петровъ, Лопатка Ѳоминъ, Лаврецъ Мартыновъ, братья Янька да Ондрюшка же Ганусъ, Гришка да Олешко, Ивашко Михалевъ. Нынѣ деревня эта разселена полувѣрцами—переселенцами изъ оз. Керкюла (въ Лифляндіи). Дер. Большія Вайгужицы (нынѣ у Эстовъ Suur Sooküla); въ ней дв. Янко Говнуховъ, Андрейко Индриковъ, Севастейко Яковлевъ, Міусъ, Янка да Минка, Пѣлъ. Дер. Меньшія Вайгужицы (Эст. Weike Sooküla); въ ней дв. Анско Курдѣевъ, Гансъ Кобеневъ. У оз. Вайгужицъ дв. непашеный, а въ немъ чухно Павелко Андрусовъ. Дер. Ласва (нынѣ им. Laswa, эст. Laswamois), въ ней дв. Юрикъ Яневъ сынъ, вардей, а по-русски староста. Дер. Чиковеръ на Керепецкомъ рубежѣ (нын. им. Kirumpâ, Kірега въ Пылвескомъ прих.). Дер. Левикелъ (нынѣ дер. Laweküla въ Пылвескомъ прих.) на р. Выбовкѣ (Эст. Woo). Пуст. Валкопалъ: здѣсь живетъ чухно Викѣечко; рядомъ упоминаются нѣсколько деревень и пустошей подъ этимъ названіемъ (см. впереди). Дер. Тапино (нынѣ дер. Tobina въ Нейгаузенскомъ приходѣ); здѣсь чухонскіе дворы: напр. Актъ, Кавасъ, Янусъ и и др. Дер. Хатузица (упом. шесть разъ; ? нынѣ дер. Kutta въ Нейгаузен. прих.); въ ней дворы: Юрикъ, Рейнъ, Ганусъ, Ханъ Куровъ сынъ); пустошь Хатузицы упом. три раза. Волостка Микижицы, а въ ней деревни и пустоши; было девять дворовъ да сожжены, теперь селятся вновь; дв. Русакъ, Иванко Ѳедотовъ, чухно Кучикъ Клаусовъ сынъ, Андрюшка Михаиловъ сынъ.

чухно Мишанка Петровъ. Деревня Мегузица (нынѣ заселена полувѣрцами, Паник. волс. Таиловскаго прихода) расположена у Ливонской границы близъ Новогородка (Нейгаузена). По берегу Пимжи отъ Новогородка жили чухонцы въ трехъ дворахъ, но у нихъ «отнялъ нѣмчинъ Новаго Городка Юрьи Просвинъ земли». Волостка Паниторская (искаж.), а въ ней деревни и пустоши были бискупли. Дер. Паниковичи (? искаж. врядъ-ли тожеств. съ нынѣш. с. Паниковичи Псков. у.); въ ней дв. Як. Петровъ, Яковъ Хинтуевъ сынъ, Тамачь Клаусовъ, Гансъ Гонкриковъ, Мартъ Гонтуевъ сынъ, Міусъ Пяртвѣевъ, Ганусъ Якушевъ. Волостка Огіяръ (нынѣ эст. Hagujerwe); въ ней Андрусъ, Тенюсь, Томасъ, Гантъ, Янъ, Юрикъ, Ганусъ, Мамусъ. Сельцо Сева, принадлежало Новгородскому мызнику Салумѣ Рейну; по заявленію Рейна, здѣсь чухонцевъ не стало до взятія Новаго Городка (выселились куда ?). Дер. Ягроша на р. Ягромѣ (? искаж.); въ ней дв. Мартъ Яновъ сынъ, дѣти Мартынко да Юшко. Деревня (?) въ верховьѣ Пивжи; въ ней дв. Хансъ Харусовъ сынъ. Дер. Гестькюла (? нынѣш. им. Kose), упоминается разовъ 11; въ ней дв. Халщуй приходецъ, пустошь Госткюла; въ ней дв. Гансъ приходецъ, Пертемизъ Ребезовъ. Волостка Кизіярвъ (нынѣ м. Kisijerw отъ Кенгаузена къ юго-западу верстъ 12; въ ней дв. Панъ Хантуевъ сынъ. Дер. Пупгала (? нынѣ оз. Pugula); въ ней дворъ съ чухонскими христіанскими именами. Волостка Вярсна (искаж.) и Кевло (нынѣ д. Kebla)— деревни епископскія; въ дер. Кевло дв. Янъ Нагаевъ, Юрикъ приходецъ, Генъ мызниковъ сынъ, Томасъ Каласовъ, Генъ Колевъ, Томасъ Вилильевъ, Мартъ Андрусовъ, Сантуй приходецъ, Павелко Петрушкинъ сынъ; дер. Вярена пахалъ наѣздомъ Андрусъ Авсівъ сынъ, а живетъ въ Сенегелли (? у оз. Пугула д. Сиксаль), а впередъ ему идти на ту деревню жить. Деревня мызника Искиля (? гдѣ); здѣсь до войны жилъ корчмитъ Новгородскаго князя, а нынѣ чухна Микуй Индриковъ. Ко всѣмъ деревнямъ этой волости приписано пашеннаго на 100 десятинъ, да не пашеннаго лѣсу, хоромнаго и дровянаго, отъ Албскаго рубежа (р. Albuksne въ Маріенгбургскомъ прих.) отъ Вая оз. (нынѣ Вайдау) въ длину по Гайскуй (?) ручей на 10 верстъ, а поперекъ отъ Пупгальской земли отъ Телья (?) ручья по Колью (?) ручей по Гайску (?) землю на 5 верстъ. Волостка Гани (эст. Haanja въ Раунскомъ прих.), принадлежала Юрьевскому епископу. Пустошь Гани; въ ней жилъ Папка Лакуевъ сынъ; пашетъ наѣздомъ Панъ Желавкуевъ сынъ; живетъ въ дер. Гани у Якупа Пѣпова въ бобыляхъ, а впредь ему тамъ жить. Пустошь Гани; здѣсь живалъ Тилькъ Игаловъ сынъ. Дер. Гани, въ ней дв. Лемикъ Гендриковъ. Дер. Ара принадлежала епископу Юрьевскому; дворы стоятъ порознь; дв. староста Петръ Анусовъ, Клаустъ, Интовъ, Рануевъ, Павелъ Гимякъ, Томасъ

Меневъ, Теневъ, Титъ, Михкель Лемецовъ, Пѣпъ Иголевъ, Павелъ Лемиковъ. Мыза Кончура (? Хинджа); въ ней дв. Чюхновъ; во дворѣ Клаусъ Пѣповъ. Дер. Парыгелъ (?), дворы стоять порознь; во дворѣ староста. Дер. Кюне (? эст. Hinniala) по обѣимъ сторонамъ р. Кюне, дворы стоятъ порознь. Мыза Рожина (? Рауза), дер. Варсте, Кучъ (эст. Kutsa) нар. Мустовери (?); здѣсь староста; дер. Расти (?) во дв. староста; дер. Сокоръ во дв. староста; дер. Колбасъ (?).

Разсматривая вышеприведенныя личныя имена съ точки зрѣнія ихъ народности и вѣроисповѣдности, слѣдуетъ заключить, что большая часть ихъ принадлежитъ католикамъ-эстамъ (напр., Ганусъ, Гансъ, Ганско, Анско, Андрусовъ, Антъ, Индриковъ (Гонкриковъ), Гантуевъ (Хантуевъ), Юрикъ, Янъ (Яневъ), Клаусъ (Клаусовъ), Якъ, Томасъ, Пяртлѣевъ, Матусъ, Юшко, Микуй, Якубъ, Теневъ—имена, которыя встрѣчаются и въ ливонскихъ актахъ, употребляются и понынѣ). Въ числѣ приведенныхъ названій есть и прозвища или имена, которыя несомнѣнно древнѣе христіанскихъ именъ и представляютъ собою наслѣдіе язычества, таковы: Курдѣевъ (=эст. kurjt — глухой; Кеболевъ = эст. kipel, küwel = чепелъ; Міузъ (Меузъ) = эст. meus—вяхирь; Нагаевъ = эст. naga-втулка; Каласовъ = эст. kallas—берегъ; Лемиковъ = эст. lemmik—пакля или lemmik(as) — костяника; Авивъ = эст. havi—щука; Колевъ = эст. kolj—пугало или kole—страшный; Иголевъ = эст. igaline (calane)—пожилой; Кучикъ = эст. kutsik—щенокъ; Гимякъ = эст. imäk—мачиха; Сантуй—эст. sanjt—нищій; Меневъ = эст. monu—значеніе, вліяніе, Хинтуевъ и др. Изъ факта существованія подобныхъ прозвищъ вмѣсто христ. личныхъ именъ нельзя, однако, еще заключить, что носители ихъ въ самомъ дѣлѣ не были крещены. Затѣмъ изъ ряда другихъ именъ, которыя мною были большею частью пропущены при копированіи акта, остается заключить, что они несомнѣнно принадлежали лицамъ православнаго исповѣданія, таковы, напр., Гришка, Федотовъ, Иванко, Ивашко, Ондрюшко, Олешко и т. п. Такія имена не были въ употребленіи у эстовъ въ католическія времена, а равно и послѣ реформаціи до нашихъ дней, слѣд. приходится думать, что они были даны православными священниками и что носители ихъ исповѣдывали православную вѣру; что же касается до ихъ національности, то этотъ вопросъ остается открытымъ; они могли быть и эстонцами и русскими. Что Псково-Печерскій игуменъ Корнилій, вскорѣ по пріобрѣтеніи земель, отчасти принадлежавшихъ Юрьевскому католическому, а потомъ лютеранскому епископу, обратилъ въ православную вѣру населявшихъ ихъ эстовъ, это подтверждается другими документами. Такъ въ тропарѣ, составленномъ въ честь Корнилія, онъ именуется сообщникомъ апостоламъ, такъ какъ онъ привелъ «люди иноязычные Чюдь

къ свѣту богоразумія ученіемъ и крещеніемъ въ славу Богу», а въ лѣтописи Псково-Печерскаго монастыря (стр. 13 лист. 20) о Корниліи прямо говорится: «и люди Новаго Городка Ливонскаго Чюдь зовома научи и просвѣти ихъ святымъ крещеніемъ; церкви постави на Агиревѣ (нынѣ Hagujerw) святую и животворящую Троицу, а на Топинѣ (нынѣ Tobina) еже по плоти Рождество Христово, и пресвитеры и клирики устрои». Установившіяся при жизни Корнилія узы зарубежныхъ эстовъ съ Псково-Печерскимъ монастыремъ, повидимому, не прекратились со смертью Корнилія (въ 1570 г.), когда, по выраженію лѣтописца, онъ «отъ тлѣннаго сего житья земнымъ царемъ предпосланъ къ небесному царю во вѣчное жилище». Какъ извѣстно, Іоаннъ Грозный заподозрѣлъ Корнилія, построившаго кругомъ монастыря крѣпкія стѣны, въ измѣнѣ и собственноручно отсѣкъ ему голову, когда Корнилій вышелъ за монастырскую ограду встрѣчать грознаго царя въ 1570 г. По крайней мѣрѣ въ 1681 г. изъ грамоты Ѳедора Алексѣевича узнаемъ, что у монастыря были за рубежемъ крестьяне и бобыли, которые привозили товары продавать въ Печерскій монастырь на посадѣ и даже во Псковѣ. По всей вѣроятности, по заключеніи мира между Россіей и Польшей въ 1581 г., не всѣ владѣнія монастыря отошли назадъ къ Польшѣ, и за монастыремъ могли остаться тѣ земли, наслѣдники которыхъ вымерли, а жители эстонцы были обращены въ православную вѣру. Что русское правительство того времени придавало большое значеніе вопросу о вѣрѣ, видно изъ того, что при Запольскихъ переговорахъ Русскіе упорно отстаивали Юрьевъ, «такъ какъ они ввели здѣсь свою религію и учредили епископію» (Гадебушъ). Таковы скудныя свѣдѣнія объ отношеніи зарубежныхъ эстовъ къ Псково-Печерскому монастырю въ XVI в. Если мы, кромѣ того, примемъ во вниманіе то отеческое попеченіе, которое монастырь всегда проявлялъ по отношеніи къ своимъ крестьянамъ, ходатайствуя за нихъ передъ Московскими Великими Князьями и выпрашивая для нихъ различныя привилегіи какъ въ отношеніи подсудности монастырю, такъ и въ отношеніи государевыхъ повинностей (въ архивѣ монастыря хранится нѣсколько грамотъ съ перечисленіями разныхъ облегченій и привилегій для монастырскихъ людей), то будетъ вполнѣ естественно тяготѣніе зарубежныхъ эстовъ къ монастырю, подъ защитой котораго имъ было бы гораздо легче, чѣмъ въ тяжелой ливонской неволѣ, каковой, по мнѣнію короля Стефана Баторія, не было во всемъ мірѣ, даже у язычниковъ и варваровъ.

Обратимся теперь къ даннымъ, относящимся до владѣній монастыря въ исконно русской области. Во время войны Іоанна Грознаго со Стефаномъ Баторіемъ, множество деревень Псково-Печерскаго монастыря запустѣли, «отъ Государевыхъ падежей и отъ Божія повѣтрія, отъ мору, а иныя дере-

вни запустѣли отъ хлѣбнаго недороду до королевскаго приходу лѣтъ за десять, и за пятнадцать и за двадцать и больше», Поэтому монастырь билъ челомъ великому князю Θедору Ивановичу, который въ 1587 году пожаловалъ монастырю множество пустыхъ деревень на льготу на пятнадцать лѣтъ съ тѣмъ, чтобы въ эти года «были построены зданія и распахана пашня, поля огорожены и пожни расчищены и крестьяне посажены жить». Намъ извѣстны деревни въ Псково-Печерскомъ краѣ, въ которыхъ живутъ въ настоящее время полувѣрцы. По актамъ мы находимъ въ нихъ чухонцевъ и лѣтъ 250 тому назадъ, слѣдовательно мы въ правѣ признавать нынѣшнихъ полувѣрцевъ отчасти потомками чухонцевъ, жившихъ въ нихъ лѣтъ 250 тому назадъ. По грамотѣ Михаила Θедоровича 1637 г. въ дер. Свинской (нынѣ Свинска, полувѣрч.) упоминается крестьянинъ Точка (у эстовъ Toots) Яковлевъ съ женою и дѣтьми, Рейнка (у эстовъ Rein) и Кязь (эст. Kä̮sj (Kösj)—кашель, карликъ). По писцовой книгѣ 1624—1627 гг. въ ней жилъ крестьянинъ Точка Индриковъ. По той же книгѣ въ дер. Веребково (нынѣ полувѣрч.) жили чухны: Папко (эст. paap, pap.-попъ) Яковлевъ да пасынокъ его Кузешка. Подробныя свѣдѣнія о деревняхъ Печерскаго монастыря и составѣ ихъ населенія мы можемъ черпать изъ Переписной книги Печерскаго монастыря келаря старца Гурія 1652 года. Ниже будутъ перечислены всѣ деревни, въ числѣ жильцовъ которыхъ упоминаются чухны. Подъ Печерскимъ монастыремъ на посадѣ въ слободкахъ въ числѣ 134 жилецкихъ людей упоминается дворъ Петрикъ чухно; здѣсь повидимому въ то время жилъ по преимуществу пришлый народъ, ибо приходятся имена съ прозвищами, напр., Замара, Порокъ, Рыбоникъ, Кузнецъ, Грико, Кривой, Обозерецъ, Розшиби Шапка и т. п. Въ приказѣ горнемъ Печерскому монастырю принадлежали слѣдующія деревни, въ которыхъ жили чухны: Кокотово (неизв.) въ ней дв. Андрейко Чухно; Чальцово (полув.)—въ ней дв. Пепко Чухно; Медково (Медово русс.)—въ ней дв. Калуско Чухно, Воробьево (полув.)—въ ней дв. Сенька Ганевъ; Рябцево (полув.)—въ ней дв. Θодотко Чухно; Королихино (русс.)—въ ней дв. Прошко Чухно; Выморково (полув.)—въ ней дв. Калуска Чухно; Декшино (русс.)—въ ней дв. Кяртко Чухно; Тонищево (полув.)—въ ней дв. Петрикъ Ерьевъ; Остречня (неизв.)—въ ней дв. Андрешка Чухно; Демидово (полув.)—въ ней дв. Никулька Рейновъ и Никулька Кривой; Серково (неизв.)—въ ней дв. Андрешка Меусовъ; Пупково (низв.)—въ ней дв. Янка Чухно. Въ приказѣ Мокролускомъ: Подсадничье (полув.)—въ ней дв. Меуско Чухно, дв. Артемка Чухно; дв. Томашка Чухно; Больино (полув.)—въ ней дв. Θедка Стешево (полув). въ ней дв. Кярсенко Чухно Томасовъ; Жеребцово (полув.)—въ ней дв. Янка Томасовъ, дв. Мартишко

Томасовъ, дв. Андрейко Томасовъ; Горушка (полув.) въ ней дв. Ерикъ Кярстневъ, дв. Петрикъ Чухно; Глистино (полув.) въ ней дв. Панко Пеповъ; Дяглево (русск.)—въ ней дв. Анско Меусовъ; Авинчище (полув.)—въ ней дв. Михалко Чухно, дв. Тимошка Чухно; Подчерняево (полув.)—въ ней дв. Анско Чухно, дв. Михалка Чухно; Грихнево (полув.)—въ ней дв. Васька Пеповъ, дв. Иванка Пеповъ; Толстопятово (полув.)—въ ней дв. Индрикъ Чухно, дв. Пепко Яковлевъ; Тероховщина (полув.)—дв. Петрикъ Точевъ, дв. Меуско Лукинъ; Кривушкино (неизв.)—дв. Васька Чухно, дв. Павелко Овсевъ (?) ; Игнашево (полув.) въ ней дв. Янка Меусовъ, дв. Анско Меусовъ, дв. Индрикъ Петровъ; Бараусово (неизв.)—въ ней дв. Кяни Чухно, Томаска Лецовъ, дв. Меуско Лецовъ, дв. Михалка Титкинъ; Новинка (полув.)—въ ней дв. Янка Томасовъ; Шемяковщина (неизв.)—въ ней дв. Янка Чухно, дв. Ѳомка Миковъ; Маслово (полув.)—дв. Иванко Яковлевъ. Въ приказѣ Кулейскомъ: Подмогилицы (полув.)—въ ней дв. Пепко Ериковъ; дв. Ивашко Ериковъ: Кулья (русс.)—въ ней дв. Даска Кѣповъ; Шешниково (полув.)—въ ней дв. Павелко Кертовъ, дв. Ягупко Ансковъ; Невелина (русс.)—въ ней дв. Петруша Течусовъ (?), дв. Томаско Тенусовъ, дв. Михалко Течусовъ (?); Струежъ (неизв.)—въ ней дв. Мартишко Чухно; Лутопежъ (нынѣ Лутобижи, полувѣрч.)—въ ней дв. Ивашко Чаневъ; Шертово (неизв.) въ ней бобыль Юмелка. Въ приказѣ Тростянскомъ: Никитина Гора (полув.) въ ней дв. Ерикъ Сиговъ, дв. Сидорко Ерьевъ, дв. Пепко Лука; Журовова Кадова (полувѣр.)—въ ней дв. Мяртко Якуновъ, дв. Янка Андрешовъ, дв. Папко Никулинъ; Пуховицыны (неизв.)—въ ней дв. Кертко Чухно, дв. Реппко Уликовъ; Слободка (полув.) въ ней дв. Павелко Ѳоминъ, дв. Анско Ѳоминъ, дв. Мяртко Ѳоминъ, дв. Петрикъ Чухно; Рисава (полув.)—цѣловальникъ чухна (въ платежной кн. 1692 г.); Вергулица (? Верхоулица, полув.)—въ ней дв. Евдокимка Гормонъ (?), дв. Ерихъ Чухно, дв. Микъ Чухно, дв. Гришка Чухно; Верхуско (полув.)—въ ней дв. Янка Чухно, дв. Томаско, дв. Афонка Ягуповъ, бобыль Индрикъ Чухно; Загубочье (полув.)—въ ней дв. Ивашко Типкинъ; Крешетово (неизв.)—въ ней дв. Микъ Яковлевъ; Дубки (русс.)—въ ней дв. Лашко Небаковъ (?). Лебжица (Любница, русс.)—въ ней дв. Сергѣйко Пудиковъ, дв. Петрикъ Чухно, бобыль Ягупко. Въ приказѣ Паньковскомъ: Терешкино (неизв.)—въ ней дв. Меуско Мяртовъ; Толстиково (неизв.)—въ ней дв. Якушко Чухно; Барканово (полув.)—въ ней дв. Лаврикъ Мартевъ, дв. Точка Павловъ; Губино (русс.)—въ ней дв. Савка Гентовъ; Загорье (полув.)—въ ней дв. Алексѣйко Ериковъ, дв. Самулка Гентовъ; Суколеново (неизв.)—въ ней дв. Ерикъ Мяртевъ. Въ Мятковицкомъ приказѣ: Кислово (полув.)—въ ней дв.

Тихашко Чухно; Мостковичи (полув.)—въ ней дв. (русскіе) Ѳомка Раздобара, Силка, Иванко Воропа, Иванко Попко; Мостинецъ (неизв.)—въ ней дв. Микъ Яневъ; Вакосары (полув.)—въ ней дв. Томаско Сузикъ; Геневъ починокъ (неизв.)—въ немъ дв. Янка Точкинъ, дв. Васка Пуриковъ; Татаринова починокъ (неизв.)—въ немъ дв. Меуско, Геневъ; Лелино (Люлино, полув.)—въ ней дв. Бориско Миковъ, Сокинъ; Веселкино (полув.)—въ ней дв. Миковъ, Сокинъ; Логиная Яма (неизв.)—въ ней дв. Петрушка Чухно. Въ Приказѣ Константиновскомъ: Мегузица (полув.)—въ ней дв. Анско Гентовъ, Меуско Таткинъ, Томашко Сарышевъ; Соловьево (полув.)—въ ней дв. Кярсейко Яковлевъ; Свинско (полув.)—въ ней дв. Точка Яковлевъ, дв. Рейнко Точкинъ, бобыли: Якушко, Анско, Ешель, Павелко Прядинъ. Въ Приказѣ Новосельскомъ: Перхово (неизв.)—въ ней дв. Янка Геневъ; Хомутниково починокъ (неизв.)—въ ней дв. Рейнковъ, Мяртевъ; Кикина Гора (неизв.)—въ ней дв. Ерикъ Михаиловъ; Андроново (полув.)—въ ней дв. Томасовъ, Ерикъ.

Выше перечислена лишь небольшая часть всѣхъ полувѣрческихъ деревень, извѣстныхъ въ наше время, и это благодаря лишь тому обстоятельству, что писецъ Гурій иногда счелъ нужнымъ указывать національность жильца, приписавъ послѣ его имени «Чухно». Приписка эта носитъ случайный характеръ, такъ какъ нѣкоторые жильцы, по своему имени безъ сомнѣнія чухонскаго происхожденія, не имѣютъ этой приписки. Поэтому имена или прозвища, а равно и отсутствіе этой приписки, не могутъ служить доказательствомъ русскаго происхожденія жильцовъ, перечисленныхъ въ переписной книгѣ деревень. Напротивъ, въ виду преемственности населенія въ теченіе его двухъ—трехъ вѣковъ, мы можемъ смѣло думать, что въ описанныхъ старцемъ Гуріемъ деревняхъ, въ коихъ нынѣ населеніе составляютъ сплошь полувѣрцы, а въ его время было чухонское населеніе.

Нѣкоторыя данныя о характерѣ и времени переселенія сюда эстонцевъ можно добыть изъ анализа названій населяемыхъ нынѣ полувѣрцами деревень. Къ сожалѣнію, въ моемъ распоряженіи имѣется лишь незначительное число полувѣрческихъ названій деревень. Эти названія можно раздѣлить на три категоріи: самостоятельныя, переводныя и искаженныя русскія. Къ первой относится Kolo (Андрейково), Sega Küla (Бабино Каменище), Laweritsa к. (Боровенки), Tedre küla (Гигина), Häärme küla (Горемыкино), Saare,-Järwe-küla (Журово—Кахово), Wilo küla (Заболотье), Kromnesüwa küla (Загубочье), Jusa (Заднее церковно), Lindsi к. (Займище), Alaossa к. (Игнатово), Radaja k. (Керсо), Serga к. (Константиново), Penik (Луковка), Karisilla k. (Новинокъ), Miku к. (Оглоблино), Wasili к. (Грехнево), Treala к. (Паклово),

Kuru k. (Подчерняево), Radaje k. (Сигово), Melso (Тереховщина), Talka k. (Толстопятово). Въ основѣ приведенныхъ эстонскихъ названій лежатъ отчасти личныя христіанскія, отчасти предметныя имена, слѣд. деревни отчасти возникли въ то время, когда переселенцы уже исповѣдывали христіанство, отчасти получили свои названія отъ переселенцевъ, носившихъ лишь прозвища. Ко второй категоріи относятся: Saarebi k. (Островокъ), Pedaspääliste (Подсосенье), Waresse mae (Варусово), Soelane (Сузиково), Mustoja (Черный Ручей). Къ третьей категоріи относятся: Audjasaar (=Авдѣево), Obinitsa (Авинчище), Korila (=Горѣлая мельница), Korsti (?=Горушка), Togenitsi (=Дегатницы), Hurowitsi (=Гурвицо, Денисково), Sökowitsi (=Жуковичи), Haosina (=Клавшино), Mudowa (?=Мелдово), Podmotsa (=Подмочилицы), Helbiki (=Хильбики, Подсадничье), Polande (=Боландино, Растляково), Ersawa (Ржово), Selisja (=Селище), Pelsik (=Пельзики, Сульпики), Tona (=Тони), Tooma magi (=Томасова Гора), Trostka (=Тростянка), Trõnne küla (=Трактова), Külätawa (=Тюлитино), Tölgo (=Челково), Jugadtsa (=Юковъ Конецъ), Räsowa (=? Ржава, Черный лѣсъ). Послѣдній рядъ названій даетъ право заключить, что переселенцы отчасти занимали русскія деревни и, не зная русскаго языка, извратили на свой ладъ русскія названія деревень.

Таковы положительныя данныя, относящіяся къ разбираемому вопросу. Обратимся къ отрицательнымъ даннымъ. Какъ мы видѣли уже выше, въ архивѣ Псково-Печерскаго монастыря, возникшаго въ 1472 г., нѣтъ никакихъ свѣдѣній о полувѣрцахъ; особенно заслуживаетъ вниманія, что знаменитый игуменъ монастыря Корнилій обращаетъ свою миссіонерскую дѣятельность на горсть зарубежныхъ эстовъ, какъ бы совершенно игнорируя многочисленное (ок. 25 тысячъ) эстонское населеніе въ предѣлахъ монастырскихъ владѣній. Такъ какъ дальнѣйшая исторія ничего не знаетъ о переселеніи сюда столь многочисленнаго чуждаго населенія, а, напротивъ, на основаніи нѣкоторыхъ прямыхъ данныхъ оно предпологается уже существующимъ здѣсь, то остается лишь допустить, что оно было здѣсь уже до Корнилія и исповѣдывало православную вѣру, въ которую была обращена Псковскими или Изборскими священниками. И въ самомъ дѣлѣ, здѣшніе полувѣрцы не имѣютъ ни малѣйшаго воспоминанія о происхожденіи своихъ прадѣдовъ, между тѣмъ какъ въ такихъ случаяхъ переселенцы обыкновенно считаютъ время своего переселенія поколѣніями, благодаря чему легко можетъ быть установлена приблизительная дата переселенія. О церковномъ строительствѣ здѣсь не могло быть и рѣчи до XVI в., такъ какъ въ виду постоянныхъ взаимныхъ набѣговъ псковичей и ливонцевъ церкви обыкновенно подвергались сожженію. Постоянная церковь намъ извѣстна лишь въ Изборскѣ.

У полувѣрцевъ и русскихъ вмѣсто церквей имѣлись почти при каждой деревнѣ часовни, гдѣ лишенные религіознаго назиданія жители ставили предъ иконами свѣчи и возносили къ святымъ свои прошенія и благодаренія. Въ древности часовенъ врядъ ли можно сомнѣваться, такъ какъ никто не запомнитъ времени и обстоятельствъ ихъ возникновенія. Обыкновенная принадлежность этихъ часовенъ большой деревянный крестъ, икона и подсвѣчникъ, по большей части увѣшанные различными лоскутками. Да и самые богомольные обряды, еще въ наши дни набюдаемые на сельскихъ праздникахъ мѣстныхъ жителей, явственно указываютъ на то, что жители долго были предоставлены въ отправленіи религіозныхъ потребностей исключительно самимъ себѣ, отчего къ нимъ и примѣшаны черты, напоминающія язычество. Наконецъ языкъ, нравы, вѣрованія и вообще духовный бытъ полувѣрцевъ, что впрочемъ еще не подвергнуто изслѣдованію ученыхъ, указываютъ на болѣе древнее время переселенія ихъ, чѣмъ XVI в. Нарѣчіе ихъ несомнѣнно родственно съ эстонскимъ Верроскимъ нарѣчіемъ, съ тою существенною разностью, что въ него входитъ много заимствованныхъ отъ русскихъ словъ. Ихъ духовное творчество (пѣсни, загадки, сказки) сохранилось въ большей чистотѣ и полности, чѣмъ гдѣ-либо въ захолустьяхъ эстонскихъ поселеній, при чемъ особенная черта полувѣрческихъ пѣсенъ и причитаній та, что въ нихъ болѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, религіознаго элемента, Матерь Божія, ангелы и святые нерѣдко въ нихъ выступаютъ. Объяснить ли это наслѣдіемъ католичества, принесеннаго изъ прежняго мѣста жительства, или же приписать вліянію православной церкви, трудно рѣшить за неимѣніемъ подъ рукою необходимаго матеріала. Повидимому, часть полувѣрцевъ была нѣкогда знакома съ внѣшними чертами католическаго культа, что довольно правдоподобно, такъ какъ по всей вѣроятности переселеніе сюда части полувѣрцевъ или вѣрнѣе эстовъ-язычниковъ и отчасти знакомыхъ съ католичествомъ, принявшихъ на новомъ мѣстѣ жительства православную вѣру, должно быть отнесено къ XIV—XV в. Часть же полувѣрцевъ, судя по чудскому происхожденію нѣкоторыхъ древнихъ мѣстныхъ названій даннаго района (см. мой трудъ «Этимологія мѣстныхъ названій Псковскаго уѣзда»), должна быть признана аборигенами.

Юрій Трусманъ.

Замѣтка по поводу изданія народныхъ сказокъ.

Въ виду предполагаемаго изданія народныхъ русскихъ сказокъ считаю не лишнимъ представить Отдѣленію Этнографіи нѣсколько своихъ соображеній, ограничившись на этотъ разъ лишь практическими вопросами осуществленія столь желательнаго предпріятія: насколько оно своевременно и слѣдуетъ ли ограничиваться лишь перепечаткою превосходнаго собранія Афанасьева съ дополненіемъ имѣющагося въ архивѣ Общества неизданнаго матеріала.

Первый вопросъ, при всей очевидной простотѣ своего разрѣшенія, получилъ въ настоящее время особенно важное, можно сказать—роковое значеніе. Съ обновленіемъ жизни русскаго народа послѣ великой реформы 19 февраля 1861 года, со всѣми зависящими отъ нея послѣдствіями,—и въ области этнографіи на нашей недолгой памяти произошли крупныя перемѣны. Съ крупнымъ переворотомъ въ экономической жизни, многое уже исчезло безъ слѣда съ быстротою вешняго снѣга, и во всякомъ случаѣ главнѣйшимъ образомъ значительно сократились мѣста, не такъ давно представлявшія обильные матеріалы для наблюденій. Быстрое развитіе сѣти желѣзныхъ дорогъ, шедшее объ руку съ ослабленіемъ паспортныхъ сношеній, облегчивъ сношенія и связи деревни съ городомъ, содѣйствовало примѣтному исчезновенію тѣхъ захолустій, гдѣ ревниво сберегалась старина и куда теперь, открылся удобный путь свѣжимъ вѣяніямъ и свободный доступъ всякой соблазнительной новизнѣ. Къ настоящему времени разнообразныхъ перемѣнъ стараго на новое накопилось такъ много, что требуются уже самостоятельныя изслѣдованія, обѣщая совершенно иныя этнографическія данныя при утратѣ тѣхъ, которыя сберегались вѣками и были на нашей памяти. Съ особенною очевидностью выразились эти перемѣны въ покроѣ крестьянской одежды, въ виду быстраго распространенія швейныхъ машинъ именно въ теченіе послѣднихъ лѣтъ и благодаря поразительному развитію торговли готовымъ платьемъ, бросающееся въ глаза на каждомъ шагу въ обѣихъ столицахъ, а на нижегородской ярмаркѣ успѣвшей теперь занять одно изъ первенствующихъ мѣстъ среди самыхъ важныхъ и бойкихъ разновидностей торговли.

Я уже имѣлъ случай (въ сборникѣ «XXV лѣтъ» изданія Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ) съ достаточною подробностью указать на эти перемѣны въ одеждѣ, ограничившись даже лишь однимъ головнымъ уборомъ и указавши на исчезновеніе этого этнографическаго признака, который позволялъ разбираться, подобно нарѣчіямъ и говорамъ, въ принадлежности данныхъ лицъ къ извѣстной мѣстности. Городской щеголь картузъ или фуражка съ лакированнымъ козыркомъ и ремешкомъ, изгнавшій поярковую шляпу въ разнообразіи ея 15—17 фасоновъ, развилъ, возродивъ на новыхъ мѣстахъ, фуражечное производство, и убилъ шляпное тамъ, гдѣ (какъ въ Семеновскомъ и Макарьев. уѣздѣ Нижегор. губ.) оно было исконнымъ промысломъ. Здѣсь теперь начали увѣреннѣе «окладывать» благонадежные валеные сапоги, чѣмъ «заваривать» коварныя шляпы, покорившіяся легкомысленной модѣ. Объ нихъ приходится вспоминать какъ разъ въ то время, когда «канфетки» и «стрѣлочки» изгнали коренную и родную народную пѣсню.

Вообще мы переживаемъ то боевое время, когда и наблюденіями слѣдуетъ поспѣшать, и составленіемъ всякихъ этнографическихъ музеевъ и сборниковъ поторапливаться.

Та же опасность утратъ съ явными признаками надвигающихся бѣдъ отъ перемѣнъ въ экономическомъ и разложенія въ бытовомъ строѣ народной жизни предчувствуется и въ томъ вопросѣ, который вызвалъ настоящую замѣтку. Такъ, между прочимъ, указъ 19 февраля разогналъ барской дворню и въ томъ числѣ доброхотныхъ сказочницъ—старушекъ—нянекъ, воспитывавшихъ отъ 2-хъ до 3-хъ поколѣній и убаюкивавшихъ дѣтей дворянскаго сословія обязательно русскими крестьянскими сказками. Живой образъ этихъ милыхъ и простодушныхъ хранительницъ и защитницъ дѣтства скоро сохранится лишь въ одномъ томъ образѣ, который начерталъ намъ величайшій поэтъ, благодарно вспомнившій подругу своихъ суровыхъ дней—дряхлую старушку Арину Тимофеевну. Она подсказала ему мотивы тѣхъ шести чудесныхъ сказокъ, которыя будутъ заучиваться всею Русью, пока она не перестанетъ крѣпиться на своихъ могучихъ корняхъ, питаясь соками родной почвы.

Съ другой стороны, съ исчезновеніемъ помѣщичьей дворни, несомнѣнно въ скоромъ времени исчезнетъ изъ памяти тотъ отдѣлъ сказокъ, который порожденъ былъ именно крѣпостной неволей. Въ нихъ, съ добродушнымъ юморомъ, ставили барина въ забавныя положенія, подсмѣиваясь надъ простотой и ненаходчивостью и иными недостатками, подмѣченными въ этихъ сытыхъ и самодовольныхъ людяхъ до эротическихъ наклонностей включительно. Рѣдко въ сказкахъ этого рода прорывалось озлобленное чувство,

вызванное тяжелымъ крѣпостнымъ гнетомъ и всякими неправдами, но мстительная насмѣшка всегда и обязательно въ нихъ присутствовала. Болѣе характерныя изъ этихъ сказокъ-памфлетовъ, подобно сказкѣ о баринѣ Кантѣевѣ, неудобны для печати. Кромѣ того, есть много основаній предполагать, что всѣ таковыя въ незлобивомъ сердцѣ добраго, многотерпѣливаго и все прощающаго народа нашего не удержатся теперь, когда, въ теченіе этихъ 36 лѣтъ, выросло новое поколѣніе, не знавшее крѣпостнаго ярма, равнодушное къ способамъ его былыхъ приспособленій и безучастное къ испытаннымъ отцами и дѣдами мученіямъ. По человѣчеству (какъ выражаются грамотѣи)—можно забыть, а по христіански—и вовсе простить.

На невинныя, пригодныя для печати сказки во всѣхъ ихъ формахъ: житейскихъ, богатырскихъ, балагурныхъ и т. под., въ средѣ народа выработался, на мѣсто отжившихъ свой вѣкъ скомороховъ,—особый классъ хранителей и распространителей ея въ тѣхъ деревенскихъ бродячихъ ремесленникахъ, которые извѣстны подъ именемъ швецовъ. Но и въ ихъ среду начинаетъ пробиваться новая свѣжая струя, способная своимъ холодкомъ знобить и мертвить, хотя и медленно, но вѣрно. Ловкія торговыя фирмы, въ родѣ какого-нибудь Мандля съ Невскаго проспекта у Полицейскаго моста, разузнали тѣ мѣстности, какъ напр. большое село Порздня (Юрьев. уѣзда Костр. губ.), гдѣ группируются ремесленники этого рода, наслали сюда цѣлыя сотни швейныхъ машинъ и при нихъ матеріалъ и выкройки. Машины, полученныя въ кредитъ, работая за невѣроятно ничтожную плату со штуки, въ то же время окупаютъ себя; бродячихъ мастеровъ онѣ плотно усадили на мѣсто, сдѣлали ихъ осѣдлыми, стукомъ своимъ заставили примолкнуть пѣсню и прекратить сказки, а въ то же время кстати и всѣхъ переодѣли въ дешевый спинжакъ, въ подходящее по цѣнѣ женское пальто самаго новѣйшаго моднаго покроя.

Однако, несмотря на появленіе этихъ еврейскихъ мастерскихъ, случайно ворвавшихся въ область этнографическихъ наблюденій непрошенными преобразователями, еще далеко не все погибло. Напр., дубленый полушубокъ и нагольный тулупъ не настолько покладливы, чтобы скроенныя и прилаженныя для нихъ овчинки могли укладываться на поддонокъ машинки и поддаваться хрупкой иглѣ американскаго издѣлія, а не той, крѣпкой, какъ шило, къ которой издревле преспособилась тяжелая рука деревенскаго мастера. На этихъ рукахъ во всякомъ случаѣ еще многое осталось, включительно до наложенія крупныхъ заплатъ на поношенную рухлядь, удобную для починокъ. Еще держатся за швецовъ, и ихъ ручной трудъ поощряютъ свои люди въ насиженныхъ ими мѣстахъ. Здѣсь, натруживая грудь и спину и подвернувши

подъ себя ноги калачемъ по восточному образцу, ведутъ они свою безшумную и скучную работу, располагающую къ задумчивости, порождающую въ пожилыхъ людяхъ привычку къ самоуглубленію, какъ въ олонецкихъ сказителяхъ, и въ томъ тамбовскомъ швецѣ Семенѣ Матвѣевѣ Уклеинѣ, который считается основателемъ и распространителемъ въ Моршанскомъ уѣздѣ и далѣе молоканской раскольничьей секты. Съ другой стороны налаженная деревенская привычка, какъ вѣковой обычай, требуетъ отъ молодыхъ швецовъ подспорья работъ пѣснями и подмоги коротать докучное осеннее время длинными-предлинными сказками, мудреными загадками и веселыми прибаутками. Пока не завелись еще въ избахъ грамотѣи съ книжками, для сказокъ не только просторъ, но и раздолье. Въ тѣхъ семьяхъ, для которыхъ открывается возможность шить изъ домашнихъ овчинъ полушубки и осень не утратила своего хвалебнаго прозвища «богатой», это время года—самое подходящее. Всѣ теперь на отдыхѣ съ привычными въ рукахъ работами расположены, бодрясь и подремывая, сидя и лежа, охотливо слушать до поздняго вечера. На улицѣ темень хоть глазъ выколи, въ окна бьетъ съ неустаннымъ озлобленіемъ косой дождикъ,—добрый хозяинъ собаки не выпуститъ—въ трубѣ воетъ вѣтеръ, а въ избѣ тепло и уютно и на сердцѣ покойно, пока еще не съѣденъ свой хлѣбецъ и можно имъ покормить захожихъ рабочихъ, досужихъ сказочниковъ, веселыхъ ребятъ.

Въ такой именно обстановкѣ напечатлѣлись въ моей отроческой памяти картины деревенской жизни, оживленныя приходомъ швецовъ изъ-подъ Галича, когда на самыхъ первыхъ порахъ литературныхъ работъ, по увлеченію требованіями того времени, третьимъ разсказомъ изъ крестьянскаго быта привелось написать именно про этихъ самыхъ швецовъ. Тогда уже они, по свѣжимъ впечатлѣніямъ, непосредственно воспринятымъ въ дѣтствѣ, выдѣлились, какъ присяжные сказочники и веселые люди, отъ которыхъ привелось услышать и первыя загадки и острыя прибаутки; сказки, смѣшныя и страшныя, тянулись безконечной вереницей, у хорошаго сказочника слова такъ и нанизывались, какъ бисеръ. Впослѣдствіи при дальнѣйшихъ наблюденіяхъ народной жизни въ многократныхъ поѣздкахъ довелось укрѣпиться въ убѣжденіи, что сказка сдѣлалась неотъемлемою и обязательною принадлежностью самаго ремесла. Къ тому-же выводу привели и вчерашнія кабинетныя справки по подручнымъ печатнымъ источникамъ.

Павелъ Николаевичъ Рыбниковъ, задумавшій собирать олонецкія былины, гонялся, какъ за краснымъ звѣремъ, за расхваленнымъ ему сказителемъ Бытылкой (онъ же Чиковъ), который былъ крестьянскимъ портнымъ, и въ обязательныхъ переходахъ для шитья съ мѣста на мѣсто, былъ неуловимъ. Александру Федоровичу Гильфердингу въ числѣ сказителей, распѣвавшихъ бы-

лины, попалось шесть швецовъ, и между ними Титъ Калининъ, со словъ котораго онъ записалъ 20 былинъ и свидѣтельствовалъ, что Калининъ еще мальчикомъ и молодымъ человѣкомъ много ходилъ по деревнямъ въ окрестностяхъ Шуньи и Толвуя для портняжныхъ работъ. Когда бросилъ ремесло и всталъ на крестьянство, многія былины забылъ, но помнилъ множество предлинныхъ сказокъ. Другой сказитель Куриковъ сообщилъ изъ былинъ только двѣ, но предлагалъ сколько угодно сказокъ и прибаутокъ. На послѣднія очень гораздымъ оказался Корсаковъ — тоже швецъ, котораго Гильфердингъ охарактеризовалъ такими славами: «необыкновенный весельчакъ, юмористъ, мастеръ пѣть лихія и скоромныя пѣсни; большой охотникъ погулять». Онъ служилъ запѣвалой и вожакомъ молодежи на деревенскихъ праздникахъ. Былины отошли у него на второй планъ: «онъ забылъ большую часть тѣхъ, которыя пѣвалъ въ прежнее время», но, конечно, не забылъ сказокъ (прибавлю я отъ себя). Оба эти вида произведеній народнаго творчества ноходятся въ тѣсной связи и хранятся рядомъ, но съ полнымъ сознаніемъ разницы: сказка—складка, сочиненіе по готовой канвѣ, требуетъ присказку, любитъ вставныя, вызывающія смѣхъ прибаутки, оживляющія разсказъ, складныя «поговорки». Напримѣръ, былина—пѣсенная досельная старина—быль изъ временъ далекаго прошлаго, когда водились на Руси славные могучіе богатыри, сложившаяся въ строгій ритмическій пѣсенный разсказъ, вызываетъ особенное напряженіе памяти, не допускаетъ иныхъ вставокъ, кромѣ тѣхъ, которыя пособляютъ сохраненію стройнаго стихотворнаго размѣра складу и ладу, и безусловно требуя уваженія ко всякому слову и въ особенности мѣткому эпитету. За сказками, стало быть, то существенное преимущество, что онѣ будучи, свободными отъ путъ размѣра и, на вольномъ просторѣ пересказа, сберегаются памятью легче и цѣльнѣе. Запись сказокъ обѣщаетъ громадный успѣхъ и въ рукахъ охотныхъ и трудолюбивыхъ изслѣдователей можетъ превозойти всякія смѣлыя ожиданія, едва-ли даже посильныя одному человѣку. Не даромъ обѣгали эту работу всѣ собиратели перловъ народнаго творчества. Рыбниковъ, напр., записалъ только двѣ, но изъ нихъ одну объ Олешѣ Голопузомъ—пародію на богатырей сообщилъ ему Барсовъ.

Старуха съ Топозера, распѣвавшая мнѣ былины въ деревушкѣ Поньгамѣ на берегу Бѣлаго моря, послѣ отдыха, разогрѣвшись моимъ чаемъ изъ своей чашки,—заслала квартирную хозяйку просить моей милости дозволить ей перейти на сказки.

Жалобится: нудно ей въ ладъ попадать. Сказываетъ, что память у ней стала какъ рѣшето. А на сказки-то она и впрямь лютая; онѣ что рѣки изъ нея,

Отъ Поньгамской старухи я успѣлъ записать пять сказокъ: прибавилъ къ нимъ еще десятокъ въ Холмогорахъ, уступленный смотрителемъ уѣзднаго училища, и весь этотъ сборничекъ вручилъ Якушкину для передачи Ал. Ник. Афанасьеву. Павелъ Ивановичъ, бродившій по деревнямъ за пѣснями апостольскимъ способомъ съ узелкомъ, въ которомъ хранилась вся его наличная движимость,—узелкомъ этимъ соблазнилъ въ вагонѣ Николаевской дороги недобраго сосѣда, который и износилъ обѣ его запасныя рубахи, а мой сборникъ и его замѣтки на клочкахъ искурилъ въ цыгаркахъ. О подобномъ же случаѣ свидѣльствуетъ неизвѣстный авторъ въ журнальчикѣ «Трудъ», разсылаемомъ прибавленіемъ ко «Всемірной Иллюстраціи» (1890 г. т. VI № 8), но этотъ разсказъ требуетъ нѣкоторой поправки, вынуждая остановиться для одной привходящей сюда замѣтки.

За десять лѣтъ до Рыбникова занимался въ Олонецкомъ краѣ собираніемъ матеріаловъ пѣсеннаго народнаго творчества съ не менѣе замѣчательнымъ успѣхомъ нѣкто Баласогло. По крайней случайности онъ также, какъ Рыбниковъ—истинный піонеръ этого дѣла въ той мѣстности (сѣверо-восточной части губерніи, въ Заонежьѣ), которую справедливо почитаютъ сокровищницей эпической поэзіи, былъ сосланъ сюда и также принятъ былъ на службу въ должность чиновника особыхъ порученій при губернаторѣ (Писаревѣ). Сосланъ былъ по несчастному, намѣренно раздутому подъ вліяніемъ бюрократическихъ интригъ, такъ называемому политическому дѣлу Баташевича-Петрашевскаго, и былъ человѣкомъ выдающихся способностей и широкаго образованія. Онъ успѣлъ сдѣлаться извѣстнымъ оригинальнымъ трудомъ-брошюрой, подъ заглавіемъ «Буква ѣ», въ которой обстоятельно собраны были всѣ слова, начинающіяся съ этой буквы, а равно и тѣ, въ которыхъ она обязательна. Брошюра пользовалась, въ свое время, большою извѣстностью, не забыта и до сихъ поръ. Несчастный Баласогло испытаній ссылкой не выдержалъ,—сошелъ съ ума, но успѣвъ оставить крупные слѣды работъ, исполненныхъ съ любовью тщательно. При полномъ отсутствіи въ то время руководящихъ указаній опыта и научной разработки предмета, этотъ собиратель умѣлъ самъ разобраться, и при этомъ въ своихъ записяхъ онъ сохранилъ оттѣнки новгородскаго нарѣчія съ обозначеніемъ удареній, затребованныхъ олонецкимъ говоромъ и закономи былиннаго стиходнаго размѣра.

Въ тѣ времена предубѣжденій и отчужденій, когда трудно было добиться какихъ-либо вѣрныхъ свѣдѣній отъ народа «барину» и тѣмъ болѣе чиновнику,—всякое даяніе было благо. Разбивать изслѣдованія на спеціальности съ исключительною погонею за одною избранною, какъ привелось сдѣлать это тому же Рыбникову, а въ особенности Гильфердингу по отношенію

къ былинамъ и Барсову—къ причитаньямъ, Баласогло не нашелъ нужнымъ. Ему все казалось драгоцѣнностью, достойною памяти. Судя по остаткамъ этого сборника, случайно доставшимся мнѣ въ Москвѣ, имъ по возможности преслѣдовались всѣ роды пѣсеннаго творчества, записывались всѣ обломки древняго народнаго эпоса, еще сохранившіеся въ Заонежьѣ.

Я назвалъ имѣющіяся у меня тетради «остатками сборника» Баласогло на основаніи упомянутой мною замѣтки въ «Трудѣ». Въ ней говорится: «записи Баласогло достались учителю мѣстной гимназіи Дозе. Послѣдній по отзывамъ знавшихъ его, «былъ человѣкъ образованный, любилъ свой предметъ преподаванія, любилъ своихъ учениковъ и многихъ изъ нихъ направилъ на путь изученія края во всѣхъ отношеніяхъ». При всемъ томъ онъ не особенно удачно распорядился доставшимся ему богатствомъ, раздавши записи Баласогло гимназистамъ для ученическихъ сочиненій. Напечаталъ онъ только одну былину въ Олонецкихъ губернскихъ вѣдомостяхъ». А вотъ и нѣсколько изъ остальныхъ былинъ, уцѣлѣвшихъ отъ погрома, подаренныхъ мнѣ наслѣдникомъ сослуживца собирателя въ количествѣ 11-ти, при 7 «плаксахъ по жалимомъ покойникѣ», 40 №№ лирическихъ пѣсенъ и 4 духовныхъ стиха.

Я не буду теперь, за краткостью времени и въ виду предстоящаго сообщенія современнаго интереса, представлять оцѣнку этого сборника, довольствуясь напоминаніемъ объ неизвѣстномъ или полузабытомъ собирателѣ, во всякомъ случаѣ, первымъ пробившимъ тропу туда, гдѣ послѣдующіе и задніе успѣли пріобрѣсти широкую извѣстность и вполнѣ заслуженную славу. Собственно поучителенъ призывъ Дмитрія Ив. Баласогло сюда же за сказками; въ обрывкахъ его сборника сохранились двѣ или, вѣрнѣе, три (одна въ варіантѣ, представляющемъ самостоятельный пересказъ). Первая запись сказки о «Царь-дѣвицѣ» сдѣлана въ Вой-Нȣволокѣ, вторая—въ Сѣнногубскомъ погостѣ. У Афанасьева имѣется 6 варіантовъ на эту же самую любимую народомъ сказку о поискахъ молодовыхъ яблокъ, живой и мертвой воды, но у Баласогло въ записяхъ былинный складъ во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ идутъ живые разговоры сохранился въ изумительной цѣльности. Въ отдѣльной сказкѣ—кстати портныхъ о портномъ—уберегся и былинный пріемъ разсказа, и основной характеръ сказокъ—чрезмѣрная небывальщина и широкій размахъ фантазіи. Этой сказки я не нашелъ ни въ одномъ сборникѣ, а по краткости содержанія позволяю себѣ привести ея текстъ подлинникомъ, чтобы познакомить съ характеромъ записей Баласогло, какъ желательнаго образца для будущихъ собирателей. Таковыми могутъ быть тѣ же лица, которыми умѣло и съ особеннымъ успѣхомъ пользовался Рыбниковъ, поручая записи семинаристамъ, разъѣзжающимся на вакаціи. Остальныя великорусскія мѣстности,

выпускающія швецовъ въ разныя стороны до далекой Сибири включительно,— всѣ на счету: село Молвитино (Костр. губ.), село Мурашкино (Нижегор.), деревня Трушково Пошехонскаго уѣзд. Яросл. губ., лежащая въ центрѣ селеній со сплошь странствующими портными, и т. д. Что же касается до прославленныхъ мѣстностей Заонежья, до Кижей и Толвуя, то онѣ и сейчасъ лежатъ въ сторонѣ даже и отъ такого недавно проложеннаго почтоваго тракта, который идетъ отъ озера Онеги черезъ Повѣнецъ къ Бѣлому морю,—тракта совершенно ничтожнаго по своему значенію въ данномъ вопросѣ. Давнія связи географическаго общества, при надлежащемъ сношеніи со всѣми подобными мѣстностями, помогутъ добору недостающаго и исправленіемъ варіантовъ особенно вѣроятныхъ въ Заонежьѣ. Нашелъ же Баласогло вотъ эту сказку, ускользнувшую отъ Рыбникова и Гильфердинга, несмотря на то, что въ ней слышится и былинный ритмъ, и обычные былинные обороты [1]).

Увѣренно думается, что къ этому доброму привѣту начинаніямъ этнографическаго отдѣленія по изданію сказокъ присоединится и столь же искреннее и общее желаніе, чтобы подобныхъ указанной отчетливыхъ и безпримѣсныхъ записей нашлось побольше. Пожеланіе это тѣмъ сознательнѣе и искреннѣе, что невольно припоминаются и первыя неудачи и послѣдующіе блестящіе успѣхи этого рода начинаній. Первыя народныя сказки, напр., появились на Божій вольный свѣтъ въ печати обвѣшанными погремушками и пестрыми лоскутками, и самъ пересказчикъ зачѣмъ-то наряжался скоморохомъ. Онъ испещрилъ разсказъ пустословками, уснастилъ въ такомъ избыткѣ смѣхотворными прибаутками, что черезъ нихъ и сквозь слой намазанныхъ красокъ нельзя было опознаться, гдѣ говоритъ сказка сама отъ себя за свой страхъ и счетъ безъ оборота, и гдѣ, безъ довѣренности, ручался за нее пересказчикъ. И лица не видно, и голосу не слышно. Не слышно того мягкаго и тихаго говорка подобнаго голубиному воркованью которымъ убаюковалось и ласкалось дѣтство. Не видно и милыхъ чертъ знакомаго лица, морщинистаго отъ старости, но съ такимъ привѣтливымъ взглядомъ, въ которомъ ярко свѣтился живой огонекъ юности. Можетъ быть этотъ запѣвало и сдѣлалъ свое дѣло; гремушкой созвучій привлекъ слушателей и задержалъ ихъ вниманіе на своихъ остроумныхъ рѣскозняхъ и въ «Первомъ пяткѣ русскихъ сказокъ», и въ послѣдующихъ десяткахъ,—небылицъ и побывальщинъ.

И такова, знать, судьба, всякихъ запѣвокъ, что и первая попытка выпуска былинъ и пѣсенъ, не можетъ зачесться въ поучительный образецъ къ руководству. Корабль, наполненный большимъ количествомъ дорогаго товара,

---

[1]) Сказки по записи Д. И Баласогло см. ниже въ II отд.

выплывал въ открытое море тяжело и вѣско. Шкиперъ, вызвавшійся на проводку судна, столько навалилъ балласта, что пришлось и разгребать его, чтобы добраться до сокровищъ, и удивляться, въ то-же время тому, зачѣмъ набралъ онъ такъ много лишнихъ и тяжелыхъ камней. Конечно, этимъ пріемомъ ни добротности, ни сохранности основной и главной клади онъ не прибавилъ, но навѣрное затруднилъ его получку въ томъ цѣльномъ и опрятномъ видѣ, въ какомъ самъ получилъ этотъ цѣнный продуктъ, доставленный ему изъ разныхъ мѣстъ заготовокъ.

Теперь, когда первыя неудачи исправлены и ушли, какъ говорится, въ преданіе, когда завели дѣло такія сильныя и опытныя руки, какими владѣли Афанасьевъ и Гильфердингъ, можно еще разъ съ полною увѣренностью въ успѣхѣ еще болѣе блестящемъ и несомнѣнномъ повторить привѣтъ съ чувствомъ благодарности за почин и пожеланіемъ благополучнаго окончанія.

Вотъ теперь и моя сказка съ присказкой вся.

С. В. Максимовъ.

ОТДѢЛЪ II.

МАТЕРІАЛЫ
по народной медицинѣ.

Ужурской волости, Ачинскаго округа, Енисейской губ.

Съ приложеніемъ

СБОРНИКА
народно-медицинскихъ средствъ.

Той же волости.

(Посвящается памяти П. Л. Забалуева).

Все, что народно, составляетъ
достояніе народа.

«Матеріалы по народной медицинѣ» Ужурской волости, Ачинскаго округа, Енисейской губерніи и «Сборникъ народно-медицинскихъ средствъ» той же волости, долженствующій служить дополненіемъ первыхъ, составляютъ вмѣстѣ результатъ соединенныхъ усилій цѣлой группы крестьянъ и крестьянокъ.

Оттого, что большинство изъ нихъ является жителями села Ужура, — одни коренными, другіе невольными его обывателями,—намъ кажется, всѣ данныя, ими сообщенныя, не могутъ быть названы односторонними и сочтены исключительной принадлежностью названнаго села. Нѣкоторыя изъ этой группы, преимущественно женщины—уроженки прочихъ деревень, входящихъ въ составъ Ужурской, Шарыповской и Назаровской волостей. Въ свою очередь онѣ были когда-то дѣтьми матерей, можетъ также взятыхъ изъ другихъ мѣстъ. Это новое поколѣніе, безъ сомнѣнія, почерпнуло отъ нихъ знанія народнаго врачеванія, медицинскихъ средствъ, наговоровъ и т. п. Явившіеся въ Ужурѣ принесли съ собой уже готовый запасъ этихъ знаній, которыми дѣлились невольно съ средой, съ какою довелось имъ ассимилироваться, и, разумѣется, сами заимствовались новыми данными. Это только частичный примѣръ передачи медицинскихъ свѣдѣній, имѣющихся въ обращеніи среди населенія Ужурской волости, хотя въ то же время, думается, весьма характерный въ смыслѣ своей постоянности.

Женскій элементъ, кромѣ того, какъ болѣе свободный, конечно въ періодѣ своей молодости, имѣетъ больше шансовъ совершать переѣзды изъ одной деревни въ другую.

ѣздить «постовать» (говѣть) изъ мѣстъ, гдѣ нѣтъ церквей, или просто «гостить» къ роднымъ—общепринятое здѣсь заведеніе. Окончатся полевыя работы, въ которыхъ сибирячка принимаетъ немалое участіе, изомнутъ и очешутъ куделю осенью...—можно ѣхать гостить. И ѣдутъ не на день—на два,—случается проводятъ въ гостяхъ недѣли и мѣсяца. Рѣдкая «гостейка» вернется домой безъ какой-либо «новинки»: одна пѣснѣ научится, или игру перейметъ; другая чѣмъ-нибудь инымъ позаимствуется въ людяхъ, оставя взамѣнъ свои знанія, свое умѣнье по части рукодѣлья и проч. Дѣвица Дарья Фед. Ожиткова, напр., получила понятіе о пользѣ травъ—отъ 2 лихорадокъ, отъ 12 кумушекъ, о травѣ-зимѣ и можетъ быть нѣкоторыхъ другихъ, когда гостила у своей сестры, вышедшей замужъ въ д. Соксу, Ужурской вол. Дочь Ал. Дм. Трофимовой, выйдя замужъ въ д. Дорохову, Назаровской вол., привозитъ своей матери травы—дикій перецъ, дикій хмель, воробьиное сѣмя и объясняетъ ихъ значеніе; незамѣтно она познакомитъ дороховцевъ съ тѣмъ, что̀ узнала отъ матери...

Существуетъ еще третье условіе, настоятельнѣе всѣхъ прочихъ заставляющее женщину-крестьянку чутко прислушиваться къ разсказамъ о болѣзняхъ и интересоваться средствами лѣченій,—это, когда она дѣлается матерью.. Сколько заботъ требуетъ себѣ новорожденный со стороны матери, сколько умѣнья обходиться съ нимъ, знанія, какъ кормить и чѣмъ кормить, что дѣлать во время его болѣзни! Вся тяжесть ухода за дѣтьми лежитъ всецѣло на обязанности матери. При общей матеріальной необезпеченности крестьянства, при общихъ анти-гигіеническихъ и санитарныхъ условіяхъ всей домашней обстановки, среди которой крестьянскія дѣти являются на свѣтъ и затѣмъ растутъ, выкормить ребенка и удержать его въ живыхъ для матери, дѣлящей время между нимъ, полевыми работами и домашними занятіями, представляется дѣломъ довольно таки труднымъ. Не каждая мать можетъ считать себя счастливой въ отношеніи количества своихъ чадъ, оставшихся въ живыхъ. Родить, напр., 22 ребенка, изъ которыхъ выжило всего д в а (какъ случилось у ужурскаго крестьянина Іона Ив. Баладурина съ женой), или имѣть 11 ребятъ и н и о д н о г о въ живыхъ (какъ у кр. Дмитрія Мар. Ананьина съ женой) ужасные въ сущности факты. Горько живется отцу, подъ старость лѣтъ не имѣющему себѣ «замѣны», но существованіе матери, похоронившей 11—20 душъ дѣтей, поистинѣ страдальческое.

Материнское чувство съ одной стороны, сознаніе ужаснаго положенія одинокой старости съ другой,—побуждаютъ крестьянку мать «трястись» надъ ребенкомъ. Она нянчится дни и ночи, во время болѣзни его страдаетъ одинаково съ нимъ; изыскиваетъ средства лѣченій; отыскиваетъ «знаткихъ людей»; вѣритъ ихъ совѣтамъ и выполняетъ, что предлагается ими.

Никто не рѣшится утверждать, что отецъ-крестьянинъ безучастно относится къ состоянію здоровья своихъ дѣтей. Случаи заболѣванія или смерти ребенка тяжело отзываются на его душевномъ настроеніи. Но роль «кормильца» семьи, родъ его занятій требуютъ отъ него постоянныхъ отлучекъ изъ дому. Пашня не машина, которую пустишь въ ходъ и остановишь, когда явится въ томъ необходимость. Сельское хозяйство, особенно сибирское, вызываетъ владѣльца на постоянное вниманіе, на безостановочное напряженіе физическихъ силъ, иначе онъ рискуетъ, упустивъ «дорого время», остаться безъ средствъ къ существованію... А для чего припасать «хлѣбъ-богатство», когда «часуетъ» послѣднее (изъ многихъ) дитя, и съ его смертью для родителей рухнитъ послѣдняя осмысленная цѣль, ради которой стоило бы жить? Вопросъ отчаянія, хорошо знакомый крестьянству. Что же, спрашивается, оставалось бы дѣлать пахарю, поддайся онъ этому раздумью тревоги и отчаянія? Онъ и жена его развѣ не достойны покоя, опредѣляющагося извѣстнымъ размѣромъ матеріальнаго достатка ни ради того, что оба являются необходимыми работниками накопленія государственнаго богатства, но единственно какъ люди, обладающіе присущими имъ духовными запросами и жизненными потребностями. И крестьянинъ сознаетъ свое горе, видитъ свое безсиліе передъ наступающими отовсюду роковыми обстоятельствами. Уступая, однако же, обычному круговороту жизни, ведетъ свою линію совершенно

такъ, какъ общій прототипъ его «Макаръ» [1]): плачетъ, но пашетъ, жнетъ или «рубитъ жерди», чтобы было чѣмъ «заплатить за похороны» сына, дочери или жены. А можетъ хорошо знакомое русское «авось» все еще манитъ земледѣльца надеждой на лучшее будущее, и тѣмъ самымъ удерживаетъ на землѣ, заставляетъ снова мучиться, трудиться и бороться противъ злой судьбы.

«Авось баба найдетъ средство отходить ребенка», думается пахарю въ тѣ минуты, когда ходитъ за сохой, или выполняетъ другія какія работы, которыя оторвали его отъ постели больной крошки... Баба дѣйствительно, что называется, «сбилась съ ногъ»: ночей не спитъ, нося на рукахъ хворенькое созданьеце, къ одной лекаркѣ сбѣгаетъ, другую бабушку пригласитъ, сосѣдокъ распроситъ, чѣмъ и какъ лѣчить. «Гласъ ея не остается вопіющимъ въ пустынѣ»: бабушки и сосѣдки «ладятъ самострѣлы отъ хвори», отчитываютъ больное дитя наговорами, поятъ «надобьями» и помогаютъ чѣмъ могутъ. Признательная мать въ свою очередь бѣжитъ на зовъ сосѣдки, когда ту посѣтитъ такое же злосчастье.

Обмѣнъ взаимныхъ услугъ тутъ круговой, безпрерывный. Женскій элементъ принимаетъ въ немъ сердечно-первенствующее участіе. Не отрицая существованія въ крестьянахъ-сибирякахъ знаній по народной медицинѣ и лѣкарственныхъ средствъ, можно сказать утвердительно, что они обстоятельнѣе и многостороннѣе въ крестьянкахъ-сибирячкахъ; что послѣднія служатъ главными распространителями этихъ знаній, какъ можетъ многаго другаго, являющагося продуктомъ творчества народнаго духа.

Въ этомъ отношеніи Ужуръ,—село и сосредоточіе волости,—занимаетъ довольно выгодную позицію. Наѣзды деревенскихъ постоянны. Въ центръ волости охотнѣе выдаютъ и выходятъ замужъ. Въ немъ самомъ до 1.500 душъ жителей. Кругъ ихъ знакомствъ и родственныхъ связей распространяется на всѣ составныя части волости и далеко переходятъ за предѣлы ея. Больше соприкосновеній людскихъ,—больше совершается заимствованій. Ужуръ можетъ стать выразителемъ общаго уровня знаній крестьянъ всей волости по части народнаго врачеванія самихъ себя «своимъ средствамъ».

Несомнѣнно, въ составъ «Матеріаловъ» и «Сборника» вошла лишь минимальная доля народныхъ «средствовъ». Еще болѣе значительная часть ихъ притаилась по уголкамъ разныхъ деревнюшекъ Ачинскаго округа и осталась дѣйствовать на свободѣ, ожидая своего изслѣдователя, который современемъ обнаружитъ ихъ присутствіе. Тогда еще разъ, но уже съ лучшей полнотой, освѣтится грустная картина самобытнаго врачеванія народомъ своихъ «болѣстей». По многимъ причинамъ оно сложилось изъ смѣси суевѣрій и грубо-примитивныхъ пріемовъ лѣченій съ разумными можетъ быть и цѣлесообразными медицинскими средствами. Раздаваясь, однако, неумѣлыми руками, безъ научныхъ знаній людьми, эти «надобья» нерѣдко калѣчатъ внѣшне, отравляютъ внутренне людскіе организмы и доводятъ подчасъ до преждевременной смерти.

Но, пока крестьянское населеніе Сибири въ медицинскомъ отношеніи будетъ предоставлено самому себѣ, до тѣхъ поръ оно неизбѣжно станетъ прибѣгать къ помощи «своихъ средствовъ».

Отсутствіе строго раціональнаго содѣйствія въ этой сферѣ, съ одной стороны, и предъявляющееся требованіе на него, съ другой, — вотъ условія, которыя создаютъ типы лѣкарокъ, знахарей и т. п. «знаткихъ людей» со всѣми аттрибутами ихъ «пользованій», и заставляютъ непросвѣщенный народъ искать и лѣчиться у нихъ.

Не преслѣдованіямъ въ законномъ порядкѣ подвергать «знаткихъ людей» за ихъ непатентованную, анти-медицинскую практику; не осужденія достоинъ поголовно весь народъ, въ частности сибирякъ-ужурецъ, за свое нежеланіе лѣчиться у фельдшеровъ; не ограничиваться должно однимъ сельскимъ врачемъ, который съ 5—6 фельдшерами и такимъ же числомъ 50-ти рублевыхъ сельскихъ аптечекъ, понятно, не въ со-

[1]) «Сонъ Макара», В. Короленко.

стояніи развить подобнаго желанія въ населеніи, разбросанномъ на огромномъ пространствѣ, на какомъ, допустимъ, протянулся Ачинскій округъ. Нужны въ избыткѣ медикаменты и все прочее, компетентными людьми признаваемое неотложно необходимымъ. Нужны для врачебной помощи десятки, сотни рукъ представителей науки съ истинными знаніями медицины, съ любовью къ своей профессіи, сердечно-мягкихъ и обходительныхъ съ людьми.

Если «Матеріалы» Ужурской волости, въ совокупности съ другими подобными, пробудятъ въ комъ искреннее желаніе послужить народу на этомъ высокомъ поприщѣ; если въ частныхъ общественныхъ учрежденіяхъ и въ отдѣльныхъ личностяхъ вызовутъ сочувствіе къ безцѣльно погибающему меньшему брату, какое проявлялось тѣми и другими въ періодъ народной голодовки 1891—92 гг., и въ частности выражается фактически въ отношеніи русскаго переселенца, — то они выполнятъ только свое назначеніе.

Составленіемъ «Матеріаловъ» занимался самъ народъ въ лицѣ отмѣченной ниже группы своихъ представителей. Онъ самъ рисуетъ одну изъ сторонъ своей жизни, крайне неудовлетворительно обставленную съ медицинской точки зрѣнія; онъ указываетъ и средства, какими старается поддержать свое здоровье въ моментахъ его разстройства.

Содержаніе «Матеріаловъ» и «Сборника» народно и составляетъ печальное достояніе народа.

Въ ряду группы лицъ, вложившихъ въ предлагаемый трудъ свою посильную лепту, первое мѣсто занимаетъ семейство ужурскаго крестьянина Сидора Андреевича Ананьина, извѣстное больше подъ названіемъ «Сидоровыхъ». Оно первымъ дало общія указанія о болѣзняхъ и способахъ врачеванія, практикуемаго въ крестьянскомъ быту. Все, что узнавалось впослѣдствіи отъ другихъ, вполнѣ свѣдущихъ лѣкарокъ и повитухъ, было въ большинствѣ случаевъ дополненіемъ и подтвержденіемъ свѣдѣній, полученныхъ отъ этого семейства.

Отдѣлы: «Народное акушерство» и «Народное кормленіе грудныхъ дѣтей»— представляютъ собой подлинныя сообщенія лѣкарки Александры Аѳанасьевны Ананьиной. Ей принадлежитъ большая часть имѣющихся «наговоровъ».

Многое сообщено: лѣкаркой Александрой Дмитріевной Трофимовой, — уроженкой Курской губ., живущей въ Ужурѣ 18 лѣтъ; бабушкой-повитухой Палагеей Васильевной Ананьиной (†),—уроженкой д. Темри, Шарыповской вол.; Хевроніей Лукишной Ананьиной,—уроженкой с. Подсосны, Назаровской вол.,— пользующейся на всю волость извѣстностью искусной бабки-повитухи; повитухой Лукерьей Самсоновной Кокориной,—уроженкой Тобольской губ.,— извѣстной преимущественно подъ именемъ «бабушки-Демихи».

Нѣкоторые изъ «наговоровъ» сказаны: ужурскимъ кр. Осипомъ В. Клейменовымъ и его женой Анастасіей Алексѣевной, Анной Данильевной, Натальей Сидоровной и Прасковьей Сидоровной Ананьиными, крестьяниномъ Борисомъ Ефимовичемъ и поселенцемъ Василіемъ, по уличному «Бормота».

Отвѣты на вопросы объ употребленіи нѣкоторыхъ лѣкарственныхъ травъ присланы крестьянскимъ сыномъ (13 л.) Лукою Захарьевичемъ Боровыхъ, уроженцемъ д. Чернавки, Ужурск. вол.

Вообще же въ составленіи гербарія лѣкарственныхъ растеній [1]) и въ дѣлѣ прочихъ лѣчебныхъ средствъ—принимали живое участіе словомъ и дѣломъ всѣ поименованныя выше лица и многія другія, содѣйствіе которыхъ въ общемъ сводѣ «Матеріаловъ» и «Сборника» тянется красною нитью. Это пособничество, надо замѣтить, дѣлалось вполнѣ сознательно и потому безкорыстно, исключительно ради одного сочувствія къ самому предмету.

---

[1]) Переданъ «Обществу Врачей Енисейской губерніи».

Нельзя не упомянуть въ то же время о моемъ товарищѣ Александрѣ Михѣевичѣ Новиковѣ, уроженцѣ Харьковской губерніи. Будучи ветеринаромъ четвертаго курса Дерптскаго Ветер. Института, онъ обладалъ медицинскими знаніями и занимался, живя въ Ужурѣ, вольной практикой, лѣча безвозмездно обращавшихся къ нему за помощью. Уѣзжая на родину въ 1892 г., онъ оставилъ мнѣ съ десятокъ лѣкарственныхъ травъ и совѣтъ: узнать ихъ наименованія и случаи, въ какихъ ими пользуются. Это и послужило фундаментомъ для нынѣшнихъ «Матеріаловъ». Съ того времени, вплоть до осени 1894 г., шло почти безостановочное собираніе ихъ.

Въ заключеніи приношу глубочайшую благодарность Николаю Михайловичу Мартьянову за труды по опредѣленію собранныхъ лѣкарственныхъ растеній и за массу цѣнныхъ указаній, служившихъ руководящимъ началомъ при группировкѣ данныхъ «Сборника». Послѣдній редактированъ Николаемъ Михайловичемъ вмѣстѣ съ д-мъ В. М. Крутовскимъ.

Особой признательностью я обязанъ отозваться на услуги Ивана Поликарповича Каменскаго, оказанныя имъ при перепискѣ моихъ рукописей.

Мое участіе въ общей работѣ составленія «Матеріаловъ» чисто случайное. Моя роль въ ней была ролью рядового стенографа, заносящаго на страницы памятной книжки картинки живой дѣйствительности, реальныя повѣствованія живыхъ людей. Я старался не видоизмѣнять слышанные пересказы и удерживалъ, по возможности, форму изложенія, мѣстныя особенности терминологіи и техническія выраженія народнаго говора, составляемую неотъемлемую принадлежность главныхъ составителей «Матеріаловъ».

Правда, мѣстами я рѣшался вставить свое слово, высказать свой взглядъ на тотъ или другой родъ болѣзней и сближалъ кажущіяся на видъ различія ихъ, а нѣкоторымъ отдѣламъ «Матеріаловъ» придавалъ свое освѣщеніе,—но дѣлалъ это въ предѣлахъ возможнаго для себя пониманія и уступая лишь жгучей серьезности постепенно выдвигавшихся на очередь вопросовъ общаго характера. Пусть послѣднее послужитъ мнѣ маленькимъ оправданіемъ тамъ, гдѣ покажется, что я брался не за свое дѣло, или невѣрно судилъ и ограничивался наивными объясненіями, нисколько не аргументируя ихъ ссылками на готовыя положенія и законченные выводы, даваемые авторами изслѣдованій по предметамъ народной медицины и общественной психологіи. Исключительныя условія, среди которыхъ я собиралъ «Матеріалы» и занимался ихъ обработкой, отняли у меня эту возможность,—я лишенъ въ послѣднее время даже книжныхъ пособій.—Мнѣ остается надѣяться, что авторы, которыхъ, словно, я игнорирую при своихъ попыткахъ критическаго разбора нѣкоторой доли доставленныхъ мнѣ «Матеріаловъ», повѣрятъ моему признанію въ этомъ случаѣ, что они, вмѣстѣ съ учеными обществами медиковъ, обратятъ вниманіе на драгоцѣнный даръ ужурцевъ, и своими знаніями прольютъ свѣтъ на темныя мѣста, встрѣчающіяся въ «Матеріалахъ» и моихъ къ нимъ поясненіяхъ; что укажутся ими точныя и вѣрныя средства, въ связи съ которыми вопросъ о гарантіи здоровья сибиряковъ возможно было бы перевести на практическую почву въ такомъ смыслѣ, чтобы дѣятельность будущаго увеличеннаго состава сельскихъ врачей и фельдшеровъ въ Сибири была бы болѣе продуктивной и давала бы положительные результаты. — И нужно скорѣе итти на помощь къ сибиряку. Это мое единственно основное желаніе, на измѣненіе котораго я не соглашусь и признаю независимымъ отъ противоположнаго увѣренія.

Алексѣй Макаренко.

С. Казачинское, Енисейскаго округа.
Ноября 23 дня, 1894 года.

ОТДѢЛЪ I.

Общія болѣзни.

I. Разрядъ ходячихъ болѣзней.

Болѣсть приключается не только отъ простуды и т. п. или отъ худаго глаза, озѣва и проч., но и оттого, что человѣкъ можетъ ее стрѣтить (встрѣтить).

Ужурская волость.

Къ разряду ходячихъ болѣзней, какія, встрѣтившись съ человѣкомъ или животнымъ, наносятъ вредъ ихъ здоровью, вышецитированное мнѣніе относитъ: кумушку (лихорадку), чуму на рогатый скотъ и новую гостью—холеру, которая впервые, кажется, посѣтила данную волость въ 1892 г., и можетъ статься еще какія нибудь другія.

1. **Кумушка.** Воображеніе крестьянъ, несвободное отъ различнаго рода суевѣрій, представляетъ себѣ кумушку живымъ существомъ, надѣленнымъ непонятною сверхъестественною силой. Въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ она, одинаково съ чумой и холерой, становится видимой, принимая на себя личину женщины, сразу бросающейся въ глаза плохой одеженкой и старческимъ безобразіемъ лица. Внѣшнее безобразіе есть только оболочка того внутренняго ненасытнаго зла и неукротимой ненависти, какими полна кумушка по отношенію людей. Мучить и медленно изводить это племя—составляетъ ея единственное занятіе; созерцаніе человѣческихъ страданій и смерти, разносимыхъ кумушкой по землѣ, даетъ ей единственное наслажденіе. Въ обыденное же время кумушка носится по свѣту невидимою «стѣнью» (тѣнью) и сѣетъ свою пагубную порчу исподтишка, незамѣтно для «стрѣтившаго» ее, то «каждоденно» трясетъ его, то съ передышками — «поденно», то «западетъ въ грудь» или «ломитъ руки и ноги», то «ляжетъ на сердцѣ» (желудокъ) или «почнетъ въ голову стукать и обносить вокругъ, жечь пятки и тѣло», то «кинется въ поясницу»... «На двѣнадцать то манеровъ кумушка беретъ людей».

Кумушка каждоденна. «Что день трясти приматься, кидать въ ознобъ, то въ жаръ; теряшь выть (аппетитъ), худашь, слабѣшь».

Передъ тѣмъ, какъ кумушкѣ трясти, совѣтывается сѣсть на смирнаго коня и ѣхать въ поле. Не робѣй при этомъ. «Кумушка кинется въ погоню, станетъ бросаться на коня звѣремъ, ревѣть и всяко преставляться... Надо вытерпѣть, молча ѣхать,—тогда она броситъ».

«Отецъ мой, покойничекъ, хворалъ кумушкой семь лѣтъ. Вздумалъ спробовать это средство, сялъ на коня и поѣхалъ въ поле. Вотъ кумушка начни-ко шарашиться на коня и бить въ задъ, словно горохомъ, — какъ сказывалъ тятенька; конь испужался, бросился на болота и сбилъ сѣдока; отецъ упалъ на кочку и ушибъ грудь; чуть живой вернулся домой. Кумушка отстала... Но тятенька вскорѣ умеръ». Анна Дан. Ананьина.

Кромѣ того, отъ каждоденной кумушки прячутся подъ чанъ, или залазятъ въ печь: «вытерпишь, когда она будетъ душить тебя, ронять ли печь, или инымъ чѣмъ преставляться — броситъ».—Не даютъ ѣсть пищу, какой желается; наоборотъ «силой и съ руганью принуждаютъ ѣсть то, что не нравится больному. Н. и Пр. Ананьины.

Мавра Род. Ананьина водитъ больныхъ по зорямъ (на утренней и вечерней) на рѣку «до три-девять разъ» и послѣ наговоровъ заставляетъ почерпнуть ложку воды на рѣку до три—девяти разъ и, послѣ наговора, заставляетъ почерпнуть ложку воды и выпить: въ первый день—одну ложку, на другой—двѣ и т. д.

Иные пьютъ свою мочу. Стали обращаться также къ фельдшеру.

Кумушка поденна. Выражается въ симптомахъ одинаковыхъ съ припадками каждоденной кумушкой, но проявляется черезъ день-два и скорѣе можетъ быть отнесена къ перемежающейся лихорадкѣ. Лѣченіе тожественно съ предыдущими способами.

Ал. Аф. Ананьина и ея мать Хевронія Лук. совѣтуютъ пить настой травки № 160. Съ ними согласна на этотъ счетъ и Ал. Трофимова; она рекомендуетъ: «настоять въ чашечкѣ этой травы (сушеной) и дать испить больному, а немного травы навязать на крестъ и на ночь окурить ею; если это кумушка у него, то хвораго позоветъ на сонъ (иной сутки спитъ) и болѣсть какъ рукой снимитъ».

Кумушка на серцѣ. Она сказывается въ общемъ недомоганіи, безпрерывно-ежедневномъ давленіи, ощущаемомъ подъ ложечкой и едва замѣтномъ лихорадочномъ состояніи. Дѣйствіе ея скрытое, внутреннее и плохо различимое, но длительное и изнуряющее.—Опредѣлить и вывести ее наружу можно употребленіемъ внутрь навара сбора № 78: «послѣ перваго же пріема кумушка объявится и того разу почнетъ трясти».—утверждаетъ Пр. А—на.

При кумушкѣ на серцѣ лѣчатся главнымъ образомъ травами, такъ даютъ пить: навары №№ 17, 39, 67, 102, 113, 120 и 123; отвары №№ 103, 34, 172 и 176; настойки зелен. полыни, троелистки и горькой травы.

Н. А—на передавала, что ея сродный дѣдушка, Михѣй, хворалъ «кумушкой на серцѣ» почти два года и пришелъ въ окончательно безнадежное положеніе. Его дочь Анна Мих. (Мамизерова), по чьему-то совѣту, настояла на водкѣ горькой травы (съ бутылку всего) и нѣкоторое время поила ею отца; съ травы лучше стало ему... Теперь старикъ живъ-здоровъ, будучи 70 лѣтъ слишкомъ.

Считается полезнымъ пить настой травки изъ черныхъ бань или водку съ скипидаромъ. Снаружи смазываются мурашинымъ масломъ и капли двѣ-три принимаютъ внутрь.

Отъ двухъ лихорадокъ. Въ Ужурѣ только одинъ М. А—нъ, какъ утверждаютъ, лѣчитъ болѣе или менѣе успѣшно; онъ поитъ нав. травы № 106 и водитъ по зорямъ на рѣку для наговоровъ. Трава отъ двухъ лихорадокъ растетъ въ д. Soксѣ, откуда, вѣроятно, М. А—нъ и позаимствовалъ самый способъ лѣченія ею.

Отъ 12 кумушекъ. По свидѣтельству Д. Ожитковой, лѣчатъ наваромъ травы № 107; ее также вывозятъ изъ окрестностей д. Соксы.

Но чтобы крестьяне могли опредѣленно указать на то или другое лѣкарственное средство, которое бы навѣрняка дѣйствовало противъ кумушки вообще или хотя бы противъ одного изъ видовъ ея разнообразныхъ губительныхъ чаръ,—не приходилось слышать: «Кто ея знатъ, чѣмъ она возьметъ тебя», — обыкновенно говорится. И потому всѣ средства считаются хорошими отъ кумушки, лишь бы содержали въ себѣ хоть тѣнь увѣренности, что такой выпользовался тѣмъ-то, или она (кумушка) бросила отъ того-то. Такъ, кромѣ употребленія и примѣненія перечисленныхъ выше средствъ, отъ кумушки носятъ на бедрахъ кобылью перепонку, какъ говоритъ Ал. А—на; вяжутъ на крестъ, носимый на себѣ, воскъ страстныхъ свѣчей или змѣины выползки, чтобы «не знамо было для хвораго», — какъ передаетъ Надежда Ананьина; при первомъ громѣ, когда случится быть на дворѣ, берутъ горстку земли изъ подъ своей пятки и, смѣшавъ съ квасомъ, даютъ пить хворому, который о «мѣшанинѣ (смѣси) не долженъ знать, — кумушка броситъ»—Н. А—на; то же самое доводилось слышать отъ многихъ. При-

бѣгаютъ даже къ сильно дѣйствующимъ ядамъ, если не сами больные, то черезъ посредство лѣкарокъ, которыя даютъ ѣсть съ медомъ мышьякъ, и даже стрихнинъ подаютъ пить.

Въ Ужурѣ, напр., захворалъ кумушкой кр. Данило Ковтуровъ, молодыхъ еще лѣтъ и женатый. Хотѣлось мужику, какъ водится, скорѣе поправиться. Нашлась доброжелательная старушка, которая пообѣщала «поставить на ноги» согласно его желанію. Намѣшавъ въ питье чего-то «бѣлаго», подала больному; тотъ выпилъ и черезъ мгновеніе умеръ. Произвели дознаніе. Мужика анатомировали. Вскрытіе трупа констатировало присутствіе въ организмѣ стрихнина въ дозѣ, способной убить моментально и не такого богатыря.

2. Холера. 1892 годъ, когда холера посѣтила с. Ужуръ и его окрестныя деревни, представляетъ нѣкоторыя особенности даже въ сельско-хозяйственномъ отношеніи. Дружная, но сухая весна. Посѣвъ яровыхъ хлѣбовъ, начавшійся 29 апрѣля, сопровождался постояннымъ нордъ-вестомъ; вѣтеръ съ неудержимой силой схватывалъ и уносилъ самыя лучшія части съ засѣянныхъ полосъ; съ землей сметались и зерна; остальная ихъ часть, оставаясь на поверхности оголившимися, сохла и заглушалась сорными травами. Сѣнокосъ продолжался не болѣе трехъ недѣль. 20 іюля была первая помочь, на которой пшеница и овесъ жались въ одно время; рожь стояла въ суслонахъ, сжатая четырьмя днями ранѣе. Время жнитва самое необычайное по мѣсту; самый фактъ одновременнаго созрѣванія яровыхъ на ряду съ рожью признавался чрезвычайнымъ даже старѣйшими ужурянами; нѣкоторые только чуть помнили нѣчто сходное съ описаннымъ явленіемъ.

Температура трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ 1892 г. стояла на высотѣ maximum'а и давала въ среднемъ по Reaumur'у:

1892 г.	Утр.	Днемъ.	Вечер.	Средняя мѣсяч.
Іюнь	$+14{,}5$	$+23{,}06$	$+16{,}0$	$+18{,}1$
Іюль	$+10{,}5$	$+21{,}3$	$+14{,}5$	$+15{,}4$
Августъ	$+9{,}5$	$+16{,}1$	$+11{,}5$	$+12{,}4$

Поля и травы почти выгорѣли отъ палящаго зноя и засыхали отъ бездождицы. Народъ, работая въ полѣ, задыхался отъ жары и заливалъ свою неутолимую жажду ключевой водой и квасомъ. Среди дѣтей открылась диссентерія, принявшая эпидемическій характеръ съ отъѣздомъ матерей на полевыя работы и съ появленіемъ тучекъ и проч. зелени, служащей лакомствомъ для дѣтей и взрослыхъ. Цѣлыми десятками дѣтскіе гробики сносились на деревенскіе погосты.

Когда явилась холера, она нашла, такимъ образомъ, подходящія условія для своего внѣдренія и готовую пищу для своего всеубивающаго яда.

Населеніе было того мнѣнія, что холеру занесли въ Ужуръ переселенцы, которые то и дѣло проѣзжали черезъ село, направляясь въ Минусинскій окр. Изъ устъ въ уста передавались слухи, будто ѣдущіе, во избѣжаніе карантинныхъ задержекъ, не оказывали своихъ холерныхъ больныхъ, а умершихъ хоронили тайкомъ въ полѣ; что черезъ Ужуръ проѣхала партія переселенцевъ, имѣвшая въ своемъ обозѣ такого мертвеца[1]). Какъ бы тамъ ни было, но первые признаки несомнѣннаго присутствія

---

[1]) Въ этихъ слухахъ есть доля вѣроятія въ томъ отношеніи, что переселенцы, являясь изъ губерній, зараженныхъ холерной эпидеміей, могли служить разносителями ея заразы. На эту возможность указываетъ и Г. П. Еланцевъ въ своемъ «Обзорѣ холерной эпидеміи въ Томской губерніи за 1892 г.».

«Въ Маріинскій округъ, говоритъ г. Еланцевъ, холера пришла исключительно сухимъ путемъ изъ Томской губ., въ Маріинскѣ переселенцы сворачиваютъ на Старый Маріинско-Минусинскій трактъ и выходятъ въ Шарыповскую и Ужурскую волости».

Изъ доклада референта видно, заключаетъ оппонентъ докладчика, М. Г. Кругловъ, что холерная эпидемія занесена и распространялась по губерніямъ партіями переселенцевъ и главнымъ образомъ переселенцами» (стр. 78).

См. Протоколъ очередного засѣданія Томскаго общества естествоиспытателей и врачей—4 февр. 1893 г.

холеры уже обнаружились сначало въ Шарыповской волости, лежащей на пути Маріинско-Минусинскаго тракта, потомъ въ смежныхъ съ нею деревняхъ Ужурской волости, расположенныхъ по дорогѣ дальнѣйшаго слѣдованія переселенцевъ, и, наконецъ, разразилась холера въ самомъ Ужурѣ. «Больнаго схватятъ болѣтки, понесетъ словно изъ ведра, сведетъ нутро и руки судорогамъ, съ тѣмъ и помретъ»... «Неслыханная хворь»,—разсуждало крестьянство. Пока болѣзнь перебирала дѣтей и стариковъ, еще не особенно опасались, но когда она принялась мимоходомъ прихватывать молодыхъ и могутныхъ взрослыхъ, недоумѣніе готово было перейти въ панику [1])... Къ счастью гостья пришла сравнительно поздно—въ страду, закончившуюся ранними заморозками; послѣдніе въ нѣкоторой степени оказали естественное содѣйствіе усиліямъ людей, старавшихся о задержаніи дальнѣйшаго теченія холеры. Зимніе морозы, бывшіе одними изъ «лютыхъ», надо полагать, окончательно доконали ее [2]). Послѣдующіе 1893 и 1894 гг. прошли благополучно и ни чѣмъ не напомнили пережитую тяжелую годину 1892 г.

Для борьбы съ холерой по Ужурской волости командированъ былъ цѣлый санитарный отрядъ; въ его составѣ были: докторъ Вангродскій (изъ г. Красноярска), Ачинскій окруж. врачъ Наймаркъ и студентъ-медикъ Томск. унив. Смирновъ [3]); послѣдній оставался въ селѣ до самой осени для оказанія врачебной помощи жителямъ; ему помогали мѣстный фельдшеръ Петровъ, вольнонаемный Кравченко и политическій ссыльный Мельниковъ.

Получилось указаніе—держаться въ пищѣ установленной діеты; санитарными правилами предписывалось не задерживать воду въ рѣкахъ; спускать мельничные пруда; въ избахъ и подпольяхъ наблюдать чистоту; ограды и улицы подметать; изъ хлѣвовъ вывозить навозъ за село [4]) и мн. другое въ этомъ родѣ, чтò считается въ такихъ случаяхъ необходимымъ.

Тихо и сумно жилось на селѣ. Здоровое населеніе все почти выбралось на пашни, рѣдко выѣзжая домой, гдѣ оставались дѣти, старики и тѣ, кто занятъ былъ очисткой злачныхъ мѣстъ. По улицамъ села вездѣ сновали телѣги, нагруженныя навозомъ; изъ сорныхъ ямъ, выкопанныхъ въ дворахъ по приказанію, вылетало курево горѣвшей полыни и сѣры, похороннымъ фиміамомъ вившимся надъ зачумленнымъ селомъ... А жизнь шла своимъ чередомъ бокъ-о-бокъ съ человѣческими страданіями и смертью, выражаясь въ обычныхъ деревенскихъ занятіяхъ; отъ нихъ рабочій людъ отрывался лишь на время, чтобы свезти съ пашни домой захворавшаго члена семьи, или проводить его на кладбище.

Мнѣ самому пришлось подвергнуться дѣйствію ужурской холеры; я пролежалъ въ постели недѣлю. Противъ поноса г. Мельниковъ давалъ опій съ стрихниномъ, а отъ слабости валерьянку; г. Смирновъ прописалъ вн. опій съ валерьяномъ, сн. сухой

---

[1]) На 62 холерныхъ заболѣваній, имѣвшихъ мѣстомъ Ужуръ, приходилось 18 смертныхъ случаевъ, что на 1.500 ч. обоего пола составляетъ $1{,}_{07}$%.

[2]) Уже ноябрь далъ среднюю мѣсяч. — $13{,}_1$°.
Затѣмъ сред. мѣс.

Декабря	— $18{,}_5$
Января	— $17{,}_5$
Февраля	— 10

[3]) Умеръ, какъ извѣстно, въ 1894 г., отъ сыпнаго тифа, будучи уже докторомъ въ г. Ачинскѣ.

[4]) Изъ-за того, между прочимъ, Ужуръ едва не сдѣлался жертвою большаго несчастья. Было дозволено вывозимый навозъ сжигать. Въ одно утро поднялся страшный вѣтеръ, раздулъ тлѣвшій подъ навозомъ огонь, который, перебрасываясь съ кучи на кучи, пошелъ неуклонно на село съ юго-западной стороны; его сопровождалъ непроницаемой стѣной ѣдкій дымъ, въ которомъ задыхались люди и животныя. На пожаръ сбѣжались почти однѣ бабы, да старики съ ребятишками, такъ какъ все рабочее населеніе отсутствовало. Съ такими силами, при помощи одной пожарной машины, съ великимъ трудомъ удалось предотвратить грозившую опасность.

горчичникъ отъ колотья подъ ложечкой и согрѣвающій компрессъ отъ рѣзей въ желудкѣ [1]). По отзывамъ лѣчившимъ меня, то болѣзненное состояніе, какое найдено ими при діагнозѣ моей болѣзни и наблюдалось надъ другими подобными больными,—не составляло сущности холеры, а скорѣе было ея слабымъ отголоскомъ—холериной. Понятно, оттѣнокъ, вытекающій изъ научнаго опредѣленія этой болѣзни, для крестьянъ представлялся не суть важною частью. Въ ихъ памяти это явленіе навсегда сохранится подъ первоначальнымъ названіемъ — холеры, такой именно хвори, которая, «стрѣтясь» съ человѣкомъ, замучитъ и унесетъ его въ могилу, какъ унесла «вотъ тогда-то жену или брата такого-то»... И это непремѣнно будетъ добавляться къ разсказамъ о событіи 1892 г.

Кто-то шепнулъ и тотчасъ-же распространилось въ видѣ достовѣрнаго положенія, что «холера не прильнетъ, если пить перцеву настойку; и пили ее, конечно тѣ, кто имѣлъ на что покупать водку. Устинія Ананьина выпользовалась, когда хворала, сокомъ жалицы - малой, принимая его внутрь и натираясь, когда парилась въ банѣ; это «надобье» вошло затѣмъ во всеобщее почти употребленіе. У иного отлегло отъ «нутра» послѣ пріема ложки чистаго берез. дегтя или нѣсколькихъ капель купороснаго масла,—другой, слушая его увѣреніе, рѣшался испробовать пользу того и другаго на своемъ «нутрѣ». Кто нибудь замѣтилъ надъ собой, что тошнота прекратилась у него отъ употребленія головки чеснока, и другіе приходили къ заключенію, что надо его «исть»; и на самомъ дѣлѣ крестьяне возили чеснокъ съ собой на работы и ѣли натощакъ и за каждой пищей. Все это и прочее въ этомъ родѣ составляло своеобразный комплексъ «своихъ средствовъ», какими ополчился на непрошенную гостью задѣтый ею народъ. Совѣтъ докторовъ «не работать натощакъ», также скоро привился и выполнялся болѣе или менѣе строго.

3. Воспа (оспа). При эпидемическомъ характерѣ ея въ прежнее время принято было «звать воспу». Шли, бывало, съ ребятами къ сосѣдямъ, гдѣ лежали въ оспѣ и, обращаясь къ больнымъ, взывали:

«Воспа Воспиновна!—Пожалуйте къ намъ, будемъ пряникомъ кормить и виномъ поить»... Послѣ чего прикладывали дѣтей къ оспеннымъ.

«Вотъ она, матушка, и придетъ, бывало, такая, что ни глазъ, ни лица не видать станетъ»,—пояснила Пр. С. А—на.

Оспенныхъ признано парить въ банѣ, чтобы «оспа скорѣе назрѣвала». Если оспа стоитъ въ глазахъ, то поступаютъ такъ, какъ объяснено выше. (См. глаза). Оспенные струпья заживляются обыкновенно водкой и присыпкой пепла углей.

Оспопрививаніе въ Ужурской волости производилась Ачинскимъ сельскимъ врачемъ до 1888 г. Затѣмъ оно перешло въ завѣдываніе вольнонаемной оспопрививательницы, исполнявшей вмѣстѣ съ тѣмъ обязанности повивальной бабки [2]). Первой работницей на этомъ поприщѣ была М. Красовская, уроженка г. Ачинска. Ей довелось дебютировать въ своемъ званіи при очень неблагопріятныхъ условіяхъ. Предшествовавшій и существовавшій въ ея время сельск. медицин. персоналъ не пользовался благосклонностью сельскаго населенія за его нерадѣніе къ своимъ обязанностямъ и

---

[1]) Не лишено, мнѣ кажется, интереса обстоятельство, которое предшествовало моему заболѣванію. Отвѣчая услугой за услугу, мнѣ довелось пахать одному ужурцу пять дней подрядъ. Пахали спѣшно, по $^1/_2$ дес. на каждую соху приходилось ежедневно, когда немного болѣе; такъ, напр., пришлось въ одну упряжку вспахать по $6^1/_2$ загоновъ; обѣда на этотъ разъ не варилось; закусывали калачикомъ и запивали квасомъ, успѣвшимъ переболтаться за дорогу и перекиснуть отъ жары; вечеромъ ѣли щи съ жирной бараниной и запивали чаемъ, да тѣмъ же испорченнымъ квасомъ. Щи и квасъ были въ первый день работы и на другой день... Усиленный трудъ и короткій отдыхъ, вѣроятно, ослабили организмъ, а въ связи съ несоотвѣтствующей для того времени пищей подготовили его къ воспріятію холерной заразы.

[2]) «Письма изъ сибирской деревни» Карымова. «Вост. Обозр.» №№ 51—52, 1887 г.

олимпійское отношеніе къ приходящимъ больнымъ [1]). М. Красовскую встрѣтили холодность и невниманіе со стороны крестьянокъ; обходясь въ домашнемъ обиходѣ своими повитухами, онѣ не находили нужнымъ приглашать при родахъ «кушерку». М. К. удалось, однако, обходительностью и трудолюбіемъ побороть предубѣжденіе деревенскихъ бабъ противъ себя; когда она занялась, отказавшись отъ своей должности, вольной практикой, ее приглашали при родахъ чаще, нежели «казенную кушерку».

Неутѣшительные результаты получались и отъ оспопрививанія.

Требующійся для оспенныхъ прививокъ детритъ высылается въ Ужуръ Красноярской врач. управой черезъ посредство сельскаго врача. Гдѣ-то детритъ задерживается и доставляется оспопрививательницѣ обыкновенно несвоевременно и большею частью плохаго качества: онъ принимается только послѣ второй и третьей операціи. Въ общемъ прививка ведется неудачно; въ итогѣ имѣются однѣ «изрѣзанныя» рученки дѣтей, измученныхъ повторительными операціями; сердобольныя матеря перестаютъ носить ихъ для прививокъ и прячутся съ ними часто, когда заслышатъ подъ окошкомъ голосъ десятника, призывающаго ихъ идти съ дѣтьми на «дворянску къ воспаркѣ». Въ такихъ именно краскахъ изображаютъ дѣло оспопрививанія М. Красовская и ея замѣстительница Иконникова.

Не лучше происходило дѣло перевода оспенной лимфы «съ руки на руку», относительно котораго то и дѣло поступали строгія предписанія отъ сельскаго врача [2]).

---

[1]) Тѣ же письма «Вост. Обозр.» № 1887 г.

Изъ личныхъ воспоминаній я присовокуплю слѣдующее. Въ 1887 г., возвратясь съ товарищемъ Ю. Рыдзевскимъ изъ Ачинской тюрьмы, мы привезли съ собой въ Ужуръ «брюшной тифъ», захваченный нами въ тюремной больницѣ, гдѣ присматривали за проѣзжавшимъ товарищемъ, хворавшимъ этою болью. Рыдзевскій слегъ въ постель, а за нимъ и другой вскорѣ; и такъ какъ на одной квартиркѣ жило шесть человѣкъ, которые изъ чувства товарищества не хотѣли оставить безъ призора уже лежавшихъ въ тифѣ, то зараза перевалила и на остальныхъ. Всѣ шестеро перебывали поочередно на товарищескихъ койкахъ, находясь между жизнью и смертью. Сельскій врачъ, г. Наймаркъ, посѣтилъ нашихъ больныхъ, когда миновала послѣдняя опасность для ихъ жизни. На наше указаніе по поводу его халатности, выказанной имъ въ этомъ экстраординарномъ случаѣ г. Наймаркъ только и нашелся сказать: «Подавайте прошеніе въ небесную канцелярію»! Къ счастью ни одному изъ насъ не пришлось отправиться на небеса для заявленія справедливой претензіи на сельскаго врача; строго соблюдая мѣры предосторожности, мы «своимъ средствамъ» избавили себя отъ дурнаго исхода болѣзни и отчасти гарантировали остальное населеніе отъ возможнаго зараженія тифомъ.

Фельдшеръ Пшеловскій просилъ 10 руб. за извлеченіе иголки изъ руки жены ужурскаго кр. Д. Ефремова.

[2]) Въ 1890 г., напр., г. Наймаркъ посылаетъ М. Красовской два оригинальныя приказанія на этотъ счетъ. Вотъ они.

Ужурской повивальной бабкѣ.

Препровождая при семъ 15 трубокъ оспеннаго детрита, я предлагаю дать 2—3 трубки фельдшеру для практическихъ оспопрививаній съ прикомандированнымъ оспопрививателемъ, а съ остальнымъ детритомъ приступить къ усиленному оспопрививанію, дѣлая съемку оспенной лимфы на стеклахъ и сберегая такимъ образомъ оспенную лимфу, не имѣть повода къ отказу отъ оспопрививанія, что, по моему мнѣнію, равносильно отказу отъ прямыхъ служебныхъ своихъ обязанностей. Кромѣ того, увѣдомить меня о доброкачественности детрита.

Ачинскій окружн. сельск. врачъ Наймаркъ.

PS. Детритъ долженъ сохраняться въ холодномъ мѣстѣ.

Наймаркъ.

Спустя время г. Наймаркъ обращается къ М. Красовской съ другимъ отношеніемъ.

Ужурской повивальной бабкѣ.

Предлагаю Вамъ выдать подателю сего оспопрививателю Кизыльской думы Шушеначеву одну трубку свѣжаго детрита и на всякій случай пару стеколъ съ матеріей хорошей.

Ачин. окружн. врачъ Наймаркъ.

(Предполагая, что повив. бабка запаслась такими стеклами).

Насколько бываетъ ошибочнымъ предположеніе, что снятая на стекла оспен. матерія можетъ быть «хорошей», даетъ понять слѣдующій фактъ, имѣвшійся въ практикѣ повивальной бабки Иконниковой. Правила это она лимфу детрита ребенку съ виду вполнѣ здоровенькому; отъ него оспенную матерію перевела другимъ четверымъ дѣтямъ, и, о ужасъ! на ихъ тѣльцахъ выступила «подозрительная» сыпь. Иконникова полагала, что дѣтямъ такимъ путемъ переданъ былъ ядъ сифилиса, находившійся въ первомъ ребенкѣ, можетъ быть, въ скрытомъ состояніи. Дѣтей лѣчилъ мѣстный фельдшеръ.

На неудобства и печальныя послѣдствія прививки оспы «съ руки на руку» указывали неоднократно врачу обѣ повивальныя бабки. Иконникова помимо того спрашивала на этотъ счетъ мнѣніе у инспектора Красноярской врачеб. управы г. Рачковскаго, посѣтившаго Ужуръ въ 1893 году. Инспекторъ отозвался по этому поводу отрицательно, признавъ всю нераціональность системы прививки оспы съ руки на руку. Сельской врачъ продолжаетъ настаивать, чтобы оспари не отступали отъ этой устарѣлой системы, усматривая въ разумномъ возраженіи своихъ подчиненныхъ преднамѣреный отказъ отъ оспопрививанія, равносильный, по его мнѣнію, «отказу отъ прямыхъ служебныхъ своихъ обязанностей». — Иконникова вынуждена продолжать прививку съ руки на руку и служитъ невольной, но дѣятельной распространительницей заразы среди «малыхъ сихъ».

Не понятными ли станутъ поэтому тѣ причины, какія заставляютъ крестьянство до сихъ поръ придерживаться довольно часто стариннаго обычая звать къ себѣ въ гости «Воспу Воспиновну», рѣшаясь имѣть дѣтей своихъ зараженными дѣйствительной, но чистой оспой, а не съ примѣсью посторонней еще боли?

Примѣчаніе. При этомъ не слѣдуетъ забывать, что Сибирь до сихъ поръ не имѣетъ земскихъ учрежденій и земской врачебной организаціи. Здѣсь все остается по старинкѣ и на цѣлый округъ, напр. Ачинскій, равный въ пространственномъ отношеніи 51.177 квадр. вер., полагается всего одинъ сельскій врачъ и въ помощь ему три фельдшера. Въ округѣ нѣтъ ни пріемныхъ покоевъ, нѣтъ аптекъ и положительно нѣтъ никакой организованной врачебной помощи населенію, которое въ этомъ отношеніи предоставлено само себѣ.

Тоже самое и съ оспопрививаніемъ. Во всей огромной Енисейской губ. нѣтъ оспопрививательнаго заведенія. Приходится добывать детритъ то изъ Иркутска за 1000 верстъ, то изъ Петербурга или откуда-нибудь изъ Россіи.

Время отъ время дѣлаютъ попытки доморощеннаго добыванія детрита въ г. Красноярскѣ городовой врачъ и аптекарь П. С. Смирновъ, но такъ какъ ими это дѣло ведется побочно, между прочимъ, то и детритъ ихъ постигаетъ полная неудача, очень часто онъ никуда не годится. Продаютъ свой детритъ вышеназванные господа крайне дорого: по одному руб. трубочка на 10—20 прививтій, которая въ Россіи стоитъ 20—25 коп.

Организація оспопрививанія тоже очень примитивна. На каждый округъ, а въ округѣ на каждыя двѣ волости крестьяне изъ своей среды выбираютъ одного оспенника, часто не имѣющаго къ своему будущему занятію рѣшительно никакой склонности и никакого желанія. Выбираемые часто откупаются передъ обществомъ водкой. Окончательно выбранный поступаетъ въ обученіе къ ближайшему старому оспеннику и изучаетъ у него технику оспопрививанія, какъ офиціально считается, подъ наблюденіемъ окружнаго сельскаго врача, который на самомъ дѣлѣ едва ли когда видитъ этого ученика. Затѣмъ, обучившись ремеслу достаточно, молодой оспопрививатель приступаетъ къ своимъ занятіямъ самостоятельно. Такой волостной оспенникъ получаетъ отъ казны жалованья 25 руб. въ годъ и само собою понятно не можетъ съ семьей просуществовать на это содержаніе, а принужденъ изыскивать себѣ пропитаніе побочнымъ трудомъ. Обыкновенно онъ остается тѣмъ же крестьяниномъ, кѣмъ былъ и

раньше, и также ведетъ крестьянское хозяйство, а занимается оспопрививаніемъ въ свободное отъ крестьянскихъ работъ время.

Изъ всего вышеизложеннаго можно себѣ составить понятіе, какъ идетъ въ Сибири оспопрививаніе, и не удивительно поэтому, что къ 100 лѣтнему юбилею Дженнера въ Сибири не превращаются эпидеміи оспы, наблюдающіяся безпрестанно, какъ въ городахъ, такъ и въ деревняхъ, обезображивающихъ и уносящихъ массу жертвъ.

В. К.

За недостаткомъ матеріала приходится на этомъ закончить перечень «болѣстей», которыя приключаются отъ того, что можно ихъ «стрѣтить».—Далѣе слѣдуетъ изложеженіе обыкновенныхъ болѣзней въ алфавитномъ порядкѣ.

II. Разрядъ обыкновенныхъ болѣзней.

4. Банная притка. Случайныя заболѣванія послѣ того, какъ помоешься въ банѣ. Ихъ насчитывается, кажется, не менѣе сорока. Всему причиной банная вода (ополоски послѣ моющихся въ банѣ); отъ нея «ни съ чего пойдутъ по тѣлу чиреи, возмется зудъ или высыпитъ сыпь,—приключится банна притка»; эта вода признается вредной также и въ другомъ отношеніи: если есть на тѣлѣ, говорятъ, царапина. вередъ, ранка ли — лучше не ходи въ баню, а будешь мыться, завяжи тряпичкой, иначе «банна вода зальется, раздразнитъ ранку, она возьмется дурью и не скоро залѣчится».

Ал. Ананьина лѣчитъ отъ банной притки наговоромъ № 8. — Сорокоприточная трава, какъ наружное, признается общепринятымъ средствомъ отъ банной притки; изъ нея дѣлаютъ припарки, или прикладываютъ только листочки, облитые предварительно теплой водой.

5. Безсонница. Отъ нее «глядятся въ воду»: нальютъ въ ковшъ или въ чашку воды и смотрятъ въ нее, потомъ немного отопьютъ, остальное выплескиваютъ черезъ плечо. «Смотрятся» также въ деготь, только не пьютъ его. «Получишь сонъ» отъ питья отвара дурмана или маковыхъ головокъ.

6. Боль въ носу и болячки. Если болитъ въ носу отъ «насмоки», мажутъ свѣчнымъ саломъ; при болячкѣ въ носу, напр., отъ «опасной боли» садятся надъ киноварью (см. опасн. боль) А. А—на.

7. Боль поясницы. Отъ жатья, если случается, то пьютъ настойку или отваръ утина, а то затыкаютъ за гасникъ селименки (Сборн. отд. III, № 8).

8. Болѣзнь сердца. Бываетъ у иныхъ, но лѣчить не умѣютъ.

9. Болѣтки. Ими опредѣляются болѣзненныя схватки, ощущаемыя въ внутренностяхъ человѣка: «болѣтки подкатываются къ серцу — при давленьи на серцѣ», поносахъ и др. желудочныхъ и кишечныхъ боляхъ; болѣтки осязательными бываютъ на «нутрѣ» при надсадѣ и натугѣ; у женщинъ, кромѣ того,—послѣ дурнаго исхода родинъ и при многихъ другихъ болѣзненныхъ состояніяхъ, съ которыми связано всегда лѣченіе болѣтковъ (см. нутро).

10. Бородавки. Надо запомнить, говорятъ, какая изъ нихъ появилась первой, отъ нея сосчитать остальныя и навязать столько же узелковъ на суровой ниткѣ; ее зарываютъ въ землю (въ колодезь бросаютъ—Харьк. губ.)—нитка сгніетъ, и бородавки пропадутъ. С. Ужуръ и др. мѣста.

Кусочкомъ сыраго мяса трутъ о бородавки, а потомъ кладутъ подъ квасницу: сгніетъ—бододавки исчезнутъ.

Выжигаютъ острой водкой и горюч. сѣрой.

11. Бредъ. «Разговариватъ-ли человѣкъ во снѣ, когда ему преставлятся чево—очурають только: что ты, молъ, Богъ съ тобой!»

Ребятишекъ носятъ на зорю и наговариваютъ какъ бы отъ урока».

12. Видѣнья. Происходятъ отъ порчи, какъ думаютъ. Надо непремѣнно обратиться за совѣтомъ къ лѣкаркѣ.

13. Волосъ. Этотъ родъ болѣзни трудно опредѣлимъ въ своихъ признакахъ. Передаю, что слышалъ о ней. Соображенія же о возможной связи волоса съ «костяной грыжей» см. выше, гдѣ говорится о костяхъ.

Волосъ подраздѣляется на «сухой волосъ» и «мокрый волосъ». Вотъ что говорятъ о сухомъ волосѣ.

a) Сухой волосъ. При немъ по за кожей ходятъ колики, и кости ноютъ; особенно къ непогодѣ это нытье усиливается до того, что «терпѣнья нѣтъ»; больной лежитъ въ постели. Сухой волосъ поддается лѣченію довольно трудно.

Противъ этого недуга лѣкарки употребляютъ мазь № 64; ею натираютъ тѣло и даже голову больнаго не менѣе 3 разъ. Натиран.е производится въ теплой избѣ, надъ паромъ мелкоизрубленнаго картофля, который нагрѣвается въ кадочкѣ горячими камнями; можно натираться и на печи, а лучше всего въ банѣ (въ сухомъ пару). Черезъ три дня послѣ натиранья больныхъ моютъ въ банѣ, но безъ мыла; имъ подаютъ водку съ сулемой.

Послѣ перваго же натиранія тѣло больнаго покрывается сыпью; у него обнаруживается острый поносъ, который длится день-два и признается за вѣрный признакъ скораго выздоравленія: «не будетъ чистить (поноса), не жди польги» — говорится на этотъ счетъ; больной приходитъ въ невѣроятное разслабленіе; онъ теряетъ выть (аппетитъ) и почти ничего не ѣстъ. Но затѣмъ наступаетъ поворотъ болѣзни къ лучшему, и больной ощущаетъ общее облегченіе. «Не будетъ его, продолжаютъ натиранье мазью до 6 разъ... Не поможетъ — пробуютъ пить дорогую траву... Не поможетъ и это—не знаю ужъ, что дѣлать». Н. А—на.

Больному назначается прѣсная ѣда — калачики и сусло съ толокномъ; чай и отварная вода—единственное его питье. Выполнивъ въ строгости предписанія лѣкарки, больной иногда выздоравливаетъ окончательно.

b) Мокрый волосъ. Сопровождается всегда злокачественными провалами, образующимися всего чаще у колѣнной чашечки или на шеѣ; иногда ими поражаются и персты (пальцы отъ сильнаго удара).

Желая опредѣлить, волосъ ли это, прикладываютъ къ язвѣ лепешку бѣлаго воска; по снятіи, при волосѣ, на ней должны остаться красненькія прожилки, весьма схожія съ «головнымъ-то ровно волосомъ».

Самый простой способъ лѣченія мокраго волоса таковъ: когда домашніе уснутъ, черезъ заранѣе приготовленное сито, перевернутое вверхъ полотномъ, просѣваетъ больной немного золы и распускаетъ въ тепленькой водѣ; этимъ щелокомъ обливаются затѣмъ язвы волоса черезъ богородскую траву (малую) или черезъ припасенные пучки пустыхъ колосьевъ, связанныхъ вмѣстѣ по 3 на 9 въ каждомъ.

c) Случаи образованія мокр. волоса. Крестьянинъ д. Яги, Ужур. вол. походилъ осенью по болотамъ и озерамъ, охотясь на утокъ; черезъ день-два у него нога одеревенѣла и опухла; стала слышна ломота; вскорѣ подъ самымъ изгибомъ колѣна открылась язва. — Къ ней прикладывались внутренности разорваннаго щенка. Поправился мужикъ, но ходить могъ только съ помощью костыля.

У бабы с. Бѣлошапкина (Корнилово), Ужур. вол., вскрылся на икрицѣ ноги мокрый волосъ. Пила водку съ сулемой сначала по $^1/_2$ рюмки потомъ по цѣлой; язву окуривала киноварью: отъ 6 до 12 разъ «садятся» надъ куревомъ и столько же разъ подаютъ настойки, конечно не въ одинъ пріемъ. Баба вылѣчилась. Но, вотъ весной мыла она полъ въ избѣ и простудилась; язва снова открылась. Лѣчилась по предыдущему порядку. Она ходила въ это время, между прочимъ, беременной; вскорѣ принесла дѣвочку, не имѣвшую, какъ утверждали, кожицы, полагаютъ, будто вводимая

внутрь сулема разрушила наружный покровъ тѣльца дѣвочки; она не выжила и году—умерла.

Въ томъ же селѣ былъ другой случай. У дѣвочки пришибло дверью палецъ руки; онъ «взялся» мокр. волосомъ; на ущемленное мѣсто прикладывались капустные листья съ острой водкой, и тѣмъ было пріостановлено дальнѣйшее развитіе волоса.

Жители с. Бѣлошапкина, занимаясь на своемъ озерѣ рыбнымъ промысломъ, чаще другихъ подвержены простудѣ; мокрый волосъ тамъ весьма распространенная болѣзнь—говоритъ Н. А—на.

Въ Ужурѣ баба проткнула о гвоздь палецъ ноги; не побереглась и засорила ранку; на пальцѣ образовался мокр. волосъ. Вылѣчила ее лѣкарка изъ Больше-Имышенскаго села.

Въ заключеніе привожу дословный разсказъ объ интересномъ случаѣ сухаго волоса, переданный Н. С. Ананьиной, которая имѣла возможность наблюдать его на своей матери, умершей отъ волоса.

...«Имъ (сух. волосомъ) хворала покойна головушка, наша матушка. Простуда вѣрно въ кости зашла. Недостатки были по домашности. Матушка все-то и хлопотала. Ѣздила часто по зимамъ въ татары [1]), возила на продажу муку либо чево друго. И стужи и неногодь доводилось терпѣть ей сердешной. Долго ли простыть?..

Лѣтъ за пять, какъ слечь ей совсѣмъ въ постель, бывало не разъ, что вдругъ кольнетъ ей въ руку или ногу и сведетъ,.. дня два не владать имя, лежитъ все. Позовешь, бывало, кого изъ шептухъ; лѣчитъ она матушку; а то безъ нее обойдешься другой разъ: возмешь, перевяжишь руки и ноги конскимъ волосомъ, чтобы самый-то волосъ не бѣгалъ по тѣлу и растирашь ихъ медвѣжьимъ саломъ, — боль пріоддастъ; матушка подымется на ноги и работать почнетъ. А въ послѣдній разъ пріѣхала-то домой съ пашни, стала отварять ворота, ей ткнуло въ колѣно такъ-то больно, что не могла итти; ее втащили уже въ избу. Съ этого дня она больше не вставала съ постели.

Начали мы поить матушку дорогой травой; выпоили полштофа; ломота унялась отъ нея; только по тѣлу пошла кака-то сыпь. Настойка вышла — поить перестали; сыпь пропала, зато ломота возобновилась. Послѣ опять наставляли четверть на четверть — отпаивать принимались, но проку не было и легче не стало.—Натакали поставить пьявки, подъ каждое колѣно по пяти штукъ, чтобы вызвать мокрый волосъ (онъ легче сухаго). Поставили. Когда сняли пьявки, изъ ранокъ выползли каки-то чеврячки; собрали ихъ въ чашечку съ водой, они заплавали тамо-ка. Съ ними ѣздили въ д. Скрипачи (Шарип. вол.) и показывали тамошней лѣкаркѣ; она сказывала, что «эти чеврячки и есть самый волосъ». Упросили ее лѣчить матушку. Согласилась и поѣхала съ намъ. Живя у насъ, составила каку-то мазь, на видъ красновату и натирала ею матушку раза два (только въ лѣтню пору и можно натиранье это дѣлать,—говорила духтарка); велѣла исть прѣсно; взяла рубль и уѣхала.

Матушка не выдержала наказа: Христа-ради выпросила покушать рыбы (окуньковъ помню). Сварили шербицѣ и покормили ее,—ровно отъ нее пуще прежняго хуже стало: вовсе движенье отнялось; пришлось переворачивать съ боку на бокъ... Дня за два до смерти нога переломилась у самой ложки, когда матушку переворачивала я; она же и не почувствовала. Умерла спокойно.

Лѣтъ 7 — 8 хворала мамонька, не вставаючи съ постели. Изболѣла, иссохла вся, сердешная. И мы намаялись. Добра пролѣчили сколько — счету нѣтъ. Матушка особливо довѣрчива была ко мнѣ. Лѣкарку гдѣ позвать, — меня, бывало, посылала; мазь каку приготовить, — меня заставляла. Надобья, каки пьютъ, отвѣдывать всегда должна была я, потомъ уже пила матушка».

14. Вши. Моются наземной водой или своею сцяцой (мочей). — Я зналъ поселенца, который, выпарившись въ банѣ, обыкновенно мочилъ собственной мочей голову,

[1]) Къ инородцамъ ближайшей Кизыльской степ. думы.

руки и ноги и снова парился... Въ разговорѣ какъ-то онъ утверждалъ, что отъ этой процедуры у него не болитъ никогда голова и вшей не водится.

Площицы выводятся мазью № 57.

15. Глаза и ихъ болѣзни.

Бѣльма. Сгоняютъ водками №№ 85, 86. Н. А—на; — сахаромъ съ яичной скорлупой, жевками гвоздички покупной, листками черкасскаго табака и смѣсью груднаго молока съ крымзой. Ал. А—на и др.

Воспа стоитъ въ глазахъ. На водкѣ настаиваются оспенные струпья и этимъ настоемъ мажутъ глаза; это же дѣлаютъ и мурашинымъ масломъ. Н. А—на.

Чтобы оспа «не насыпалась въ глаза», очерчиваютъ глаза «желтымъ» (золот. или мѣднымъ) крестомъ, золотымъ кольцомъ или серьгой. Ал. А—на.

Засоренье (постороннія тѣла). Незначительное засоренье глазъ кончается обыкновенно тѣмъ, что соринку вытащатъ кончикомъ платка, рубахи или просто промоютъ глаза водой. Если попадетъ въ глазъ ось колоса хлѣба или что нибудь въ этомъ родѣ, то, испробовавъ домашнія средства, отправляются къ бабкѣ, умѣющей «искать языкомъ» сорины въ глазахъ; дѣлаетъ это она кончикомъ языка. Операція довольно «мягкая» и не производитъ почти никакой боли [1]). — Постороннія тѣла, взявшіяся пузыриками, освобождаютъ такимъ образомъ: выворотивъ вѣко, прыщики растираются мелкимъ сахаромъ или разрѣзаются листочками хмеля или порѣзной травы. Этимъ способомъ бабушка Хевронія извлекла осколокъ пистона, попавшій въ глазъ приказчика одного изъ мѣстныхъ торговцевъ.

Золотуха стоитъ въ глазахъ. Глаза гноятся, при этомъ и ломота ощущается. Даютъ внутрь навары №№ 133 и 143, 156; поятъ также синькой—чтобы отвлечь золотуху отъ глазъ, тогда она выходитъ ушами. Н. А—на:

Куриная слѣпота. При ней глаза промываются наваромъ травъ №№ 72 и 73, или дѣлаются изъ нихъ примочки.

Отекъ вѣкъ. Сопровождается краснотой глазъ; лѣчатъ очерчиваньями съ наговорами.

Отъ вѣтреннаго перелома. «Когда застудишь глаза», слѣдуетъ умываться мыломъ изъ медвѣжьяго сала — «шибко пособлятъ». Очерчиваютъ золотымъ кольцомъ съ наговоромъ и безъ него.

Повѣтренная боль. Принимаетъ часто эпидемическій характеръ, какъ было лѣтъ десять тому назадъ до 1891 г, и потомъ снова повторилась въ томъ же году.

Если нѣтъ ломоты, промываютъ глаза только чистой водой; иначе прикладываютъ выварки фамильнаго чая, дѣлаютъ примочки изъ навара шипишнаго цвѣта; бабки водятъ на рѣку для наговоровъ, послѣ чего промываютъ глаза рѣчной водой; при острыхъ рѣзахъ снаружи мажутъ и впускаютъ по чуточкѣ въ глазъ мазь № 52. Н. А—на.

Притупленіе зрѣнія. Состоитъ въ томъ, что дальніе предметы, на которые смотрятъ, теряютъ свои очертанія, такъ сказать, расплываются. Если это проходитъ отъ старчества, то нюхаютъ обыкновенно нюхательный табакъ; если отъ «давленья крови» бываетъ, то подпускаются пьявки — на лобъ три и по одной на виски. Як. К—нъ.

Рѣснички. Выворачиваютъ вѣко, и щетинки на немъ выдергиваются щипчиками Н. А-на.

Слезой болитъ. Глаза постоянно слезятся; они воспалены; вѣки нѣсколько припухлы и имѣютъ красноватые ободки вокругъ.

Лекарки очерчиваютъ глаза съ наговорами. Въ глаза впускаютъ водный ра-

---

[1]) Извлеченіе соринъ изъ глаза составляетъ особую спеціальность ужурск. лѣкарки «Сорочихи».

створъ крымзы—«слезу прогонятъ и зудъ изводитъ». Ал. А-на. Примѣняютъ также мазь № 52 также, какъ и при повѣтрен. боли.

Уколы и ушибы глазъ. При слабыхъ поврежденіяхъ глазъ прикладываютъ примочки изъ вина. Въ серьезныхъ случаяхъ обращаются къ фельдшеру.

Пр. Ананьина передала, между прочимъ, слѣдующее. Во время жатья ея сродный братъ, Тр. А-нъ укололъ селименой глазъ свой. «Посовѣтывали ему садиться надъ паромъ самовара; садился онъ сколько-то разъ—лучше стало; пожалуй совсѣмъ поправился бы глазъ,—обида отъ кумушекъ пришла, какъ говорится. Кто-то присовѣтывалъ, чтобы ускорить ходъ леченія, впускать въ глазъ порошекъ крымзы; это средство повредило глазъ: имъ теперь крестьянинъ ничего не видитъ.

Ячмень. Кольцомъ очерчивается и ячменя зерномъ; очертивъ, зерно бросаютъ въ горящую печь, а больнаго выпроваживаютъ передъ тѣмъ на улку (улицу), гдѣ онъ ждетъ, пока зерно сгоритъ. Кукишки ставятъ съ приговоромъ № 5.

---

16. Глухота. При временной глухотѣ, когда въ ухо попадаютъ постороннія тѣла, напр., заползетъ насѣкомое, ставятъ восковыя свѣчки и зажигаютъ ихъ—это «вычищатъ изъ уха». Н. А-на и Ал. Т-ва.

Когда во время купанья зальется вода въ уши, то закрывъ ладонями рукъ оба уха, качаютъ быстро головой изъ стороны въ сторону; а то съ закрытымъ однимъ ухомъ скачутъ на одной ногѣ, правой или лѣвой, смотря потому, изъ какого уха хотятъ вылить воду; иные, опершись о землю рукой, соотвѣтствующей залитому уху, придаютъ тѣлу вытянутое положеніе, свободной рукой закрываютъ ухо и стараются вертеть головой.

17. Головная боль. Въ обыкновенныхъ случаяхъ головной боли мочатъ голову уксусомъ, или вяжутъ къ ней листья капусты и гущу, то и другое «вытягиваютъ жаръ». Пьютъ также навары травъ №№ 9, 50, 69 и 163, настой арцы или наваръ бѣлой травы. При длительной головной ломотѣ, проистекающей отъ золотухи, волоса, опасной боли или вѣтреннаго перелома—пьютъ настойку дорогой травы; повязываютъ листья репея; кто «бестрашный», тотъ нюхаетъ киноварь чистую или съ нюхательнымъ табакомъ. Пол. А-на лѣчила съ наговоромъ № 10. Вообще отъ шума въ головѣ пьется наваръ адамовыхъ шляпокъ.

18. Горбъ растетъ. Правятъ бабушки и лѣкарки. Вотъ что разсказала старушка Дёмиха объ одномъ изъ случаевъ своей практики.

«У парнишка годочковъ трехъ, здѣсь же въ Ужурѣ, на спинкѣ наросла кака-то опухоль съ кулачье (кулакъ) величины. Одинъ сынокъ у родителевъ. Отецъ съ матерью горюютъ: «вотъ, молъ, будетъ нашъ сынокъ горбатенькимъ!..» Призвала меня. Сами плачутъ и просятъ полѣчить ихъ птенчика. Осмотрѣла его—опухоль така-то тверда, просто страсть глядѣть. «Ну молчи, говорю матери, вели мужику своему припасти черныхъ мурашей совсѣмъ — «съ гнѣздами». Привезъ отецъ мурашей. Склала я половину гнѣзда съ мурашами въ кадочку, котору поставила въ банѣ, полила теплой водой, опустила въ кадочку горячи каменья, а поверхъ на нее положила рѣденько дощечки. Парнишка утащила въ баню, завернула въ постилку, положила спинкой на дощечку и держала все надъ паромъ. На другой день держала парнишка надъ паромъ другой половины гнѣзда... И полегчало ему: опухоль размякла и разошлась... Видно на счастливаго напала ребеночка, мурашино масло такъ и заходило зорьками по водѣ.

Масло это было и дорого, не каждый разъ оно быватъ, когда лѣчить. Откуда берется, съ мурашей-ли или гнѣзда напрѣватъ, Богъ его знатъ?

Когда горбъ растетъ—поятъ также арцой.

19. Горловыя боли.

Когда голосъ перехватитъ. Пьютъ согрѣтое молоко. Лижутъ до трое копоть съ поваренки, выставляемой на первый дымъ, когда затопится печь. Трутся горломъ о заборъ печи [1]) Н. А-на.

Глотать больно. Лѣкарки очерчиваютъ горло сукомъ или брускомъ (съ наговоромъ № 11); пьютъ настой горлянки. Пол. А-на.

Отекъ глотки. Проходитъ отъ припарковъ изъ травы горлянки. Она же.

Хорошо обвязывать горло потной суконной онучей, снятой съ ноги. Сильв. Сабодашъ.

Свѣчное сало съ мыломъ на шерстяномъ чулкѣ привязывается къ горлу, или смазываютъ мозгами свиныхъ санковъ.

Изъязвленія горла. Злокачественныя изъязвленія прижигаются мазью № 66. Ал. А-на.

Нарывы въ горлѣ. Прижигаются растворомъ синяго купороса или ярью съ медомъ. Н. А-на.

Постороннія тѣла въ горлѣ. «Въ дыханіе попадетъ крошка хлѣба, либо мошка влетитъ—прокашляешься только». Въ горлѣ застрянетъ косточка, напр., чтобы вытолкать ее, «бьютъ по загорбку, либо отрясаютъ». Ужур. вол.

20. Грыжа.

Часто на предлагавшіеся вопросы объ употребленіи нѣкоторыхъ лѣкарственныхъ травъ, допустимъ волосянки, теплыжника, полевой ромашки и др., приходилось слышать отвѣты общаго характера, напр.: эта—отъ «грыжи», та—отъ «мужской и женской грыжи». Изъ дальнѣйшихъ разспросовъ постепенно выяснялось, что грыжа происходитъ отъ надсады—когда «пупъ сорвешь»; бываетъ также «бѣла грыжа» и «красна грыжа»; «грызетъ на нутрѣ» отъ «золотника», когда плодуха опустилась «или задня кишка выходитъ»; отъ «рѣзачки и хомута» грызетъ; случается, что «грызь» стоитъ въ костяхъ» (костяна грыжа), что «грызетъ пупокъ» у новорожденнаго и т. д. На основаніи собранныхъ отвѣтовъ, относящихся къ грыжѣ, можно придти, мнѣ кажется, къ такого рода заключенію:

1) Понятіе о грыжѣ существуетъ въ народѣ.

2) Подъ грыжею разумѣютъ, кромѣ извѣстныхъ случаевъ мѣстныхъ нарушеній строя внутренностей и выхода ихъ наружу отъ различныхъ внѣшнихъ причинъ, еще и всѣ тѣ виды болѣзненныхъ состояній «нутра», какія развиваются внутренне самостоятельнымъ путемъ и имѣютъ острое или длительное теченіе «грызущаго» свойства. Сюда относятся разнообразныя страданія желудка, кишекъ, половыхъ и мочевыхъ органовъ, пупка, кровеносныхъ венъ и костей.

3) Термины—«мужска грыжа» и «женска грыжа» говорятъ за то, что грыжѣ одинаково подвержены мужчины и женщины, что они болѣютъ въ равной степени сходными ея чертами, зависящими отъ тожественныхъ и основныхъ причинъ, напр., отъ надсады. и хомута точно также, какъ «костяна грыжа» поражаетъ кости тѣхъ и другихъ, безотносительно къ полу и возрасту. Но, кромѣ того, существуютъ роды грыжи, присущіе исключительно женскому полу и находящіеся въ зависимости отъ специфическихъ особенностей анатомическаго устройства и назначенія женскихъ половыхъ и мочевыхъ органовъ; сюда относятся—бѣлая и красная грыжа, рванины, страданія матки и т. п. до-родовыя и послѣ-родовыя заболѣванія у женщинъ нутра и половыхъ органовъ.

---

[1]) Верхняя боковая доска, что отъ двери, общаго забора, между которымъ сбивается изъ глины печь.

4) «Паховикъ», «грыжа пупка», «выходъ задней кишки» составляютъ спеціально дѣтскія болѣзни и относятся родителями къ «дѣтской грыжѣ».

Согласно отмѣченнымъ выше разновидностями грыжи, указаннымъ самимъ народомъ, можно установить ея общія подраздѣленія въ слѣдующемъ порядкѣ: a) общаго вида грыжу; b) женскую грыжу, и c) дѣтскую грыжу.

a) *Къ общаго вида грыжѣ относятся:*

Грыжа отъ надсады. (См. надсада). Какъ на одно изъ частныхъ проявленій надсадной грыжи указываютъ на килу, выпаденіе матки и т. д.

Кила. Передавали, что большинство бѣлошапкинскихъ крестьянъ «киласты»; кила среди нихъ, будто бы, является наслѣдственной (?). Наслѣдственная кила признается неизлѣчимой—съ нею такъ и умираютъ. При образованіи килы поятъ чичилибухой, наварами травъ №№ 16 и 45 и проч., что употребляется при болѣзняхъ «нутра».

Грыжа на ногахъ. Сначала прикладываютъ припарки изъ камчака. О «рваниннахъ» см. въ отд. жен. болѣзней

Костяная грыжа. (См. кости).

Хомутъ. По увѣреніямъ крестьянъ и крестьянокъ боль, именуемая хомутомъ, зарождается въ человѣкѣ всегда отъ «порчи», потому что есть такія «знатки люди», которые могутъ, конечно со зла, «надѣвать хомутъ» не только на людей, но и на животныхъ—коровъ, лошадей, собакъ и др. Будто бы плетутъ изъ нитки или гаспика какія-то кольца, сплетаючи наговариваютъ; съ наговоромъ затѣмъ плетень бросаютъ на то мѣсто, гдѣ долженъ пройти тотъ, на кого желаютъ надѣть хомутъ. Достаточно, говорятъ, перешагнуть черезъ этотъ плетень, имѣющій приблизительное сходство съ обыкновеннымъ хомутомъ, или взять его въ руки—непремѣнно захвораешь «хомутомъ». «Снять хомутъ» (избавить отъ него) могутъ только такіе же «знатки люди», которымъ знакомъ отговоръ, читающійся только отъ хомута; безъ него, по общему завѣренію, никакими надобьями не излѣчишься отъ этой хворы, по крайней мѣрѣ удается это довольно трудно. Къ счастью «непутнихъ людей, которы надѣютъ хомутъ, мало живетъ», хотя въ то же время еще меньше умѣющихъ «снимать хомутъ». На головы первыхъ всегда призываютси проклятія и высказываются пожеланія, чтобы передъ смертью имъ, наравнѣ съ колдунами, «задрало ноги къ верху».

Хомутъ надѣвается двухъ видовъ: a) «верховой хомутъ», и b) «нутряной хомутъ».

a) Верховой хомутъ. Сопровождается, говоритъ Хевр. А-на, наружнымъ «распуханіемъ» дѣтороднаго члена, острыми, жгучими рѣзями въ мочевомъ стволѣ, усиливающимися при мочеиспусканіи, истеченіемъ мутной слизи.

Опухоль очерчивается съ наговоромъ; вн. дается наваръ сбора № 43.

b) Нутряной хомутъ. При немъ, кромѣ изложенныхъ только что общихъ чертъ хомута, у мужчинъ происходятъ нестерпимыя рѣзи въ мочевомъ пузырѣ; мошонка дѣлается напряженной и увеличивается въ объемѣ вмѣстѣ съ постепеннымъ разбуханіемъ ящеръ. У женщинъ ощущается боль внутри матки, въ маточномъ проходѣ и мочевомъ пузырѣ.

Поятъ наваромъ бѣлой травы. Ал. Трофимова держитъ больныхъ надъ куревомъ моха (см. рѣзачка).

Оба вида хомута имѣютъ много сходнаго съ перелоемъ (Gonorrhoea) (?).

Порченная рѣзачка. Кажется, исключительно представляетъ страданія мочевого пузыря. Происходятъ также подъ вліяніемъ «порчи».

Непорченная рѣзачка. Одно и то же съ предыдущимъ. Возникаетъ она, какъ полагаютъ, отъ собственной неосторожности, такъ «помочишься на вѣтеръ или на то мѣсто, гдѣ лежитъ выброшенная зола—вотъ и захватишь рѣзачку».

Признаки. Порченная и непорченная рѣзачка опредѣляется мучительными рѣзями, ощущаемыми въ мочевомъ пузырѣ, и безпрестанными позывами мочиться; а

станешь мочиться, «моча выходитъ капельками и жжетъ мочевой выходъ; больного заноситъ то въ жаръ, то въ ознобъ; онъ плохо ѣстъ; у него «зажигатъ на нутрѣ».

Лѣченіе. Средства лѣченія той и другой рѣзачки болѣе или менѣе одинаковы.

Пьютъ наваръ травы рѣзачки и сокъ конопляннаго сѣмени, чистый или въ смѣси съ чуточкой нашатыря.

Ал. Т-ва лѣчитъ «куревомъ». Въ чугунку съ горячими углями она подбрасываетъ мохъ съ частью мирреваго гнѣзда; надъ дымомъ усаживаетъ больного совершенно раздѣтымъ, укрываетъ плотно однорядкой и держатъ въ такомъ положеніи часа два; черезъ день повторяется та же процедура — и такъ до трехъ разъ включительно; больной выздоравливаетъ. Ал. Т. утверждаетъ, что этимъ куревомъ она успѣшно лѣчитъ даже дѣтей при задержаніи мочи.

Женская грыжа. }
Дѣтская » } (См. ниже отд.).

---

21. Дурь. Подъ этимъ словомъ подразумѣваются—водобоязнь и обыкновенное умопомѣшательство; при нихъ человѣкъ, говорится, всегда «дуритъ или дичатъ», т. е. его душевное состояніе и поступки бываютъ свойственны однимъ «тронувшимся умомъ» (помѣшаннымъ) и такимъ, которые имѣли несчастье заразиться ядомъ «дурного» (бѣшеннаго) животнаго; (см. укуш. бѣш. животными и помѣшательство).

22. Желтуница. Она же желтуха. Вызывается, по словамъ лѣкарки Пол. В. Ананьиной, испугомъ; въ доказательство своего утвержденія она привела случай, бывшій съ ея замужней дочерью, живущей въ д. Темрѣ. Когда та ѣхала какъ-то въ Ужурѣ съ грудною дѣвочкою на рукахъ, лошади напугались чего-то, помчали и опрокинули ихъ изъ телѣги. Съ «тово переполоху» дочь Пол. Вас. слегла въ постель, перестала ѣсть, глаза и лицо пожелтѣли, что «всегда бываетъ съ желтуницы».

Пол. Вас. сама лѣчила дочь. Поила ее, какъ водится обыкновенно, отваромъ сбора № 144, каждый разъ наговаривая на него; водила съ дѣвочкой въ баню; обливала тѣмъ же отваромъ и парила съ наговоромъ трехгодовалымъ вѣникомъ (см. наговоръ № 10). Этимъ удалось согнать желтушницу снаружи. Съ «нутра» выгоняла — «щучкой». Дѣлается это такъ.

Больную садятъ за столъ, на которомъ ставится чашка съ водой и опущенною въ ней живою щучкой, и заставляютъ смотрѣть на щучку, пока послѣдняя «не подохнетъ». Если больная высидитъ — вылѣчится.

Мужикамъ и мальчикамъ ловятъ для этой цѣли какую попало рыбу.

Отъ желтуницы пьютъ наваръ конопля, инбирную настойку и смѣсь № 29 отд. VI.

23. Занозы. Чтобы заноза «объявилась», когда возьмется гноемъ, вяжутъ къ ней золу съ коровьемъ масломъ, или куриное соленое сало. Чтобы скорѣе зажила ранка, изъ которой вынута заноза, держится надъ дымкомъ зажженной отымалки или тряпочки, обмокнутой въ постномъ маслѣ. Сидоровы и др.

24. Заусеница. Кожица у ногтей трескается и задирается. Очерчиваютъ ногти—остріемъ ножа царапаютъ по три крестика на каждомъ ногтѣ.

Лучше всего, начиная жать, заложить нѣсколько селименокъ стоялаго хлѣба и очертить ими ногти по предыдущему способу,—«навсегда избавишься отъ заусеницы». Ужур. вол.

25. Золотуха.

Выгоняютъ снутра золотуху тѣмъ, что ѣдятъ клюкву, одну или съ медомъ; пьютъ и ѣдятъ сѣру горячую; принимаютъ вн. отвары травъ №№ 52 и 175, а также наваръ череды.

Дѣтей кормятъ кашицей съ листочками золотыхъ книжечекъ и рыбьимъ жиромъ.

Чтобы вывести золотуху изъ глазъ. См глаза.

Вогнать внутрь золотуху, т. е. ея внѣшнія проявленія, какъ-то: сыпь, чиреи и т. п. свести съ лица можно дачею вн. морковнаго сока; отъ него золотуха «скрыватся внутро».

Золотушныя опухоли. Къ золотушнымъ опухолямъ прикладываютъ въ видѣ мягчительнаго: человѣческій калъ, тепленькій телячій пометъ (парнишкѣ—отъ бычка, дѣвочкѣ—отъ телки). Вытяжными средствами будутъ: ушканина, березовый деготь съ молодой сметаной и медовыя лепешки.

Чтобы собрать разсыпную золотуху въ «одномъ мѣстѣ» (струпомъ) совѣтывается пить отварнаго сбора № 138.

Мокнущіе золотушныя струпья. «Сушатъ» (заживляютъ) ихъ наружными средствами: мазью № 50, масломъ № 18, пепломъ углей или масляныя тряпички и слизью льнянаго сѣмя.

Ушко прѣетъ или головка у дѣтей отъ золотухи, Ал. Т—ва говоритъ, мажутъ «грицелиромъ (глицериномъ), а сверхъ накладываются кусочки тонкаго льнянаго холста,

Зобъ. Происхожденіе зоба dr. Андреевскій относитъ также и на счетъ золотухи (стр. 827). Н. А—на передаетъ, какъ общее мнѣніе, что зобъ «приключается, будто-бы отъ того, что напьешься воды, которой попила передъ тѣмъ курица». Чѣмъ лѣчится зобъ, ужурцы, будучи не зобатыми, не слыхали и не знаютъ.

Подпазушникъ. Нарывы подъ мышками.

Шишки исчезаютъ отъ прикладыванья листвиничной губы и гущи изъ квасницы; слѣпки горячихъ хлѣбовъ или булокъ держатъ нѣкоторое время на опухоляхъ, затѣмъ бросаютъ собакамъ: отъ женщины и дѣвочки—сучкѣ, отъ мужика и парнишка—кобелю Ужур. вол. См. сучье вымя.

Сучье вымя—титька. «Случатся, когда переступишь черезъ толкачъ (пестъ). Ал. Т—ва.

Пестъ нагрѣваютъ и прижигаютъ шишки. Слѣпки съ двухъ хлѣбовъ катаютъ по вымю и отдаютъ собакамъ. Она-же.

Чирей-вередъ. Образованіе чиреевъ приписывается въ Ужурск. волости главнымъ образомъ золотухѣ и отчасти и накопленію въ человѣкѣ «дурной порченной крови».

«Если на тѣлѣ почувствуешь зудъ и на томъ мѣстѣ краснота станетъ —безпримѣнно чирей будетъ»,—говоритъ Алекс. Ананьина. Надо тогда безымяннымъ пальцемъ почерпнуть помоевъ изъ лохани или обмылковъ изъ корыта и чертить имъ по чирею крестъ на крестъ, шепча:

— Не чирей—будь крестъ! (До трехъ разъ).

Въ этомъ состоитъ такъ называемое защелкиванье чирея.

Задавливанье чирея, практикуемое Ал. Т—вой, дѣлается нѣсколько иначе. См. Наговоры № 16.

Чтобы избавиться отъ чиреевъ, ѣдятъ ягодки черевязника, сѣру горючую и употребляютъ прочія внутреннія средства, перечисленныя въ описаніи золотухи. Если предполагается, что чиреи происходятъ отъ порченой крови, то направляютъ лѣченіе противъ этой первопричины.

Снаружи на чиреи прикладываются вѣтренки, одоленъ, лукъ печеный и проч. наружныя мягчительныя.

Чтобы чиреи разселились—размножились у кого-нибудь, стоитъ попросить «знаткаго» или «знатку», она пошепчетъ, и чиреи засыпятъ того. См. Наговоры № 23.

Язвы золотушныя. Залѣчиваются мазью № 56.

---

26. Извѣтрятъ губы. Мажутъ губы свѣчнымъ саломъ и коровьимъ масломъ.

27. Какъ отводится съ утонувшимъ и оглушеннымъ гро-

момъ. Утонувшихъ откачиваютъ на потникахъ; «хвативших много воды», кромѣ того, отпаиваютъ золой и водой растворенпаго синяго купороса, чтобы вызвать рвоту.

Оглушенныхъ громомъ иногда обкладываютъ землей.

28. Колотья. Происходятъ отъ разныхъ причинъ, говорятъ; отъ простуды или увѣчья, напр., «бывать колотье въ боку, грудѣ, поясницѣ, колѣнкахъ»... и т. д. Ал. А—на.

Отъ колотья въ боку вообще пьютъ наваръ егорьева копья; изъ этой же травы прикладываются припарки на опухоли, проявляющіяся одновременно съ колотьемъ. Н. А—на и Ал. А—на.

Окалываютъ бока и другіе части тѣла, гдѣ ощущаются колотья, громовой стрѣлой (съ наговоромъ). Стараются «пропотѣть подъ вѣникомъ въ банѣ» и «пользуются» прочими домашними средствами, какія употребляются при лѣченіи простуды, увѣчья и другихъ болѣзней, которыя сопровождаются колотьями. См. наговоръ № 10.

29. Кости и ихъ болѣзни.

Костяная грыжа. Обозначается общими или мѣстными ломотами въ костяхъ остраго или длительнаго характера; боль бываетъ скрытой и иногда сопровождается открытыми язвами. Мнѣ довелось видѣть женщину изъ деревни Изыкчуль, у которой на верхней части сустава кисти лѣвой руки была открытая язва; происхожденіе этой язвы относилось на счетъ костяной грыжи [1]).

Костяной грыжѣ всегда предшествуютъ серьезныя болѣзни общаго характера, каковы, напримѣръ., худая боль, золотуха и нѣкоторыя другія.

Отъ опасной боли, говорятъ всегда «кости болятъ»; если «золотуха стоитъ въ костяхъ, то безпримѣнно ломота слышна въ нихъ».

Лѣченіе костяной грыжи общаго характера находится въ тѣсной зависимости большею частью отъ рода болѣзней, производящихъ общія ломоты въ костяхъ.

Костяная грыжа мѣстнаго характера проявляется въ видѣ змѣевца и могильной кости.

Змѣёвицъ. «Онъ заводится въ колѣнкахъ и въ суставахъ пальцевъ рукъ и ногъ; то мѣсто почернѣтъ и возмется нарывомъ; въ немъ слышется (ощущается) токо-токъ, ровно какъ нарыватъ тѣло», ощущенія невыносимо-рвущихъ коликъ продолжаются, пока «не пропукнётъ нарывъ». Если не лѣчишь или запустишь змѣевицъ, онъ «объѣдатъ мясо и лущитъ кости»—онѣ частями отваливаются.

Образованіе змѣевца объясняется зарожденіемъ въ тѣлѣ человѣка «чеврячка» чернаго цвѣта, съ крупной головкой; когда «натакашься скоро на надобье, которо змѣёвицъ не любитъ, чеврячекъ выпадатъ, тутъ-то и увидишь его». Откуда берется этотъ червячекъ въ тѣлѣ, никто не знаетъ. Нѣкоторое время червячекъ, будто-бы, ходитъ по тѣлу, а когда настанетъ моментъ выходить ему наружу, спускается въ суставъ конечностей или сползаетъ въ колѣно самъ собой, а то когда нарушатъ его покой ударомъ по пальцу, голени и т. д.

Змѣевицъ заводится одинаково какъ у взрослыхъ, такъ и у подростковъ съ виду вполнѣ здоровыхъ, могущихъ развѣ сказать, что въ дѣтствѣ или возрастѣ «маялись золотухой», какъ говорятъ. Рыболовы и охотники, какъ люди постоянно имѣющіе дѣло съ «мокромъ» (водой), чаще другихъ, утверждаютъ, хвораютъ змѣёвцемъ. Въ Казачинской вол. Енисейскаго окр. мнѣ пришлось слышать, какъ змѣёвицъ одновременно назывался «волоскомъ»; даже лѣчится змѣевицъ-волосокъ такимъ-же зольнымъ щелокомъ, какъ это дѣлается въ Ужурской вол. при «мокромъ волосѣ».

Лѣченіе. Для скорѣйшаго назрѣванія нарыва прикладываются припарки изъ травы змѣевика или привязывается свѣжій калъ свиньи; когда назрѣетъ нарывъ, его подержатъ въ кипяткѣ и проколятъ, гной выдавятъ, ранку прижигаютъ сулемой и мышьякомъ.

---

[1]) Повидимому это была костоѣда. Промучась съ годъ, эта женщина умерла.

Могильная кость. «Шишки нарастают подъ кожей, въ изгибахъ кистей рукъ больше». Могильную кость лѣчатъ преимущественно лѣкарки.

Шишки очерчиваютъ (съ наговоромъ) косякомъ или обороч̣кой отъ гроба умершаго съ могильною костью. Ал. А—на.

Трутся шишкой (безъ наговора) о скобу церковной двери; мажутъ мѣстомъ перваго ребенка; натираютъ (съ наговоромъ) землей, принесенной съ погоста отъ могилы того, кто при жизни имѣлъ могильную кость. Н. А—на.

Вывихи. Выправляются костоправками.

Предварительно распариваютъ мѣсто вывиха, поливая теплой водой и намыливая мыломъ, поворачиваютъ слегка и дергаютъ съ силой: «хрустнетъ, сталъ, значитъ, вывихъ на мѣсто». Если пострадавшаго «бьетъ въ ознобѣ», то заставляютъ его выпить рюмки двѣ водки. Снаружи на опухоли, въ видѣ припарокъ, прикладываются мелкая трава или круглый ячмень; опухоли также своей «мочей обсикаютъ».

Изломы костей. Сперва изломанную кость сложатъ, вокругъ обложатъ берестой и забинтуютъ. Внутрь даютъ наваръ мухомора, отваръ козьяго корня или воду со стружками старинныхъ пятаковъ, предполагая, что это «спаиваетъ изломанную кость».—Прибѣгаютъ теперь и къ помощи фельдшера.

Ломота—нытье костей. Если оно происходитъ послѣ ушиба или перелома костей, или какое часто ощущается въ старческомъ возрастѣ съ наступленіемъ ненастья, признается неизлѣчимымъ и «утишаетъ нѣсколько съ наступленіемъ ведра», либо отъ натиранья дегтемъ № 79; пьютъ также дорогую траву при нытьѣ костей послѣ опасной боли, сух. волоса.

Ноктоѣдка (ногтоѣдка). Снаружи прикладываютъ жеваную черемшу, листья бѣлены и лѣпятъ сапожный варъ; имъ «сразу захватишь ноктоѣдку», говоритъ кр. Пр. Мамщеровъ. Хорошимъ средствомъ, какъ примочка, считается настойка черкасскаго табаку.

При сеченіи крови изъ-подъ ногтя, что происходитъ, можетъ быть, вслѣдствіе ногтоѣдки дѣлаютъ, примочки растворомъ синяго купороса. Ал. А—на.

Зубной ной. Всего чаще на больной зубъ кладутъ березовой деготь, батку изъ трубки, камфару, порохъ съ печенымъ лукомъ и волчье лыко. При «неутомимомъ ноѣ» садятся надъ «куревами» сѣмянъ №№ 4 и 14; послѣ окуриванья зубная боль «утишатся».—Сютинцы курятъ сушеную повилику.

Считаются излѣчивающими средствами очерчиванья и т. п. манипуляціи, продѣлываемыя лѣкарками во время «отчитыванья» болящаго зуба наговорами. Ал. А—на, напр., придаетъ большое значеніе своему наговору (№ 6) отъ «зубнаго ноя» и той процедурѣ, которую обязательно долженъ выполнять больной, держа въ рукахъ «конску голову-кобылью».

Увидѣвши молодой мѣсяцъ, грызутъ «серебрушку» (серебр. монета)—чтобы «зубы не болѣли».

Среди крестьянскихъ дѣтей Казачинской и Ужурской волостей распространенъ обычай «хоронить» выпавшій или выдернутый зубъ; владѣлецъ зуба становится спиной къ мышиной норкѣ и произноситъ приговоръ слѣдующаго содержанія: «на тебѣ, мышка, рѣпный зубъ, а ты дай мнѣ костяной» (до 3 разъ) [1]). Послѣ этого выпавшій зубъ или подобіе его, сдѣланное изъ кусочка рѣпы, опускается въ мышиную норку, а потерпѣвшій опрометью возвращается къ матери съ извѣстіемъ, что «похоронилъ рѣпный зубъ!»—и еще разъ услышитъ изъ ея устъ знакомое увѣреніе: «Да, сынокъ, у тебя выростетъ костяной зубъ и больше не будетъ болѣть»!.. Лицо мальчугана прояснится, глазки блеснутъ слезами радости... Черезъ секунду онъ уже беззаботно играетъ съ сверстниками, пока не услышитъ отъ нихъ насмѣшливыхъ возгласовъ: «Ванѣ кобыла зубы выбила»! — Новыя слезы, новое требованіе материнскаго утѣшенія со стороны обиженнаго сына...

---

[1]) Въ Харьковской губерніи этотъ приговоръ имѣетъ нѣсколько иную варіацію. Онъ говорится такъ: «Мышка, мышка! на тебѣ костяной зубъ, а ты дай мнѣ желѣзный».

Скрипъ въ суставахъ оттого ли бываетъ, что разовьется, напр., рука отъ жатья, либо отчего другаго лѣчится припарками изъ скрипуна.

---

30. Кровотеченія. Если изъ носу самовольно потечетъ кровь, то не останавливаютъ ее—«легче головѣ будетъ», говорится.—Кровотеченія отъ малыхъ порѣзовъ останавливаются листьями и сокомъ травъ №№ 3, 126 и 143 и жевкомъ козьяго корня, заливаются березовой настойкой, засыпаются махоркой, землей, а дѣтямъ сахаромъ.

При сильныхъ истеченіяхъ крови, являющихтя результатомъ серьезныхъ пораненій, при «залевищахъ» и т. п. кровоизліяніяхъ, бывающихъ у женщинъ, — обращаются къ лѣкаркамъ и бабушкамъ, и рѣдко когда прибѣгаютъ къ помощи фельдшера.

«Шептухи» заговариваютъ кровь, какъ указано, положимъ, Б. А—нымъ въ его «заговорахъ» №№ 20—21, и останавливаютъ иными, извѣстными только имъ средствами. Женщины ихъ главныя паціентки.

Указываютъ на измаденъ и нѣкоторыя другія растенія, какъ не средства, способныя оказывать существенную помощь при внутреннихъ изліяніяхъ крови у женщинъ. (См. женская грыжа).

31. Искуственный вызовъ крови. Съ лѣчебною цѣлью дѣлается путемъ кровопусканія, принятія банокъ и пьявокъ. Открываніе крови въ разныхъ видахъ составляетъ спеціальность коноваловъ и евреевъ-поселенцевъ. «Ставить банки» ходятъ также и къ фельдшерамъ.

32. Искуственный вызовъ «красокъ». См. «краски» 6 отд. жен. болѣзней.

33. Кровохарканіе. Когда оно бываетъ вслѣдствіе чахотки или отъ другихъ причинъ происходитъ, то поятъ сахарной водой или отваромъ порѣзной травы.

34. Кровь давитъ. Повторяется ли періодически ломота въ «крыльцахъ» и и пояснице, ощущается-ли тупая головная боль, притупляется-ли зрѣніе, маются-ли когда чиреями, — все это приписывается «давленью крови». «Кровь давитъ», «худа кровь накопилась по за кожей»,—обыкновенно слышишь, когда объясняютъ желаніе открыть себѣ кровь, поставить банки или пьявки.—Эти средства считаются самыми дѣйствительными при всѣхъ перечисленныхъ выше обстоятельствахъ. Наряду съ ними стала входить въ употребленіе кровоочистительная смѣсь № 24 отд. VI. Отъ нея «кровь расшибатъ», т. е. она освѣжается. Этой смѣси предстоитъ, кажется, вытѣснить собой нынѣшнее кровопусканіе.

35. Мозги править. «Когда ушибешься головой, либо упанешь съ высокаго чего, а то скокнешь неловко,—мозги стрясутся непремѣнно». Сейчасъ же надо «править мозги». Править можно домашнимъ путемъ, но лучше всего просить объ этомъ лѣкарку,—совѣтуютъ. Эта операція производится по двумъ общепринятымъ шаблонамъ.

а) Пояскомъ или гасничкомъ обводится вокругъ головы, начиная со лба, далѣе по за ушами протягивается и смыкается концами на срединѣ затылка; въ трехъ мѣстахъ на пояскѣ чертятся отмѣтки уголькомъ или мѣломъ: одна намѣчается на той части, что приходится посреди лба, и двѣ другія по обѣимъ косицамъ; смотрятъ затѣмъ, находятся-ли черточки на одинаковыхъ промежуткахъ другъ отъ дружки; если которая изъ нихъ (со лба-ли къ косицѣ, отъ нея ли къ затылку съ правой или лѣвой стороны) отдѣляется отъ остальныхъ нѣсколько большимъ промежуткомъ, стало быть въ этой части головы «мозгъ сшевеленъ»; тогда ударяютъ по ней рукой и довольно таки сильно, такъ что «въ головѣ круженье сдѣлатся и одурешь даже». Послѣ этого вновь опоясываютъ голову той жей мѣркой, вновь ставятъ черточки, и, еслы промежутки все еще не одинаковы, опять ударяютъ по головѣ. Такого рода изысканія повторяются до тѣхъ поръ, пока черточки на пояскѣ не раздѣлятъ его собой на четыре равныя части: мозги стали, значитъ, на свое мѣсто.

b) Вмѣсто этой провѣрки нормальнаго положенія мозговъ путемъ причудливаго измѣренія черепа, предлагается держать въ зубахъ сито; по его обичкѣ «правельщица» ударяетъ ладонями рукъ разомъ съ двухъ сторонъ. Этотъ ударъ вызываетъ сильное сотрясеніе головы: «по за кожей у него пойдетъ холодна дрожь, изъ глазъ посыпятся искры, въ голову кольнетъ и круженье сдѣлатся, зубы разомкнутся сами собой и сито выпанетъ». Правильщица, не давая времени очнуться, заставляетъ въ тотъ же моментъ качнуть смаху головой съ затылка на передъ.

36. Нагноенія—дурь. См. порѣзы.

37. Нарывы. Разрѣшающимъ служитъ пластырь № 69 и большинство наружныхъ средствъ, указанныхъ отчасти въ описаніяхъ золотухи и «грудницы» (жен. болѣзни).

38. Нечаянное укушеніе собакой. На ранки прикладываются листья бѣлены.

39. «Нутро и его болѣзни».

Подъ словомъ «нутро» должно разумѣть животъ или брюхо (говорится также) въ совокупности со всѣми его внутренними органами, скрытыми подъ брюшнымъ покровомъ.

«Нутро болитъ», «нутромъ маятся»—выраженія, подъ которыми скрываются многія болѣзненныя состоянія живота и его частей, вызываемыя разнообразными причинами.

Въ «Сборникѣ» найдется цѣлая серія «надобій», которыми лѣчатся спеціально при болѣзняхъ нутра, вотъ они: волосянка, гаснички таежные, купальница, мята, нутрецъ, обахта, одоленъ, полевая ромашка, винныя ягоды съ горькимъ миндалемъ, стручковый перецъ, троелистку, муравьиный спиртъ и др. Ихъ примѣненіе, однако, слѣдуетъ относить на счетъ болѣе частныхъ заболѣваній нутра. Такъ напр., гаснички таежные хотя и пьются отъ «нутра», но исключительно «послѣ родинъ», т. е. въ такомъ положеніи, когда женщина можетъ «маяться нутромъ-брюхомъ» и оттого, что прошло «мало родовыхъ кровей», или «долго красокъ нѣтъ», и отъ «золотника» и т. п., что вызывается своими особыми причинами и обладаетъ своими специфическими признаками. Купальницу пьютъ отъ «нутра при надсадѣ», также и нутрецъ—«при спазмахъ живота отъ надсады»; отъ нея, какъ извѣстно, возникаютъ различные виды женскихъ «болѣтковъ брюха» и развивается грыжа, которой хвораютъ люди обоего пола. При помощи дедукціи спеціалистъ-медикъ, пожалуй, съумѣетъ добраться, въ данномъ случаѣ, до сути той или иной конкретной болѣзни нутра, укажетъ ея прямую зависимость отъ вполнѣ опредѣленныхъ внутреннихъ или внѣшнихъ причинъ и приведетъ въ непосредственную связь съ относящимися къ ней народными надобьями. Но правильное пониманіе нѣкоторыхъ «нутряныхъ болѣстей» (изъ числа, конечно, серьезныхъ) недоступно для крестьянъ, незнакомыхъ съ построеніями научной медицины насчетъ правильной постановки вопроса «о происхожденіи, причинахъ, сущности и распознаваніи болѣзней вообще» (Андреевскій, стр. 208). Потому то, надо думать, крестьянинъ, говоря о своей «нутряной боли», всегда начинаетъ рѣчь общими фразами, какъ-то: «нутро болитъ», «нутромъ маюсь» и т. д. Къ этому же пріему условности прибѣгаетъ обыкновенно и крестьянка, которая часто изъ-за природной стыдливости не рѣшается говорить болѣе откровенно о «болѣткахъ брюха». Созданная ими терминологія «нутряныхъ болѣстей» цѣликомъ перешла, такимъ образомъ, и на лѣчебныя средства, такъ говорятъ: борецъ—«при давленіи на серцѣ», волосянка мужская—«отъ нутра», гаснички таежные—«отъ нутра послѣ родинъ», девятильникъ—«при болѣткахъ у женщинъ», купальница—«отъ нутра при надсадѣ» и т. д.

Къ болѣзнямъ «нутра» относятъ «кумушку на сердцѣ», «желтуницу», «смертну боль», грыжу, «болѣтки брюха» у женщинъ, а также нижеслѣдующія.

Вздутіе живота. Растираютъ животъ водкой съ камфарой.

Вѣтры и пученье. Принимаютъ какое либо рвотное или проносное.

Геморой. Предлагаютъ избѣгать спиртныхъ напитковъ, свинины не ѣсть, но пить преимущественно молоко, ѣсть яйца; вообще признается, что лучше употреблять прѣсную пищу. «При давленiи на серцѣ», всегда ощущаемомъ послѣ принятiя грубой пищи или работы внаклонъ, «пьешь золу съ водой: вырвешь—легче станетъ.. тѣмъ только и живу»—говорилъ В. Ананьинъ.

Глизды. Отъ глистовъ пьютъ конопляное масло или жидкiя дрожди, только «не подъ крышкой, не въ избѣ къ примѣру, а на улкѣ» Н. А—на.

Ѣдятъ цитварное сѣмя съ медомъ; послѣ ѣды ложку надо класть брюшкомъ вверхъ,—«глизды пойдутъ низомъ», иначе—«пойдутъ горломъ».

Давленье на серцѣ. «Серцо давитъ», «серцо жжегъ» [1],—говорятъ еще, жалуясь на давленье въ области желудка, сопровождающееся коликами, запорами и другими желудочными разстройствами.

Когда «давленье на серцѣ» сопровождается тошнотой, пьютъ купоросное масло и острую водку или принимаютъ золу съ водой, чтобы «проблевать».

Отъ «серца» употребляютъ внутрь нав №№ 37, 46 и 142; настойки № 11 (I от.) и №№ 16, 28 и 30 (II от.); водку лютика, острую водку, нашатырь, сулему и проносныя.

Или ходятъ къ бабкамъ «править животъ». Тѣ растираютъ животъ. По голому животу больнаго, лежащаго въ вытянутомъ положенiи, проводятъ ладонями обѣихъ рукъ, обмокнутыхъ въ тепленькой водѣ, слегка пожимая, отъ груди къ пупу, охватываютъ съ боковъ нижнюю часть живота, отсюда передвигаютъ руки къ верхней и снова начинаютъ отъ груди къ пупку, дѣлая такiя манипуляцiи въ продолженiе получаса. Вмѣсто этого иногда «накидываютъ горшокъ на животъ». (См. надсада). Х. А—на.

Зажигатъ—запоры Употребляютъ внутрь, какъ «проносное» (послабляющее), коровье и касторовое масла, капустный и огуречный разсолы съ конопляныиъ масломъ; въ старину принимали порохъ съ дрождями.

Изжога. Ѣдятъ мѣлъ или угли.

Икота. Икота случайная, происходящая послѣ принятiя пищи, напр., признается за обыкновенное явленiе, ее даже считаютъ за показателя того, что когда «ичется, стало быть кто-то поминатъ» (вспоминаетъ).

Если ичутъ, какъ «пѣтухъ поетъ», и продолжается это безостановочно, иногда со рвотой, то стараются «испугать» ичущаго, заставить повѣрить или сдѣлать то, что въ сущности не требуется; или просто отпиваютъ глотками холодную воду [2]).

Надсада. Внѣшними причинами обусловливаемое нарушенiе внутреннихъ связокъ живота, вслѣдъ за которымъ, по мнѣнiю народа, непремѣнно «пупъ сорвется съ мѣста». «Сорвать пупъ не долго кажному, подыми токо ношу не по силѣ, либо упади съ вышки (чердака), положимъ,—готовъ, на вѣкъ страдалецъ»,—приходилось слышать въ видѣ разъясненiй причинъ, вызывающихъ столь печальныя послѣдствiя, какiя постигаютъ человѣка отъ надсады.

Примѣчанiе редактора. У деревенскаго жителя при его трудовой, тяжелой жизни нѣтъ недостатка въ случаяхъ, когда приходится дѣлать непосильныя напряженiя: то надо мѣшки таскать въ амбаръ, то возъ завязъ,—надо его вытащить, то лѣсину навалить и т. д.

Эти черезмѣрныя напряженiя часто вызываютъ растяженiе связокъ, мышцы, иногда даже истинные завороты кишекъ, инвагинацiи и пр.—и все это даетъ поводъ

---

[1]) Здѣсь слово «серцо», которымъ сибиряки обозначаютъ желудокъ, рѣшаюсь писать безъ буквы «д»

[2]) Когда икота, хотя и слабая, но длительная, то отпиваютъ глотками холодную воду изъ чашечки, поворачивая ее каждый разъ такъ, чтобы выходило крестъ-на-крестъ. Харьк. губ.

сельскому жителю всѣ подобные случаи заболѣваній отъ черезмѣрнаго напряженія относить въ рубрику «надсадъ» и придавать имъ особенно серьезное значеніе.

В. К.

Разъ «сорвешь пупъ», надлежитъ обратиться за помощью къ бабкѣ, умѣющей «править животъ» и «накидывать на пупъ горшокъ». Послѣднее производится въ натопленной банѣ или въ избѣ. Пострадавшему или пострадавшей бабка протираетъ предварительно животъ деревяннымъ масломъ или растираетъ до красна одной суконкой, на «пупъ» ставитъ три восковыхъ огарочка, прилѣпленныхъ къ кусочку хлѣбной корочки, зажигаетъ и опрокидываетъ (накидываетъ) надъ ними «кукшинъ или горшечекъ»; онъ присасывается къ животу такъ плотно, что едва оторвешь; больной лежитъ съ нимъ, пока въ состояніи терпѣть (иные по суткамъ вылеживаютъ). Вмѣсто трехъ огарочковъ подъ горшокъ подводится также клочекъ зажженной кудельки,—послѣдствія одинаковыя.

Внутрь дается настойка борца и чечилибухи, водка изъ стародуба, сулема съ водкой, нав. №№ 71, 94, настойка каменнаго звѣробоя и т. д.

Натугъ. Временно ощущается тупая боль въ нижней части живота или въ поясницѣ, когда «поработашь досыта, понатужишься при тасканіи тяжестей» и пр. У женщинъ натугъ можетъ вызвать выпаденіе матки и т. п. «болѣтки брюха».

Правятъ животъ, пьютъ растительныя и другія надобья. А такъ какъ «съ натугу большо кровь давитъ», то открываютъ кровь, банки ставятъ и пр.

Поносы и боли въ животѣ. Отъ малой боли пьютъ квасъ съ солью; при болѣе сильныхъ, пьется все то, что относится къ «нутру», а также девятильникъ и настойки №№ 14, 15, 23, 30 (II отд.).

Противъ поноса предлагаются отв. №№ 81, 171, нав. №№ 46, 112, 166, 17?, татарская бадана и перекипяченный клюкой квасъ.

Потерять выть—аппетитъ. Потеря аппетита приписывается вліянію какой либо болѣзни, когда «нутро болитъ, простудится человѣкъ, въ смертной боли лежитъ» и т. д. Женщина чаще теряетъ выть, когда «поноситъ брюхо»; съ окончаніемъ беременности онъ самъ собой возвращается. Вообще же аппетитъ стараются вызвать пріемомъ внутрь сбора. № 138.

Рвота. Вызываютъ рвоту пріемами внутрь золы съ водой, навара цвѣтковъ чистяка; при отравленіи—парнымъ молокомъ и воднымъ растворомъ синяго купороса.

Остановить рвоту не умѣютъ.

---

40. **Нырокъ?** Мазь № 66.

41. **Одышка.** Смѣшивается чаще всего съ удушьемъ и лѣчится, такимъ образомъ, одинаково съ послѣднимъ или какъ простой кашель, пока не убѣдятся, что этими средствами не избавишься отъ одышки.

42. **Ожоги.** «Ожоги отъ воды заживаютъ скоро, ожоги отъ огня либо горячаго желѣза не такъ».

Мѣста ожоговъ сейчасъ же торопятся посыпать солью или смачивать ея воднымъ растворомъ; прикладываютъ также осадокъ изъ подъ точила, лѣпятъ ветошки съ яичнымъ бѣлкомъ; но лучше бѣлка, говоритъ Ал. А—на, дѣйствуетъ даже при сильныхъ ожогахъ березовый деготь: «красноту сгонятъ и волдырей не оставлятъ». Хорошимъ считаютъ вязать капустные листья, тертый картофель, зеленую глину. Однако луговому звѣробою отдается большее предпочтеніе.

Когда образуется на мѣстахъ ожоговъ «короста и долго мокнетъ», то заживляютъ молодыми сливками и коровьимъ масломъ; засыпаютъ крахмаломъ и разнообразными пеплами; ранки залѣчиваютъ спускомъ в) № 68.

43. **Ознобы** (отмораживанія). Они оттираются чѣмъ нибудь суконнымъ, снѣгомъ,

водкой или спиртомъ съ суконкой. При появленіи на ознобахъ красноты, жара и опухоли, во избѣжаніе образованія язвъ, прикладываютъ соленые огурцы и «жванину» (жевки) изъ свѣжаго гороха. Ранки отъ ознобовъ залѣчиваются мозгами сорокъ, гусинымъ жиромъ и свѣженистопленнымъ свинымъ саломъ. Съ этою цѣлью инородцы Кизыльской степной думы употребляютъ рысій жиръ.

44. Озѣвы. Выскажетъ ли кто «громко похвальбу чьему-либо здоровью, красотѣ, веселости—озѣвать,—человѣкъ отъ этого разгоритъ, позѣватъ, выть терятъ и потягота съ нимъ сдѣлатся».—Лѣчатъ наговорами и травами одинаково, какъ отъ уроковъ.

45. Опасна-худа боль (сифилисъ). При опасной боли сперва примутъ «сухой паръ» въ банѣ (безъ мытья) и сейчасъ же «садятся на курево изъ киновари» (укрывшись сверху одной только однорядкой), затѣмъ выпиваютъ положенную порцію водки съ сулемой (см. сулема). Надъ киноварью сидѣть заставляется отъ 9 до 12 разъ подрядъ, въ продолженіи стольхихъ же дней и съ соблюденіемъ всей послѣдовательности установленнаго порядка лѣченія (при этомъ каждый разъ 3 золот. киновари высыпается въ три пріема на горячіе угли жаровни). Нѣсколько менѣе показаннаго выше числа разъ «садятся на киноварь» и при болячкѣ носа, что можетъ происходить отъ той же «опасной боли», какъ полагаютъ, и отъ другихъ причинъ.

Кромѣ толокна съ сусломъ ничего не дается ѣсть; свинины и красной рыбы должно избѣгать всегда, «такъ, слыхала, сказываютъ люди». Н. А-на.

Для прижиганій язвъ худой боли предназначается мазь № 66.

Случаи выздоровленія, будто бы нерѣдки; но бываетъ и такъ, что больной не выдерживаетъ силы такого лѣченія и умираетъ въ самомъ началѣ своего «пользованія».

46. Опухоли. На опухоли, сопровождающія порѣзы вяжется подорожникъ свѣжій или распаренный въ молокѣ, также листья травы № 84.

См. опухоли золотухи, вывиховъ, бока (въ колотьяхъ) и др. При опухоли десенъ сн. винныя ягоды; при ослабленіи ихъ—натиранье квасцами, чеснокомъ.

47. Отеки. При отекахъ всего тѣла или его частей протираются въ горячо натопленной банѣ (безъ мытья) мазью № 61 или водкой № 84, спиртомъ № 81.

Отекъ глотки (см. горло).

48. Отравленье. «Бѣлены объѣдятся, чечилибухи и филичьей травы обопьются, либо другимъ какимъ зельемъ отравятся», то «отпаиваютъ» рвотными (см. рвота) или даютъ проносное. Н. А-на.

49. Переполохъ. Испугъ—проистекающій отъ посторонняго крика, удара грома, нападенія животнаго, отъ непріятнаго извѣстія и т. п. внѣшнихъ причинъ.

См. наговоры №№ 1, 10 и 30.

50. Порѣзы. Чѣмъ удалось остановить течь крови (см. кровотеченіе), то и остается иногда на порѣзахъ до полнаго заживленія; такъ поступаютъ, конечно, когда послѣдніе легки по формѣ или извѣстно, что присохнувшее къ нимъ вещество не вызоветъ «дури» (загноенія). Въ серьезныхъ случаяхъ придерживаются правила удалять первое кровоостанавливающее средство, вмѣстѣ съ «накипѣвшею» вокругъ порѣза кровью, путемъ простаго омовенія тепленькой водой или настоемъ березовой мочки. Судя по величинѣ и общему состоянію порѣза рѣшаютъ, продолжать-ли прикладыванье подорожника, бархатинника и т. п. легкихъ и болѣе или менѣе извѣстныхъ каждому надобьевъ, или слѣдуетъ замѣнить болѣе острымъ или сложнымъ веществомъ (см. раны).

«Не у кажнаго тѣло любитъ одно и то же надобье»—говорится.

«У золотушныхъ дольше не заживатъ порѣзъ либо чево друго».

«Порѣжешь ли тѣло серпомъ, пилой, сшибешь ли или разорвешь чѣмъ тупымъ,—то мѣсто чаще дуритъ (гноится) и не скоро заживаетъ».

Но еще чаще бываетъ, что отъ дурнаго присмотра и несоотвѣтствующихъ наружныхъ средствъ порѣзъ, допустимъ, берется «дурью» (гноемъ) и превращается въ злокачественную рану.

При загноеніи порѣзовъ, сшибленныхъ мѣстъ, проломовъ и т. п. дѣлаютъ

также примочки настойкой № 6, вяжутъ подорожникъ, сорокоприточную траву, столѣтникъ; прикладываютъ спускъ а) № 68 и лѣпятъ пихтовую сѣру; она признается между прочимъ, пріисковыми рабочими самымъ лучшимъ пластыремъ: отъ нея, будто, каждое пораненіе «не дуритъ» и скоро заживаетъ.

51. Порча. Порча,—какъ слѣдствіе злаго дѣянія «недобраго человѣка»,—проявляется, по мнѣнію народа, въ видѣ разстройства здоровья, измѣненія къ худшему душевнаго состоянія и т. п.

Въ основаніи порчи всегда лежитъ, какъ утверждается, преднамѣренность, которая вытекаетъ, 1)—изъ личнаго недоброжелательства «недобраго человѣка» въ въ отношеніи ближняго, навлекшаго на себя, вольно или невольно, ихъ гнѣвъ, или 2)—изъ корыстолюбивыхъ побужденій такого же «знаткаго», который, прельстясь вознагражденіемъ, рѣшается «напустить порчу» на указаннаго человѣка или на его животнаго; другому обѣщаетъ присушить любимую имъ дѣвушку или извести тоской надсмѣявшагося надъ ней и проч.

Трудно прослѣдить, говорятъ, чѣмъ и какъ, въ какое даже время «напустятъ на тебя порчу», такъ какъ это напущеніе дѣлается тайно и можетъ передаваться «по вѣтру», силою одного только наговора (см. присушка №27) и прочими таинственными ухищреніями... Вылѣчить отъ порчи, какъ напр. «хомута» «тоски» и проч., могутъ только «таки же знатки люди», которыхъ съумѣешь расположить въ свою пользу. Лѣчатъ какъ бы отъ уроковъ, отпаиваютъ травами, очерчиваютъ и придумываютъ «всяки-то отвороты» (см. отворотъ №28).

52. Пролежни. Легкіе виды пролежней залѣчиваются однимъ лишь свѣчнымъ саломъ; въ тяжкихъ случаяхъ мазью № 60.

53. Простуда.

При легкой формѣ простуды, когда «человѣкъ прискудатся» только, натираются (въ истопленной банѣ или избѣ) уксусомъ съ горчицей, рѣдечнымъ сокомъ съ водкой или чеснокомъ; къ подошвамъ ногъ вяжутъ свѣчное сало и ставятъ горчичники; внутрь принимаютъ, какъ потогонное, мяту, малину, и желтую ромашку. При сильной простудѣ пьютъ настойки калгана и филичьей травы. Въ свою очередь пріисковые рабочіе употребляютъ внутрь пихтовый спиртъ и парятся въ банѣ пихтовыми вѣниками.

Горячка. Въ самомъ началѣ «захватываютъ» ее натираньями тѣла спиртомъ или скипидаромъ (что вошло въ употребленіе съ появленіемъ фельдшера); парятъ больныхъ также въ жаркихъ баняхъ или заставляютъ «потѣть» подъ одеждой. Когда

Сводитъ ноги, что «случатся часто послѣ горячки», примѣняютъ паровыя ванны № 185.

Вѣтренный переломъ. «Простуда биватъ и оттого, что побережешься, тебя и охватитъ вѣтромъ»... Отсюда нѣкоторыя простудныя заболѣванія именуются просто «вѣтрянымъ переломомъ». Онъ сопровождается ревматическими ломотами, которыя ощущаются въ пояснцѣ, конечностяхъ, головѣ, груди, колотьями въ боку. Отъ «вѣтрянаго перелому»» случается «забрусенье грудей» у женщинъ, вымени у коровы и другихъ животныхъ. Лѣченіе см. по каждому изъ этихъ случаевъ.

Ломота. Если ломитъ все тѣло и это происходитъ отъ простýды,—«вѣтрянаго перелому»,—то, прогрѣвшись въ «сухомъ пару» жаркой бани, вамазываются острой водкой, керасиномъ, сокомъ крапивы (можно послѣ мытья) и парятся приготовленными изъ нея вѣниками; принимаютъ ванны изъ сѣнной трухи; натираются мозгами № 22.

Ломота въ конечностяхъ. Руки и ноги погрѣваютъ паровыми ваннами изъ растеній №№ 96, 134, 147 или прикладываютъ припарки изъ нихъ же; готовятъ натираніе изъ чернобыльника съ камфарой; втираютъ водку купальницы. Л. Сургутская (лѣкарка) «пользуетъ» натираньями медвѣжьяго жира.

Ломота въ поясницѣ. «Биватъ, что вдругъ какъ-то отымется поясница,

словно пересѣчетъ ее, ни ходить тебѣ, ни нагнуться, такъ и затычетъ, по всей спинѣ колотья пойдутъ» (Прок. Мамизеровъ), то поступаютъ, какъ при общей ломотѣ или

Рубятъ спину, что дѣлаютъ лѣкарки. При этомъ больнаго положатъ на порогъ притвора, а на открытую спину нѣсколько щепочекъ: на нихъ то и «рубятъ» ножемъ или топоромъ пруточка три, выдернутыхъ изъ голика, и читается наговоръ отъ «ломотища» (см. наговоръ № 10). Такого рода «рубкой спины» занимается М. Р. Ананьина. (См. кровь давитъ).

Простуда легкихъ. Бываетъ послѣ простуды и выражается сильнымъ удушьемъ, кашлемъ, болью и стѣсненіемъ въ груди. Бываетъ жаръ и безсонница. Лѣчатъ поромъ (отваръ богородской травы), даютъ чичилибуху съ квасомъ.

Кашель. Пьютъ настойки №№ 9, 13, 14, 25 (II отд.) и нав. №№ 10, 92, 122 (I отд.). При сухомъ кашлѣ, говоритъ Пр. А-на, хорошо пить наваръ порѣзной травы. Въ старину курили (и по нынѣ продолжаютъ) дудки конопля, жалицы большой и синюю сахарную бумагу.

Колотья (простудныя). Въ боку если слышно, то поступаютъ какъ указано въ «колотьяхъ», и втираютъ сулему, сбиваемую съ яичнымъ бѣлкомъ (съ кончика ножа на яичко). Когда въ «груди колотье стоитъ», то пьютъ грудной чай, натираютъ грудь свѣчнымъ саломъ, мозгами № 22.

Насмока (насморкъ). Носъ смазываютъ свѣчнымъ саломъ; нюхаютъ потныя стельки, онучи; прежде «садились на сѣрянки».

Удушье. Крестьяне, страдающіе удушьемъ, пьютъ отв. № 34, настой № 130, настойку калгана, инбиря и большинство средствъ, употребляемыхъ отъ кашля.

---

54. Раны. Слово «рана» извѣстно сибиряку; этому слову придаютъ общее значеніе, подводя подъ него какъ болѣе или менѣе глубокіе слѣды, остающіеся на тѣлѣ вслѣдствіе порѣза, пролома и т. п. внѣшнихъ случаевъ пораненій, такъ и тѣ виды пораненій, которыя, будучи въ началѣ маловажными, сдѣлались злокачественными, потому что этому благопріятствовали извѣстныя условія [1]).

Лѣченіе чистыхъ ранъ отчасти видно изъ текста—о порѣзахъ. Недоброкачественныя раны заливаютъ горячо растопленнымъ соленымъ свинымъ саломъ и прижигаютъ тою-же мазью, что употребляется отъ зуда (№ 57). Черви изъ ранъ выводятъ скипидаромъ или присыпками толченыхъ корней черемицы и прикрыта.

О ранкахъ и ранахъ отъ ожоговъ, послѣ занозъ, отъ нечаяннаго укуса собаки, отъ укушенія бѣшенымъ животнымъ, змѣи—см. по соотвѣтствующимъ текстамъ.

55 Рожа. Красное сукно, натертое (съ наговоромъ) мѣломъ, подогрѣвается слегка и тепленькимъ прикладывается на рожу; опухоль очерчивается съ наговоромъ же.

Лѣченіемъ рожи занимается старая дѣва Ал. Вас. Ананьина.

56. Смёртна боль. Такъ называется водянка, потому что медицинскія средства, какими располагаетъ крестьянство, оказываются недѣйствительными противъ нея. Кто заболѣетъ ею (особенно въ старину), тотъ считается обыкновенно не жиль-

---

[1]) Когда употребишь, бывало, въ разговорѣ слово «рана», то приходилось слышать со стороны шутливый переговоръ,—«не рано, а поздо».—Сами ужурцы избѣгаютъ произносить это слово, можетъ быть, изъ-за нежеланія, быть «поднятымъ на смѣшки» ради нѣкотораго созвучія его съ подходящимъ нарѣчіемъ—«рано»; или, можетъ статься, въ силу свойственной вообще крестьянамъ привычки вдаваться въ подробности при передачѣ видѣнныхъ или слышанныхъ происшествій. Если спросить любаго изъ нихъ, отчего у него рука или палецъ завязаны? Онъ непремѣнно отвѣтитъ, что «рука болитъ», «палецъ болитъ». А что? «Порѣзалъ, дескать, козванки сшибъ, напоролся»... Далѣе, не ожидая, большею частью, детальныхъ разспросовъ, разскажетъ, какъ это случилось, когда, при комъ и какихъ размѣровъ порѣзъ и т. п.

цомъ на бѣломъ свѣтѣ.—«Чево лѣчить-то? Онъ, молъ, въ смёртной боли лежитъ»,—сокрушенно говорится. «Какой я ужъ жилецъ»!—повторяетъ за окружающими самъ больной, проникнутый одною съ ними безнадежностью. Наконецъ, предоставленный самому себѣ, онъ какъ-то окончательно стихаетъ въ ожиданіи «смёртнаго часу», изрѣдка жалуясь на то, что тотъ не спѣшитъ прибрать никому ненужный полутрупъ.

Такъ было, напр., съ женой ужурскаго крестьянина Прохора Ананьина, которая хворала брюшной водянкой... Тяжело было видѣть эту страдалицу, мать пятерыхъ дѣтей, которая по своему положенію жены зажиточнаго крестьянина, имѣющаго большой домашній «заворотъ» (хозяйство), обязана была (пока хватило силъ) выполнять всѣ домашнія работы. Раздраженный ея болѣзнію мужъ то и дѣло восклицалъ: «Коптишь токо нёбо! Умирала-бы»... «Хозяйство вѣдь у меня, а она какая ужь помошница»,—виновато добавлялъ онъ на замѣчаніе посторонняго.

— Чѣмъ же виновата я?—только и скажетъ, бывало, больная.

Да и виноваты-ли оба?—Послѣ смерти она почернѣла и распухла. Едва нашлась сердобольная старушка, которая взялась «обрядить» умершую. Это была «бабушка (Дёмиха)» (Кокорина).

Противъ наружныхъ опухолей при водянкѣ дѣйствуютъ мазью № 53.

При брюшной водянкѣ, будто бы, помогаетъ масло грибковъ № 35. Вообще пьютъ кровавикъ съ водкой, молоко и сыворотку. Теперь обращаются также за помощью къ доктору.

57. Сохнетъ и трескается кожа на рукахъ. См. припарки изъ бархатника.

58. Страхи. «Повидится что въ снѣ либо на яву, чего испужашься, такъ нападетъ на тебя «страхъ»: куда не пойдешь, все будетъ чудиться чужой голосъ, либо преставленья всяки дѣлаться» Ужурская волость. Лѣчатъ наговорами (См. №№ 1, 10).

59. Струпья. См. оспа, золотуха, ожоги.

60. Сухой надавъ (мозоли). «На рукѣ натрется мозоль, проколишь острымъ чѣмъ, выдавишь воду, онъ и засохнетъ; кожу только не сдирай—дурѣть будетъ» Ужурская волость.

Сухіе мозоли на рукахъ считаются въ крестьянствѣ лучшимъ доказательствомъ «рабочаго человѣка», и потому остаются до самой смерти работника.

Сухіе надавы на ногахъ, распаривъ въ кипяткѣ, вырываютъ, вырѣзываютъ или выжигаютъ ѣдкими веществами.

61. Сыпи.

Восца. «Сперва зудъ быватъ на нижнихъ частяхъ рукъ или ногъ, потомъ короста наростатъ. Дѣлатся оттого, что станешь босою ногой, либо возьмешься рукой за то мѣсто, гдѣ вертѣли веретешко либо ухватъ». Ужур. вол.

Восцу прижигаютъ нагрѣтой пяткой веретешка и нагрѣтымъ обрубочкомъ мерзлаго тальника.

Если восца появится у женщины, дѣвочки-ли, то водятъ въ свиной котухъ (хлѣвъ) и ставятъ на то мѣсто, гдѣ помочится свинья.

Заѣды. Короста въ углахъ губъ (афта). Думаютъ, что заводится отъ нечистаго содержанія рта и губъ. Вытравляются прикладываніемъ соли, смоченной слюной.

Зудъ. Бываетъ какъ слѣдствіе восцы, чесотки, имѣнія площицъ. Зудящія мѣста смазываются мазями № 57.

Короста. См. мазь е) № 65.

Летучій огонь. Причикивается огнивомъ, какъ это дѣлаетъ Ал. А-на (наговоръ № 7) или указываетъ Ос. К-въ (наговоръ № 18).

Лихіе пальцы. Такъ называетъ Ал. Т-ва извѣстную среди ужурцевъ расперстицу.

«Отъ привязанной лягушн, говорить она, жаръ утолятся и ломота утишатъ». Далѣе изъ указанныхъ ею средствъ лѣченія лихихъ пальцевъ слѣдуетъ отмѣтить мазь № 58 и щелокъ, приготовляющійся по способу, указанному въ № 67, I от. Сборника.

«Я 25 недѣль маялась лихими пальцами и этимъ щелокомъ въ недѣлю зажила»,—добавила въ заключеніе Т-ва.

Лишай. «Если станешь на кружокъ, оставшійся отъ мокрой кадочки или ведра—получишь лишай». Ужурск. вол.

Лишай относится къ «переходчивымъ» (заразнымъ) болямъ, какими бываютъ большинство сыпей; онъ признается только въ двухъ видахъ.

Мокрый лишай. Лѣчится наружными: мазью № 89, дегтемъ № 78, водой № 14 (VIII отд.), водой изъ подъ мокрой чашки, стакана, потомъ съ коня, остаткомъ изъ-подъ точила, чернилами; іодомъ стали прижигать; обращаются иногда къ фельдшеру.

Сухой лишай. Имѣющихъ его водятъ въ свиной котухъ, берутъ изъ-подъ спящихъ свиней солому и ею проводятъ нѣсколько разъ по лишаю (безъ всякаго наговора),—«пройдетъ лишай», говоритъ Ал. Т-ва.

Мажутъ овечьей сцяцой.

Призоры. «Красны пятна на лицѣ» (мятеусы). Появленіе ихъ приписывается «людскому напуску» (напущено, молъ) и т. п.

Мажутъ пятна потомъ съ окна, масломъ и мыломъ (съ наговоромъ).

Прищи. Отдѣльные прыщики скоро присыхаютъ, если прикладывать нагрѣтую отымалку.

Расперстица. Въ кисти руки, говорятъ, ощущается жаръ и ломота; кожа между пальцами краснѣетъ, становится потомъ припухлою, съ замѣтными неровностями въ видѣ водянистыхъ волдыриковъ, которые лопаются и истекаютъ гноемъ, имѣющимъ непріятный запахъ; волдырики передвигаются отъ пальцевъ вдоль руки и оставляютъ послѣ себя злокачественные струпья, вмѣсто разрушенныхъ частей ткани.

Если сразу обратить вниманіе, можно вылѣчится отъ расперстицы землей. Ее берутъ промежъ кольевъ остожья, смѣшиваютъ съ дрождями и прикладываютъ снаружи. Зная относящійся сюда наговоръ, можно значительно усилить хорошее дѣйствіе такой земли на расперстицу. (?) Н. А-на.

Лѣпятъ также деготь, сочащійся изъ скважинъ ступицы колеса.

См. лихіе пальцы.

Чесотка. Помогаютъ наружныя: мази—a, b, c, d № 65, груздяной разсолъ и наваръ лютика, также «наземная вода» (VIII отд.).

---

62. Тронуться умомъ (помѣшательство). При буйномъ помѣшательствѣ, если оно не смѣнится тихимъ, не закончится скорою смертью, больнаго держатъ на цѣпи.

При тихомъ помѣшательствѣ пробуютъ отчитывать наговорами и отпаивать травами. Такъ, напр., ужурская жительница Добровольская указывала Ал. Ананьиной на «бѣлоголовникъ изъ подъ снѣга», отъ навара котораго у ея невѣстки, страдавшей тихимъ помѣшательствомъ, будто-бы, «шумъ утишалъ въ головѣ и мысли становились яснѣе». Затѣмъ, если «свои средства» не улучшатъ умственное состояніе такого «тронувшагося умомъ», на него перестаютъ обращать вниманіе. Онъ переходитъ въ разрядъ «дурачковъ» и оставляется на волѣ, въ кругу своей семьи, кормясь остатками обѣдовъ и донашивая обноски одеждъ своихъ домочадцевъ.

63. Убожество. Этимъ терминомъ народъ обозначаетъ существующіе виды внѣшнихъ и внутреннихъ органическихъ недостатковъ человѣка, относя сюда «тронувшихся умомъ» (тихо помѣшанныхъ), отъ природы «недостаточныхъ умомъ»

(юродивые), «слѣпыхъ», «увѣчныхъ», «культяпыхъ» и т. п. калѣкъ, кто имѣлъ несчастье сдѣлаться таковымъ уже въ извѣстный періодъ своей жизни.

64. Увѣчья и ушибы. «Конь ли ушибетъ, внутри ровно что оборвется» и т. п. случайныя нарушенія здоровья отъ насильственныхъ внѣшнихъ причинъ—правятся и лѣчатся своими «дукторами».

Дается внутрь кровавикъ съ водой или водкой—«кровь расшибать», настойка каменнаго звѣробоя, наваръ уразной травы. При опухоляхъ снаружи мать-мачиха, подорожникъ, припарка изъ травы № 85, настойка березовой почки.

65. Угаръ. Сильно угорѣвшихъ «отрясаютъ», поятъ усиленно чаемъ, въ уши кладутъ ягоды свѣжей клюквы. Слабо угорѣвшіе не принимаютъ большею частью никакихъ мѣръ—«отлежишься, молъ, только».

66. Укушеніе дурной собаки, волка и т. п. животнаго. Въ такомъ случаѣ родственники или знакомые укушеннаго «ходятъ по міру и собираютъ ради Христа 40 кусочковъ», которыми кормятъ больнаго; либо такимъ же путемъ набираютъ 40 иголокъ, опускаютъ въ воду (съ наговоромъ) и поятъ ею.

Въ деревняхъ Больше-Имышенской и Сютикѣ въ большомъ употребленіи травы №№ 104 и 105. Своими лѣкарственными свойствами, какъ утверждаютъ, онѣ парализуютъ дѣйствіе яда бѣшеныхъ животныхъ.

Раны прижигаютъ горячимъ желѣзомъ.

67. Укушеніе змѣи. Предполагается, что змѣя—«гадъ»,—ужаливъ когонибудь, тотчасъ же «бѣжитъ въ воду, жальцо полоскать». И вотъ, если успѣешь попасть въ воду ранѣе гада, дѣйствіе ея яда пріостановится само собой—«гадина же пропадетъ».

Стараются убить укусившую гадину, а получившееся отъ нея «мокрецо» прикладываютъ къ ранкѣ. Прижигаютъ горячимъ желѣзомъ. Употребляютъ внутрь и снаружи траву змѣевикъ.

Очень часто можно услышать отъ крестьянъ утвержденіе, что змѣи нерѣдко «заползаютъ въ нутро человѣка», особенно, если онъ имѣетъ привычку спать съ открытымъ ртомъ. Въ такихъ разсказахъ почему-то всегда фигурируетъ женскій полъ; съ нимъ какъ-то чаще происходятъ подобныя невѣроятныя событія. (Истерія, пр. ред.)

Проглотившихъ змѣю слѣдуетъ тотчасъ же, не говоря о томъ ни слова, поить мочей сильно перепоченной лошади (обязательно вспотить) или везти домой. Жарко натопить баню. Увести туда. «Наздавать пару», чтобы «смогчи только вытерпѣть». Заставить во что бы то ни стало пропотѣть какъ слѣдуетъ и тутъ же выпить сколько-то березоваго дегтя или парнаго молока,—«гадина выползетъ изъ нутра».

Вообще же, чтобы избавиться отъ подобнаго несчастья или укушенія змѣи, слѣдуетъ, ложась спать, обвести вокругъ ложа «волосянымъ ужищемъ»: змѣя не любитъ его и не приблизится къ тебѣ» Ос. Клейменовъ.

«Змѣи отдаляются отъ мѣста (балагана, напр.), гдѣ хотя одну изъ нихъ живьемъ сожгутъ», Ужурск. вол.

68. Уродство. Не приходилось какъ-то видѣть интересныхъ случаевъ уродства.

69. Уроки. Неудача въ дѣлахъ, поѣздкѣ и т. п., появленіе призоровъ на лицѣ, младенческое, безсонница и многое другое, общее недомоганіе, отчасти сходное съ состояніемъ нездоровья отъ «озѣва» и совпадающее съ моментомъ столкновенія съ «недобрымъ человѣкомъ»,—объясняются довольно простою и потому всѣмъ понятною причинностью, тѣмъ что «щурочили» и т. п.

Эта предубѣжденность народа противъ такъ называемыхъ «недобрыхъ людей» и вѣра въ ихъ неотвратимо злую волю, все и вся урочащую, вытекаютъ, мнѣ думается (можетъ также просто, какъ и самому народу?) изъ извѣстнаго состоянія мнительности, какою бываютъ одержимы нѣкоторыя натуры, какая обусловливается слишкомъ развитымъ воображеніемъ и излишней раздражительностью мозговыхъ нервовъ.

Мнѣ лично приходится наблюдать подходящій типъ дѣвочки, одержимой въ достаточной степени такого рода мнительностью,—«урочливостью», какъ объясняетъ ея мать предрасположеніе своей дочери «хворать съ каждымъ».

70. Цвѣтъ-свѣтъ. Цвѣтъ и свѣтъ синонимы. Произношеніе ихъ зависитъ отъ выговора.

Цвѣтной, свѣтной—иначе припадошной говорится и въ томъ случаѣ, когда цвѣтъ является застарѣлой, хронической болѣзнью—падучей—съ періодически повторяющимися припадками, и тогда, если ребенокъ или взрослый подвержены бываютъ подобнымъ припадкамъ спорадически подъ вліяніемъ момента испуга, дурнаго извѣстія, чрезвычайныхъ обстоятельствъ и т. п.

«Цвѣтъ бьётъ»—«свѣтъ бьётъ»—выраженія, обозначающія собственно припадки падучей, родимчика. «Свѣтъ бьётъ» младенца, что случается въ зависимости отъ родимчика—младенческаго, кочергушки. «Цвѣтъ бьётъ» беременную и родильницу когда «испужатся, либо бередятъ брюхо». «Цвѣтъ бьётъ» вообще взрослыхъ при падучей, происхожденіе которой приписываетъ «порчѣ» и пьянству.

Въ началѣ развитія падучей, какъ и въ прочихъ случаяхъ разнообразнаго проявленія «цвѣта», отпаиваютъ травами съ подобающими наговорами, принаровленными къ тѣмъ или инымъ обстоятельствамъ, которыя вызвали собой припадокъ (напр., урокъ, порча и т.п.). Такъ даютъ внутрь плакунъ всѣхъ трехъ сортовъ и кормятъ сабуромъ, поятъ отваромъ № 23, наваромъ №№ 30, 42, 62, сборомъ № 139, настойкой арцы и окуриваютъ ею. Если припадки переходятъ въ хроническіе, то всякое лѣченіе считается безуспѣшнымъ и больной оставляется въ покоѣ.

71. Цынга. При ней усиленно ѣдятъ лукъ, чеснокъ и черемшу. Предупреждающими средствами будутъ отчасти большинство «съѣдобныхъ» растеній.

«Бергалы», или иначе пріисковые рабочіе сосѣдней тайги, лѣчатся отъ цынги пихтовымъ спиртомъ, частыми пріемами бань, паровыхъ ваннъ изъ пихты и т. п., «лишь бы пробиться до времени появленія черемши». Съ нею и самое лѣченіе подвигается быстрѣе и почти всегда заканчивается полнымъ выздоровленіемъ. Разсказывали рабочіе, что «безнадежно больныхъ цынгой пріисковыя компаніи Ачинской тайги обыкновенно вывозятъ непосредственно на мѣста произрастанія черемши. Тамъ, въ сколоченныхъ на скорую руку шалашахъ, съ небольшимъ запасомъ хлѣба, безъ призора и ухода, больные, ползая на «четвереинькахъ», собираютъ черемшу и ѣдятъ «безутышно». Такимъ путемъ зачастую «выхаживаются» (выздоравливаютъ), затѣмъ возвращаются, уже стоя на ногахъ, къ своимъ хозяевамъ или расходятся по домамъ.

72. Чахотка. Пьютъ яманье молоко и парное коровье, причемъ слѣдуетъ, говоритъ Ал. А-на, «подоивъ корову, немного погодя идти доить опять и уже молокомъ послѣдняго удоя пользовать чахоточныхъ».

Кумысъ, «грибки въ бутылкахъ» (должно быть изъ аптеки) пьютъ въ нашемъ мѣстѣ, говоритъ Л. Кокорина. Особо она рекомендуетъ поить спиртовой настойкой дорогой травы.

«Ею поила я чахоточнаго, хворавшаго уже семь лѣтъ; отъ нея скоро уничтожилась кровавая харкотина и стало позывать на ѣду, такъ что съѣдалъ, бывало, по горшечку молочной кашки (изъ гречихи и проса варила).. Все же умеръ».

Какъ отхаркивающее рекомендуется сахарная вода.

Ѣда должна быть всегда прѣсная.

Болѣзнь относится къ заразнымъ.

73. Шипица. «Наростаетъ отъ занозы въ тѣло иглы шипишнаго цвѣта».

Шипицу выжигаютъ. Замѣтивъ первую появившуюся шипицу, втыкаютъ въ не остріемъ булавку, предварительно нагрѣтую на свѣчи или угролькахъ: «шипица почернѣетъ и засохнетъ, съ нею и остальные засохнутъ». Н. А-на.

Примѣняется также острая водка., сѣра горючая, которая зажигается на «раскопанной» чѣмъ острымъ шипицѣ.

74. Язва. «Язва», «язви тебя»—обще-сибирскія ругательства.

Подъ словомъ язва разумѣютъ гнойные провалы, образующіеся на тѣлѣ самостоятельнымъ путемъ, которые «мясо объѣдаютъ и кости лущатъ».

Къ язвамъ самостоятельнаго происхожденія относятся: язвы опасной боли, язвы на грудяхъ, язвы мокраго волоса, костная язва. змѣевца, золотушныя язвы.

Лѣченія см. по соотвѣтствующимъ текстамъ.

75. Языкъ болитъ. Смазываютъ посредствомъ перышка мазью № 64.

При худой боли употребляютъ мазь № 66.

ОТДѢЛЪ II.

Народное акушерство.

(Указанія Ал. Аф. Ананьиной) [1]).

Не мудрено, что ты вянешь до времени,
Все выносящаго русскаго племени
Многострадальная мать!

Некрасовъ.

I. Роженье.

Поноситъ брюхо. У беременныхъ бываютъ прихоти въ пищѣ. Кто мясо перестаетъ исть, кто рыбы желатъ либо чего другаго. Ежели не по желудку съисть въ это время, случатся рвота и круженье въ головѣ. Тогда сказываютъ, что така-то, вотъ, поноситъ брюхо.

Поноситъ брюхо начинаютъ разно: инымъ случатся на 1-мъ мѣсяцу беременности, други на 2-мъ, либо на третьемъ мѣсяцу поносятъ. Ины вовсе не поносятъ брюха.

Котора баба прихотничать начинатъ, стало быть она забеременила.

Когда въ тяжестяхъ (беременной) похудатъ сильно, ожидать надо, сказываютъ, мальчика; при средственной худобѣ ея,—родится, будто, дѣвочка.

Какъ узнать время роженья? Наши бабы сами не знаютъ время, когда имъ родить. Которы не поносятъ брюха, даже не чувствуютъ часто своей беременности до той поры, пока не укажетъ на это грудне дитё: оно само бросатъ тогда сосать грудь. Ины, особливо у кого брюхо не растетъ какъ-то, такъ и проходятъ до самаго послѣду, когда ужъ станутъ взнимать муки.

Бабушки тоже не могутъ узнать время роженья. Ихъ зовутъ уже тогда, когда станетъ брюхо взнимать, роженица почувствоватъ муки. Бабушка приходитъ и правитъ животъ. Если котора видитъ, что робенокъ повернулся въ утробѣ, либо спустился въ паха, та растиратъ животъ и даетъ питье изъ травы чиръ: отъ него робенокъ подыматся кверху.

Роды не равны бываютъ. Одна обмиратъ при этомъ, у другой голову обноситъ,—все зависитъ отъ младенца. Родить намъ приходится стоючи на ногахъ или на колѣняхъ. Той женщинѣ, у которой голову обноситъ (кружится голова), трудно родить: ей ложиться надо; а лежа у насъ никогда не родятъ,—считатся болѣе тяже-

---

[1]) Указанія эти, составляя собой сущность всего II и III. отд., переданы въ дословномъ изложеніи Ананьиной. Мѣстами они снабжены моими поясненіями и заключительными словами, которыя отдѣлены отъ текстовъ особыми линіями.

лымъ дѣломъ. Бабушки заставляютъ ходить, пока взнимаютъ муки; а приспѣтъ часъ родить, заставляютъ держаться за стулъ, за заборъ печки, либо за друго чего. Какъ стоишь на ногахъ или на колѣняхъ, такъ Богъ и проститъ,—родишь.

Покуда муки взнимаютъ, бабушка намыленными руками растиратъ животъ и бока. Когда покажется пузырь, она прощипатъ его и младенца принимать на руки: стоишь, вѣдь, на голомъ полу; успѣшь подослать каку тряпицу—хорошо, а то и такъ ладно; не всяка бабка позаботится объ этомъ.

Подмывать передъ роженьемъ, какъ это дѣлатъ кушерка (акушерка), никогда не станутъ: это значило бы галиться (смѣяться) надъ роженицей.

Меня какъ стало взнимать (ходила тогда малой дѣвчушкой), я принялась подмывать полъ, сѣльницы двѣ насѣяла муки: Богъ простилъ—легко. Такъ и бабушки совѣтуютъ дѣлать.

Если Богъ не дастъ скоро. Когда долго муки идутъ, шибко брюхо вздымать, а младенца все нѣтъ, бабушки заставляютъ ходить по избѣ, трутъ животъ, подымаютъ кверху младенца, для чего пальцами обѣихъ рукъ сильно поглаживаютъ по брюху, начиная пониже пупа; поятъ покупной гвоздичкой, спориной и воробьинымъ сѣменемъ кормятъ, парятъ и правятъ въ банѣ [1]). Ежели ничего не помогатъ, зажигаютъ страстны или вѣнчальны свѣчи, просятъ отворить царски врата, молебны служатъ. Кто трудно родитъ, все равно что помиратъ; роженица въ такомъ случаѣ прощатся съ мужемъ, дѣтьми и родней.

Мужъ, если случится дома, иногда находится при роженицѣ и помогатъ ей самъ или вмѣстѣ съ бабушкой. При трудномъ роженьи ему безпримѣнно надо быть дома, чтобъ проститься съ женой, или лежать въ то время, когда жену заставятъ перешагивать черезъ его ноги. Въ такомъ случаѣ его отрываютъ даже отъ полевыхъ работъ.

Мужа тяжелаго для роженья, который какъ-бы дѣлатъ поконъ труднымъ, либо портитъ роженицу и новорожденнаго, устраняютъ отъ родильницы, а то и вовсе отъ дому усылаютъ. Проститься же допускаютъ.

Если женщинѣ приспѣтъ часъ родить, и вѣсть о томъ сейчасъ разнесутъ по сусѣдямъ,—она трудно родитъ, долго муки идутъ, поконъ трудный бывать. Отъ этого намъ слѣдуетъ удаляться куда-нибудь, сказавшись матери, либо кому другому близкому, кто не разболтатъ.

И на самомъ дѣлѣ роженицы уходятъ родить въ особую комнату, баню, хлѣвъ, словомъ, въ какое либо отдѣльное помѣщеніе, слѣдуя приблизительно слѣдующимъ обычнымъ положеніямъ. Во 1-хъ) чтобы предупредить возможность преждевременной огласки предстоящихъ родинъ: «меньше народу знать, говорится, легче родить, больше узнать, не скоро Богъ проститъ». Во 2-хъ) «стыдно людей, особливо мужиковъ и дѣвицъ («дѣвушкамъ, ины думаютъ, и не слѣдуетъ знать, что ожидатъ ихъ въ женахъ»—говоритъ Ананьина); «отъ бабъ—на что своя сестра—и то подчасъ уходишь, чтобы меньше было свидѣтелей твоихъ мукъ, особливо при первыхъ родахъ», когда большинство молодыхъ родильницъ, не успѣвъ еще освоиться съ тѣмъ, что происходитъ съ ними во время родовъ, «самихъ себя боятся». Въ 3-хъ) «чтобы избѣжать самой и сберечь свое дите отъ худаго глазу урочливаго человѣка, который, извѣстно, ни за что испортитъ мать и новорожденнаго». Въ 4-хъ) «чтобы не марать въ избѣ» и т. д.

«Въ банѣ, особенно черной и протопленной къ тому же, трудно родить, но при долгихъ мукахъ бабушки нарочно топятъ ее, парятъ и правятъ въ ней родильницу»—говоритъ Ананьина.—Но баня или хлѣвъ, какъ крытыя помѣщенія, все же хотя нѣсколько предохраняютъ роженицу и новорожденнаго, положимъ, отъ «вѣтрянаго пере-

[1]) См. сочин. м. Ѳ. Кривошапкина—«Енисейскій округъ и его жизнь», т. II, гл. I, стр. 6, § 3.

лому» (простуды). Находясь же при жилыхъ помѣщеніяхъ, даютъ возможность пользоваться услугами повитухи и облегчаютъ переходъ въ жилье.

Но бываетъ хуже. Сельско-хозяйственныя условія вынуждаютъ крестьянокъ исправлять полевыя работы не только во время своей беременности, но и тогда, когда чувствуютъ себя «на взносяхъ». Эта необходимость, въ связи съ общимъ неумѣньемъ опредѣлять время родовъ, а также семейныя причины заставляютъ роженицу оставаться на полѣ до «послѣдняго часу». Когда ужъ «почнутъ муки взнимать», тогда ее, чтобъ «въ телѣгѣ не затрепало», посадятъ верхомъ на коня и отправятъ въ деревню.

Смирная лошадь, не понукаемая наѣздницей, едва плетется, поводя ушами и отфыркиваясь отъ назойливаго «гнуса» (мошки и т. п. насѣкомыхъ). Каждый шагъ ея нестерпимой болью отдается въ животѣ и поясницѣ ѣдущей. Она дѣлаетъ попытку ускорить ѣзду, хлещетъ поводомъ «вершню»; но лишь потрусила та, животъ наѣздницы «шибчѣе запохватывало», и муки усилились. «Вернуться-бы на станъ»:—подумываетъ она. Дергаетъ поводъ, но безсильныя руки не въ состояніи повернуть лошади. И сама вся словно разваренная: голову обноситъ, въ ушахъ звонъ стоитъ, въ глазахъ темные круги ходятъ, сознаніе притупилось. Лошадь уже успѣла пройти полпути и вышла на торную дорогу. Березнякъ въ этомъ мѣстѣ далеко отодвинулся и потянулась степь.—«Ахъ, батюшки, смёрточка моя»! только успѣла вскричать ѣхавшая и кубаремъ свалилась съ вершней. Лошадь остановилась и принялась сосредоточенно пощипывать траву, гдѣ женщина въ нестерпимыхъ мученіяхъ родила сына. По близости—ни одной живой души. Придя въ сознаніе, роженица заботливо перевязала ленточкой отъ фартуха родившемуся пупокъ, перегрызенный ею, новорожденнаго подобрала въ фартукъ, бережно положила у груди и, прикрывъ полами шабура [1]), высоко перепоясалась; затѣмъ кое-какъ добралась до вершней и едва вскарабкалась на сѣдло. Лошадь опять зашагала. «Какъ ослабла! такъ вотъ и легла бы, кажись»,—думалось матери, съ тоской взиравшей на показавшееся передъ ея затуманенными глазами родное село. Стало знобить; она продрогла. «На печь бы»... Ознобъ тутъ смѣнился жаромъ, который повергъ ее въ дремоту.—Какъ спустилась съ горы, какъ проѣхала паскотину и не утеряла сына, какъ вошла въ избу, баба уже не помнила. Пролежала въ постели очень долго; сынокъ едва оправился.

При такихъ, напр., условіяхъ «растряслась» жена С. Ананьина сыномъ-Корниломъ. Мѣсто рожденія его—горный хребетъ съ восточной стороны—съ тѣхъ поръ зовется «Корнюшинымъ».

Если мѣсто не вышло. Пока его нѣтъ, пуповину не отрѣзаютъ. Перестанетъ брюхо вздымать и, Богъ дастъ, плодъ выйдетъ и мѣсто, пуповину отрѣжутъ. Если краски пройдутъ, а мѣсто не выходитъ, заставляютъ въ бутылку дуть, чтобы силы давать; это шибко мучительно. Не пособлятъ,—привяжутъ отрѣзанную пуповину за оборку (веревочку) чирка (обувь), а роженицу оставляютъ въ постели: кишка не утянется, Богъ дастъ, т. е. мѣсто выйдетъ.

Быватъ, однако, роженица лежитъ это съ привязаннымъ чиркомъ день—другой, а мѣсто все не выходитъ. Оно, говорятъ, приростатъ къ нутру. Кто знатъ, отчего случатся; только бабушки сказываютъ, будто это дѣлатся, ежели травы пьешь, когда ходишь тяжелой. Вотъ тутъ женщинѣ жива смерть.

У Николая Стрицинскаго бабы мѣсто не вышло, приросло, значитъ, къ нутру. Когда тянули за пуповину, всѣ кишки, сказываютъ, тянулись. Баба помучилась сколько-то и померла. Отъ той же причины померла и жена С. Ѳ. Злотникова.

Если перепонки мѣста не выходятъ. Что дѣлать не знаю: не доводилось ни у самой, ни у другой видѣть.

Неправильны роды. Если бабушка видитъ, что робенокъ лежитъ въ утробѣ неправильно, поперекъ что-ли, то направлятъ его тѣмъ, что растиратъ животъ руками.

[1]) Верхняя одежда, вытканная изъ посконной и суконной пряжи.

Когда идетъ младенецъ ножками или ручкой,—тянутъ; а больше ничѣмъ не могутъ помочь, и, если Богъ не проститъ, роженица помиратъ.

Случатся воды прольются, а младенецъ, высунувшись изъ родовъ половиной головки или по шейку, остановится; тащатъ рукамъ, да толку мало бывать.

Жена М. Сургутскаго померла въ такихъ мукахъ,—не принесла.

Сухи роды. Малы родовы крови и водъ когда нѣтъ. Отъ этого тяжелѣй родятъ. Мнѣ думатся, что водъ не бывать потому, что пузырь пропукнетъ (прорвется) еще во время мукъ, а роженица не смекатъ, что надо утруждать себя, надыматься, силы давать. Бабушки-то, когда прощиплютъ пузырь, велятъ надыматься; ну, понатужишься, и Богъ проститъ.

Краски не бывать у иной дня два-три; черезъ то роженица долго хворатъ. Вызываютъ краски наварами №№ 78, 121, 182, хмелемъ и отварами №№ 83 и 116.

Худо-ли, хорошо—прощипывать пузырь? Вѣрно говоришь, что надо прощипывать пузырь. Когда водъ нѣтъ у роженицы, трудны роды бываютъ. Я, вотъ, принесла дѣвочку безъ бабушки; пузырь вышелъ, самъ лопнулъ; ну и роженье было тихое и боли особенной не чувствовала. Съ бабушкамъ же бьешься до пристали. Случатся, бабка прощиплетъ пузырь до время, воды прольются безъ нужды и робенокъ станетъ въ родахъ.

Смѣртны ключи красокъ. Иногда до и послѣ выхода младенца у родившей вдругъ хлынутъ ключемъ краски изъ родовъ,—это у нея смёртны ключи красокъ открылись, сказываютъ. Пріостановить ихъ не могутъ наши бабушки. Роженица исходитъ кровью и помиратъ.

Во время роженья у жены Тихона Ананьина открылись смёртны ключи красокъ; въ сутки два ведра набѣжало,—тѣмъ и скончалась.

У второй жены С. Ѳ. Злотникова, котора за полтора года замужества не ходила тяжелой, какъ-то открылись краски,—тѣмъ и померла.

Жена Лавра Соколова умерла красками. Черезъ три недѣли послѣ роженья пошла она на рѣчку по воду: почерпнула ведро воды, нагнулась друго почерпнуть, а у ней хлынули краски низомъ и носомъ. Успѣли какъ-то пріостановить, но ненадолго; стала ее мучить залевища, стала она желтѣть, удушьемъ маяться и скоро послѣ того померла.

Есть бабки, которы заговариваютъ краски,—онѣ перестаютъ хвостать; ну, да мало же этакихъ повитухъ.

Больши воды и крови. Считатся, что при нихъ легче родить. Если ихъ мало было, или вовсе не вышло, то бабушки растираютъ брюхо, даютъ пить разны надобья, чтобы краски прошли и поятъ полевой ромашкой, иначе брюхо вздымать будетъ и болѣтки замаютъ.

Пусто брюхо. У другой бабы, будто, и брюхо не росло, а ее почнутъ муки взнимать, брюхо вздыматъ и все такъ, что словно родить собиратся, а на конецъ того хвощутъ однѣ только краски, да такимъ лепешкамъ, что просто страсть глядѣть. Бывать, что онѣ не проходятъ и въ недѣлю, ну бабушки растираютъ животъ, чтобъ скорѣй прохвостали краски, золотникъ подымаютъ на подтяжки (см. золотникъ—отд. женскихъ болѣзней); а краски пройдутъ, полежатъ и встаютъ. Вотъ и говорятъ, пустымъ брюхомъ маялась.

Бывать это и съ беременными, когда передятъ себѣ брюхо, надсадятся, либо пьютъ надобья, чтобъ выжить робенка.

Надо полагать, что у второй жены С. Ѳ. Злотникова и было то, что называютъ «пустымъ брюхомъ», иначе выкидышъ. (См. смёртны ключи красокъ).

II. Уходъ за роженицей.

Когда Богъ проститъ, бабушка принимать новорожденнаго, кладетъ къ себѣ на руки личикомъ внизъ и легонько потряхивать, дуетъ на головку, пока у роженицы не выйдетъ мѣсто. Рѣжетъ тогда пуповину; младенца кладетъ въ постилкахъ на печь, родильницу на постель и

Прибирать родины.—Смывать воды и крови. Тутъ же вымывать дѣтско мѣсто, завертывать въ чисту тряпицу, идетъ съ нимъ въ подполье, чтобы никто не видалъ, гдѣ и хоронитъ; мѣсто закапывать (съ наговоромъ и безъ него) пуповиной вверхъ, чтобъ дѣти стояли, выживали и росли; а похоронить внизъ пуповиной,—послѣдни примрутъ.

Если родятъ утромъ.—Мать лежитъ до бани; вмѣсто того бабушка моетъ новорожденнаго;

Если родятъ вечеромъ,—подмывать роженицу и младенца купатъ.

Роженицѣ дѣлаютъ три бани. Въ день родинъ (а если это было ночью, то на слѣдующій) обязательно топятъ баню и ведутъ или везутъ туда роженицу, несутъ младенца.

Пока бабушка моетъ его, мать прогрѣватся; послѣ чего бабушка подмывать и ее, моетъ, кладетъ на полокъ внизъ животомъ, паритъ вѣникомъ и читатъ какой либо наговоръ; потомъ правитъ руки и ноги; то по лѣву руку съ правой ногой сгибатъ крестъ-на-крестъ, то праву съ лѣвой: затѣмъ переварачивать на спину и правитъ животъ рукамъ, подымать полотенцемъ плодуху; послѣ всего обмоетъ и оболочетъ. И такъ до трехъ разъ.

Изъ бани выйдешь, ослабнешь страсть.

Лежатъ съ родинъ. По состоянію, либо по семейству глядя. Мужъ участливъ, не понуждатъ на работу, замѣна ли есть,—добрая свекровка или своячина робятъ за тебя,—лежись три и пять дней. У моей матери невѣстки по девяти денъ лежатъ въ постели. Замѣны нѣтъ,—полежишь дня два, на третій уже пріучашься ходить и робить; только остерегашься тяжело подымать.

Пищу ѣшь всяку по желанію и достатку тоже. Въ которыхъ семьяхъ роженицѣ дается первы дни по рюмкѣ водки и масляно стряпаютъ. Ины ѣдятъ мясо и пиво пьютъ; други употребляютъ густой квасъ съ толокномъ, либо рыбный пирогъ; вообче, что найдется въ домѣ, а квасъ и пиво—постоянно.

На перво до принятія пищи кажной роженицѣ даютъ ложку тепленькаго коровьяго масла (особливо, когда зажигатъ у ней на нутрѣ), чтобы животъ отмягчилъ; поятъ желтой ромашкой, чтобъ рѣзей на нутрѣ не было и жаръ уменьшался.

При болѣзненныхъ состояніяхъ родильницы поступаютъ, какъ указано отчасти въ отд. женскихъ болѣзней.

Итакъ при родахъ принято, чтобы помогали бабушки-повитухи. Въ нихъ цѣнятся опытность, умѣнье обращаться съ роженицей и новорожденнымъ, знаніе наговоровъ, оберегающихъ паціентовъ отъ «людскихъ озѣвищей», знаніе лѣчебныхъ средствъ и т. п. На то, что у самой повитухи мало дѣтей, что у нея даже вовсе ихъ нѣтъ, потому что примерли, мало обращается вниманія, хотя предпочитаются все же многодѣтныя; «сама родила ораву дѣтей»—говорится въ защиту основательности знаній своего дѣла той или иной бабушки; живыя дѣти у нея, кромѣ того, служатъ какъ бы ручательствомъ за то, что такая бабушка съумѣетъ поставить на ноги и чужихъ дѣтей, по которымъ она бабничала.

Чтобы дѣвушки или старыя дѣвы занимались акушерской практикой, примѣра мнѣ не встрѣчалось; бабничанье, не основанное на собственномъ дѣторожденіи, на

личной, такъ сказать, практикѣ, не въ авантажѣ въ деревнѣ и само по себѣ признается занятіемъ, не достойнымъ званія дѣвицъ. Также не бываетъ повитухъ изъ дѣвицъ, живущихъ въ незаконномъ сожительствѣ, хотя бы имѣли дѣтей: ихъ не допустятъ бабничать, какъ «дѣвокъ пустоволосокъ» (см. наговоръ №№ 130). Только въ с. Казачинскомъ, Енис. окр., пришлось слышать о бабушкѣ изъ дѣвицъ покрытокъ.

Вдовы живущія въ незаконномъ сожительствѣ, изрѣдка бабничаютъ, и то только тѣ изъ нихъ принимаются, которыя долголѣтнимъ примѣрнымъ образомъ жизни успѣли загладить фактъ незаконнаго сожительства.

Эти немногія положенія, основанныя на обычныхъ и моральныхъ воззрѣніяхъ народа, выражаютъ, такъ сказать, юридическую сторону самобытныхъ, деревенскихъ бабушекъ—повитухъ.

Что касается ихъ профессіональныхъ познаній и раціональности пріемовъ и средствъ, употребляемыхъ ими при акушерствѣ, само собой остается желать очень, очень многаго. Надо, по крайней мѣрѣ, чтобы ихъ замѣнили настоящія повивальныя бабки и патентованныя акушерки; чтобы послѣднія своимъ умѣньемъ, ловкостью, усердіемъ къ дѣлу и внимательно-любовнымъ участіемъ къ страдающей меньшой сестрѣ снискали ея расположеніе, заставили искать ихъ помощи; чтобы такимъ образомъ юридически и фактически были признаны народомъ за своихъ сестеръ и дѣйствительныхъ помощницъ бабамъ и ребятишкамъ, какъ этого удалось добиться, напр., М. Валессюкъ, вольно-практиковавшей въ Красноярскомъ округѣ [1]).

Думается, что ученыя сестры и помощницы деревенскихъ родильницъ, взявъ въ свои руки народное акушерство, съумѣютъ предохранить большинство деревенскихъ бабъ отъ печальныхъ послѣдствій родинъ. Нынѣ же анти-гигіеническія и санитарныя условія деревенскихъ родинъ, допотопные пріемы ухода за роженицей и новорожденнымъ, въ связи съ примитивными взглядами окружающей среды вообще на женщину—усиливаютъ родильныя муки, затрудняютъ поконъ, надрываютъ организмы роженицъ и служатъ часто причиной смерти матери и младенца, или пускаютъ на свѣтъ слѣпенькихъ, калѣкъ и т. п.

III. Уходъ за новорожденнымъ.

Новорожденный лежитъ на печи, покуда бабушка убиратъ родины,

Если младенецъ, послѣ того какъ бабушка приметъ его на руки, не кричитъ и видать будто обмеръ, то держатъ его надъ дымкомъ чахнущей тряпички (тлѣющей), дуютъ въ личико, обливаютъ головку холодной водой.

Если же онъ не нуждается для своего оживленія ни въ одномъ изъ такихъ средствъ, бабушка моетъ младенца въ теплой водѣ, налитой въ сѣяльницу, котору ставитъ на печь; мыломъ намыливатъ и обливатъ такой же водой, снова намыливатъ и обливатъ; правитъ ручки и ножки; затѣмъ обтиратъ, завертыватъ въ подстилки и на подушкѣ кладетъ на печь; дѣлатъ соску изъ ржанаго хлѣба съ сахаромъ. Ревъ нападетъ на него, поятъ желтой ромашкой или жуютъ въ соску; моютъ въ отварѣ мелкой травы.

Вмѣстѣ съ матерью берутъ въ баню, гдѣ бабушка моетъ, правитъ ручки и ножки, прогрѣватъ [2]), выскребатъ изъ ротика слизь листочкомъ вѣника, или выти-

---

[1]) Докладъ п. ч. В. М. Крутовскаго: «Краткій отчетъ о результатахъ вольной практики фельдшерицы М. О. Валессюкъ въ деревнѣ».—Протоколы очередного засѣданія общества врачей Енисейской губ.—№№ 8 и 10-й 1893—94 года.

[2]) Прогрѣвая,— паря,—новорожденныхъ, повитухи нерѣдко хватаютъ черезъ край, по мнѣнію Ананьиной, которая привела слѣдующій случай изъ своей практики. «Принесли разъ ко мнѣ младенца; у него головка, рученки, спинка, ножки водянымъ пузыремъ взялись, а животикъ, гдѣ не парили должно быть, ничего себѣ. Мать говоритъ

рать косою матери (при этомъ читаются наговоры, въ родѣ наговоровъ Палагеи В. Ананьиной или Анны Ананьиной. См. нач. №№ 12 п 15).

Черезъ три дня, недѣлю-ли, однимъ словомъ, когда накопится у матери молоко, новорожденнаго начинаютъ сосить грудью; соску замѣняютъ рожкомъ.

Съ этого времени младенца пеленуютъ; его переносятъ въ зыбку (двойнишны зався спятъ въ одной зыбкѣ, покуль не подрастутъ). Но дѣлается это также съ перваго дня рожденія, когда младенецъ неспокоенъ, кричитъ и будто проситъ байканья (качанья въ зыбкѣ). Въ зыбку мостится подушка либо потничекъ и мягка рухлядь (пришедшая въ ветхость одѣжда и т. п.) поверхъ стелется пеленка, котора мѣнятся,когда робенокъ чишъ сдѣлатъ подъ себя; въ головку кладется мяконька подушечка, вся зыбка сверху закрыватся ситковымъ положкомъ, чтобъ младенца свѣтъ не бралъ, мухи не кусали бы и приходящи не зѣвали на него. Зыбка вѣсится на березовомъ очипѣ (тонкомъ шестѣ), ближе къ ложу матери. Очипъ ладитъ и вѣситъ зыбку отецъ новорожденнаго, либо дѣдушка и кто другой изъ семейныхъ. Примѣта есть, что сколько сучковъ окажется на доспѣтомъ очипѣ, столько въ семьѣ будетъ дѣтей.

Кажна мать разболокать-ли, оболакатъ ли робенка, сказыватъ все—«Господи Iисусе»! «Господи Iисусе помилуй»! и др. что. Пососитъ грудью и положитъ, токо днемъ, на чево нибудь мягко, станетъ «агу»! «гули»! говорить ему, ласковымъ именамъ обзывать, напр., «молено мое дитятко» и пр. и всѣмъ то заставлятъ смѣяться: робенокъ тянется, игратъ и на сонъ пойдетъ; тогда спеленатъ его, перекреститъ своимъ крестомъ (что на груди имѣется), потянетъ за носикъ, будь здоровъ, молъ (друга еще полижетъ до трое языкомъ личико) и тогда уложитъ въ зыбку, сунетъ рожокъ въ ротикъ, подольетъ молока и байкатъ или няньку заставятъ.

На любознательные вопросы малолѣтокъ, откуда у матери взялась маленькая «дитя», говорятъ что нашли подъ листомъ капусты или вынута у нея изъ пазухи и проч. Дѣти-дѣвочки въ своихъ играхъ часто принимаютъ на себя роль матерей и повторяютъ тѣже стереотипныя объясненія, касающіяся появленія «дѣти»; свою «дитю» онѣ пеленаютъ и кормятъ, въ точности подражая старшимъ. Такъ сперва шутя, въ дѣтскихъ играхъ, потомъ въ роли нянекъ, чисто опытнымъ путемъ, дѣвочки пріобрѣтаютъ навыкъ, необходимый для ухода за дѣтьми и усваиваютъ въ тоже время понятія и предразсудки своей среды.

Слѣдуетъ пожелать, что бы для крестьянскихъ дѣвочекъ были открыты школы съ преподаваніемъ педагогики и т. п. обще-образовательныхъ наукъ. Теоретическія знанія освободятъ ихъ отъ этихъ предразсудковъ и сдѣлаютъ въ достаточной степени свѣдущими въ такомъ серьезномъ дѣлѣ, какъ практическое дѣтоводство.

Гороскопическія и другія примѣты и повѣрья относительно дѣтей.

По первому крику новорожденнаго судятъ о его живучести. Крикъ громкій, не рѣзкій, съ нѣкоторыми остановками, свидѣтельствуетъ, говорятъ, о здоровьи ребенка; рѣзкій и безпрестанный указываетъ на то, что уже въ утробѣ матери младенца постигли неизвѣстные болѣзненные припадки, напр., кочергушка, собачья старость и др., присутствіе коихъ оставляетъ подъ сомнѣніемъ жизнь послѣдняго. Если ребенокъ обомретъ, такъ что для своего оживленія потребуетъ спеціальныхъ средствъ, въ родѣ

(будто ей бабка сказывала) что отъ банной притки это подѣялось. Знаю я эту бабку она зався паритъ робятъ, и вижу сама, что пузыри отъ ожоговъ вѣникомъ. Сказала бабѣ это и не стала лѣчить. Не лѣчила и мать. Кожица, когда пузыри пропукнули, слѣзла прочь а на мѣсто того выросла новая.

См. М. О. Кривошапкинъ—II т. гл. § 1.

держанія надъ куревомъ, и т. п. или кричитъ, но слабо, съ продолжительными промежутками, и при томъ тѣльцемъ тощъ, то заключаютъ, что младенецъ или не оживетъ, или умретъ скоро, или вырастетъ чахлымъ, неспособнымъ къ работѣ.

Дитя, скоро научившееся ходить, говорить, бойко въ вопросахъ и отвѣтахъ, шустро въ играхъ и вообще выказываетъ недюжинныя способности и природныя дарованія,—считается нежильцомъ на свѣтѣ: «помретъ,—больно ужъ бойко» и проч., говорится.

Если дитя долго ползаетъ, неувѣренно дѣлаетъ попытки ходить, не умѣетъ вовсе, или плохо говоритъ, въ возрастѣ $1^1/_2$—3-хъ лѣтъ киснетъ (постоянно плачетъ) и тѣломъ пухло, то считается «сыренькимъ, помирущимъ».

Дитя средняго сложенія и способностей—считается живучимъ.

Двойники рѣдко выживаютъ, и явившійся раньше умираетъ прежде, даже въ томъ случаѣ, если придутъ въ возрастъ. Въ с. Усть-Тунгузскомъ, напр., жена кр—на Ив. Зубкова принесла двойниковъ—парней; первенецъ Романъ умеръ, Андрей (родился вторымъ, живъ) и женатъ. Тоже жена кр—на Вл. Серебрякова изъ с. Казачинскаго родила двойниковъ, парня и дѣвочку. Оба выросли; парень ушелъ въ солдаты и умеръ тамъ отъ оспы; дѣвочка же Ульяна теперь сама мать семейства.

Въ томъ же селѣ у М. К. родилось двѣ дѣвочки; старшая умерла тотчасъ же, меньшая же спустя шесть недѣль.

Родившіеся до времени, недоноски, тоже рѣдко выживаютъ.

Родившіеся въ сорочкѣ считаются счастливыми.

Если ходишь на охоту до обѣдни, не разбирая праздниковъ, то дѣти родятся съ родимыми пятнышками. (Изъ зап. кн. П. Пешекерова).

Если ударятъ ребенка въ утробѣ, онъ родится съ родимымъ пятномъ (тамъ же).

Чтобы человѣкъ былъ удалымъ на все, надо дать ему въ возрастѣ 2—3-хъ лѣтъ развязать его узелокъ съ его пуповиной. Ал. Трофимова.

Чтобы дѣвка была зарна на пряжу (охоча прясть и ткать) слѣдуетъ сжечь на чистой сковородѣ первую нитку, спряденную ею, и пепелъ дать слизать со сковороды. (Она же)

Въ крестьянствѣ обыкновенно назначаютъ новорожденнымъ имена тѣхъ святыхъ, которые даютъ большій процентъ дѣтей, остающихся въ живыхъ. Предпочитаются также имена дѣдушки, или бабушки, ибо «ребята живучи бываютъ и сохранятся родово имя». Но семейныя преданія часто нарушаются церковнымъ уставомъ, по которому принято давать имена святыхъ, память которыхъ празднуется въ день рожденія, или крещенія младенца; воспріемники обыкновенно не осмѣливаются заранѣе «обсказать» имени, какое желательно родителямъ. Отсюда частые примѣры того, что двое-трое изъ одного семейства получаютъ одно и то же имя. Это считается неудобнымъ и въ семейномъ общежитіи, такъ какъ вызываетъ много недоразумѣній и непріятностей. Случается, напр., на окликъ родителей отзываются и бѣгутъ разомъ одноименники; тоже и при оффиціальныхъ случаяхъ... Для устраненія такого неудобства крестьяне прибавляютъ къ церковнымъ именамъ термины, относящіеся къ внѣшнему, или внутреннему отличію соименниковъ. Бываетъ поэтому въ одной семьѣ Васютка-большой и Васютка-малый; Дунька-черная и Дунька-бѣлая (по цвѣту волосъ); или Бабайко и Ершишко. (Здѣсь уже прозвища совсѣмъ заслоняютъ ихъ настоящія имена Васютокъ. с. Ужуръ семейство Мамизеровыхъ).

Время Петровокъ и сѣнокоса признается крестьянами самымъ неблагопріятнымъ для дѣтей-малолѣтокъ и весьма губительнымъ для грудныхъ.

Постная пища въ первомъ случаѣ и разнообразная зелень (до которой бабы большія охотницы) во второмъ разстраиваютъ питательныя средства матерей. Къ этому присоединяется неправильность кормленія, такъ какъ кормилицамъ приходится рано уходить и поздно ворочаться съ поля; зато груднымъ дѣтямъ усиленно дается коровье молоко, которое отъ подножнаго корма дѣлается болѣе жидкимъ и вообще менѣе питательнымъ. Все это въ связи съ іюньскими и іюльскими жарами существен-

нымъ образомъ вліяетъ на діету питомцевъ, нарушаетъ регулярность отправленій организма, способствуетъ развитію дѣтскихъ поносовъ и усиливаетъ пагубное дѣйствіе послѣднихъ.

ОТДѢЛЪ III.

Народное кормленіе грудныхъ дѣтей.

(Указанья Ал. Аф. Ананьиной) [1]).

1. Какъ кормить грудныхъ дѣтей? Кормить лучше всего грудью, а сколько разъ,—это глядя по ребенку. Спокойнаго кормишь рѣже; у меня, напр., росли двѣ дѣвочки, такъ до 12 недѣль я никакого безпокойства не знала: покормишь раза 2—3 въ день грудью или съ рожка груднымъ молочкомъ (которое отчиркиваютъ въ чашечку, такъ какъ оно у меня льется изъ груди), перемѣнишь подстилки, переложешь на другой бокъ, лежитъ, млочитъ; ночью тоже покормишь всего раза два. Сынъ росъ, больше хлопотъ доставлялъ—недоносокъ былъ,—все хворалъ какъ-то; чаще приходилось смотрѣть, чаще кормить. Я не кладу робятъ на ночь подлѣ груди, а спеленашь, покормишь и кладешь на особой подушкѣ: ему покойно и сама не опасаешься. Пососивъ ребенка, я не держу его на рукахъ, а кладу на перину, либо подушку на чистой подстилкѣ: онъ тянется, игратъ и на сонъ пойдетъ.

2. Всегда ли можно матери кормить свое дитя? Большею частью не смотрятъ на свое нездоровье, кормятъ грудью. Когда груди забруснутъ (затвердѣютъ), даже нарочно даютъ грудь сосать, чтобы отмякли. Если соски трескаются, все же кормятъ, пока мочи хвататъ. Продолжаютъ кормить, даже будучи въ чахоткѣ или другихъ хворяхъ—до самаго послѣду, т. е. смерти. Разумна мать, то она, замѣтивши у себя хворь, бросатъ кормить грудью и переводитъ на рожокъ. А больше такихъ, что не разбираютъ этого. У насъ невѣстка лежала въ горячкѣ недѣли двѣ; я водилась съ ея дѣвочкой. Днемъ бывало кормишь съ рожка, ночью раза два подносишь къ матери; та лежитъ безъ чувствія, перевернешь ее на бокъ и сосишь дѣвченку... Такъ она и не отвыкла отъ груди, и теперь ничего, Богъ съ ней, жива сейчасъ, растетъ здоровенькая (9 лѣтъ уже).

3. Какъ кормить ребенка безъ матери? Если мать шибко хворатъ и ребенка кормить ей невозможно, или умретъ, то ребенка приваживаютъ къ рожку. Случатся, оставшуюся сиротку соситъ кто-либо изъ родственницъ. Одинъ годъ обѣ невѣстки Федора Ан—на имѣли грудныхъ дѣтей; во время сѣнокосу и страды онѣ понедѣльно оставались дома, и каждая кормила грудью обоихъ ребятъ днемъ, къ ночи же пріѣзжала и другая мать.

4. Какіе рожки и соски лучше употреблять. Твердая въ кипяткѣ, часть дѣтскаго рожка дѣлается изъ коровьяго рога, который вываривается для этого, мягкая часть рожка, предназначающаяся для сосанья, приготовляется изъ «коровьихъ титекъ»: онѣ мягче; «резинковы» же туги—отъ нихъ «грудцу натягиватъ у робенка» (См. от. дѣт. бол.).

«Кажна мать слѣдитъ, чтобъ рожокъ не закисалъ и не сталъ бы цвѣсти въ немъ творожокъ. Для этого кладутъ рожокъ съ титькой въ чашку съ квасомъ и дер-

---

[1]) Изложено по вопросамъ Я. Абрамова.—«Сельско-хозяйственный календарь» 1892 г.

жать такъ всю ночь; не то моютъ порознь то и другое въ теплой водѣ, и одинъ уже рожокъ выжариваютъ на шесткѣ, когда топится печь, либо оставляютъ въ ней не на долго, когда протопится она и немного остынетъ.

Въ соску жуютъ ржаной хлѣбъ съ сахаромъ и даютъ ее робенку первы три дня, а то всю недѣлю и больше, пока у матери не появится молоко. Вообче же соска замѣнятся рожкомъ. Только при семейной бѣдности, когды нѣтъ коровы, дите кормится соской».

5. Когда и какъ нужно прикармливать? Которы сразу прикармливаютъ жваниной (жеваннымъ хлѣбомъ и проч.) недѣль съ трехъ, когда робенокъ начинатъ глуздать (смѣяться): отъ хлѣбнаго грызь на нутрѣ не стоитъ, сказываютъ. Сама я не дѣлаю этого, а кормлю жваниной тогда, когда дите начинатъ хватать за ложку. Жванину подаю съ ложечки. Робенокъ такимъ путемъ скоряя прiучатся исть самъ.

6. Полезны ли соски. На одной груди и соскѣ которо живетъ дите, съ лица бывать похоже на человѣка, тѣльцемъ же худо, ножки и ручки у него также ровно плети. Въ соску не слѣдуетъ жевать мятныхъ пряниковъ и кормить ими не стоитъ: рѣзь на нутрѣ приключатся отъ нихъ.

7. Сколько времени надо сосить ребенка. Сосятъ обыкновенно долго до двухъ и трехъ лѣтъ, примѣрно. Этимъ способомъ думаютъ уберечь себя отъ скорой беременности. Частѝ робята—раззоренье дому и тяжесть матери, по достатку глядя, конечно. Котора каждогодно носитъ робятъ, та отлучатъ отъ груди скоро; точно также когда робенокъ хворый либо такъ надоѣдливой, часто проситъ мать, а той некогда разсиживать, потому что по хозяйству хлопотать много доводится.—Кормить дольше грудью, полагаю, пользительно и для дѣтей: лучше растутъ и здоровеньки бываютъ.

8. Какъ слѣдуетъ отнимать отъ груди. Когда мать забеременѣтъ, ребенокъ самъ бросатъ сосать грудь, хотя бы онъ былъ полугодовымъ; этимъ часто указыватъ матери, незнающей поносовъ брюха (см. от. жен. бол.) на ея беременность. Вскорѣ послѣ того, такъ дите перестанетъ сосать, мать безпримѣнно услышитъ, что у нея шевелится зародышъ.

Если приходится отымать отъ груди ребенка по необходимости, то дѣлаютъ это сразу: щеть, которой чешутъ куделю, кладутъ за пазуху; дите схватитъ ее замѣсто груди и наколетъ рученки; ему больно станетъ, оно расплачется—а ты еще приговариваешь, если ребенокъ толкуетъ (понимаетъ слова): «тамъ (въ пазухѣ) бука, молъ, сидитъ»!.. Другiя бабы намазываютъ соски горчицей...

Груди у матери, отсадившей робенка, сперва нагрубаютъ и ломятъ; тогда отчиркиваешь молоко въ чашку и выливашь къ стѣнкѣ въ подполье̇, чтобы никто черезъ него не ходилъ и солнцемъ не жгло бы; отчиркивать надо не принародно—иначе груди закаменятъ, ломота приключится и чирьями возьмутся.

9. Какъ кормить дѣтей по отнятiю отъ груди. Двухъ—трехъ лѣтъ кормятъ тѣмъ, что сами ѣдятъ.—Дѣти, однако не скоро отвыкаютъ отъ сосанья рожка; иныя ходятъ съ нимъ, съ пустымъ даже, отъ 4 и 6 лѣтъ.

А. Макаренко.

(*Оконч. слѣдуетъ*).

Пѣсни, записанныя въ Енисейскомъ округѣ.

№ 1. Былина про Илья Муромца, Соловья разбойника и обжору хлѣбояднаго

—Еще я ли вамъ, ребята, старину скажу,
Старину скажу—стару прежнюю,
Стару прежнюю—невидимую.
—Какъ у насъ было во честно̀мъ пиру,
Во честномъ пиру—во бесѣдушкѣ—
Во единый кругъ собиралися,
Собиралися—соѣзжалися,
Соѣзжалися—все бога́тыри.
Они думали думу крѣпкую,
Думу крѣпкую—заеди́ную.
Што кому изъ насъ, ребята, атаманомъ быть,
Атаманомъ быть,—эсауломъ—слыть?
Атаманомъ быть, знать, Илюшенькѣ,
Илюшенькѣ, знать, Муромцу;
Эсауломъ слыть, знать Алешенькѣ,
Алешенькѣ, знать, Поповичу.
—Какъ возго́воритъ, ребята, дружинушкѣ
Дружинушкѣ Илья Муромецъ:
«Ой же гой еси!—ты дружинушка,
Ты дружинушка моя хоро̀брая!
Ужъ пойдемъ-ка мы поѣдемъ во великой градъ,
Во великой градъ—ко великому,
Ко великому—князю Владиміру,
Ко Владиміру—Красну Солнышку.
Мы увидимъ, и ребята, диво дивное,
Диво дивное—чудо страшное!
Какъ по этой — сей дорогѣ — тамъ и звѣрь сидитъ,
Тамъ и звѣрь сидитъ, ребята, худой бо̀гатырь;
Не пропуститъ онъ доро́гой ни проѣзжаго,
Ни проѣзжаго, разбойникъ, ни прохожаго,
Ай и вы же, ребята, не убойтеся, —
Это есть не диво, и не дивное;
Это есть не чудо, и не страшное».
—Какъ подъѣхали ребята къ дубу дереву—
Засвистѣлъ злодѣй-разбойникъ во всю голову.
Вынимаетъ братъ-Илюша кулену стрѣлу
И сымаетъ Илюшенько тушу страшѐнную,
Тушу страшенную—богатырскую,
Богатырскую—со сырыхъ дубовъ...
А и тащитъ же онъ тушу богатырскую,
Тушу богатырскую—Соловейкину—
Привязалъ, вѣдь, тушу на добра́ коня.
Какъ пріѣхалъ нашъ Илюшенько,
Илюшенько со дружиношкой,
Со дружинушкой въ дворецъ къ князю,
Во дворецъ къ князю—ко Владиміру—
Ко Владиміру—Красну Солнышку
И челомъ онъ бьетъ князю Владиміру:
«Ужъ ты—гой еси!—Владиміръ князь,
Владиміръ князь, нашъ батюшко,
Принимай-ко, князь, дороги дары,
Дороги дары—Соловья разбойника»!
—Собираетъ тутъ Владиміръ князь,
Владиміръ князь—онъ—великой пиръ;
Созываетъ князь всѣхъ князей-бояръ,
Всѣхъ князей-бояръ, всѣхъ бога́тырей,
Всѣхъ богатырей—на великой пиръ,
На великой пиръ—всѣхъ гостей гостить,
Всѣхъ гостей гостить—ребята—подчивать.
—На пиру была обжора, обжорища хлѣбоѣдная.
И поча̀ла же обжора та ломатися,
Ломатися, похвалятися,
Да предъ тѣмъ ли же Ильей Муромцемъ.
Какъ Илюша тутъ слово вымолвилъ,
Слово вымолвилъ, рѣчь возго̀ворилъ:
«Да и што же ты, обжора, ломаешься!
Ломаешься, похваляешься?!
У попа у насъ была корова волочажная;
По поварнямъ та корова волочилася,—
Оттово этой—сей коровѣ смерть случилася»!
Какъ прогнѣвалась тутъ обжора
На Илюшеньку,—
Начала Илюшѣ пѣть—худо дѣлати.
Не стерпѣвши братъ-Илюша, Илья Муромецъ,
Сымаетъ братъ-Илюша шляпу черную,
Шляпу черную—со головушки.
Онъ и бьетъ ей обжору во всю голову,—
Прошибаетъ та обжора стѣну каменну
Ужъ какъ всѣ гости тогда испужалися,—
«Это што жъ такое солучилося,
Солучилося—приключилося!
Што жъ за диво, братцы, дивное,

Што жъ за чудо, други, чудное»!
Тутъ великой князь—Красно Солнышко—
Поклонъ до земли далъ Илюшенькѣ,
И тому-же-ли Илюшѣ—Ильѣ Муромцу.
«И спасибо же тебѣ Илюша,
Илюша, Илья Муромецъ,
Что избавилъ меня отъ обжорища,
Отъ обжорища, обжоры хлѣбояднаго.

Эта былина записана мной въ 1893 году 15-го сентября буквально со словъ старожила села Рыбнаго—на Ангарѣ — Енисейскаго округа, Пинчугской волости кр. Димитрія Алексѣевича Козырева. По словамъ его—былина «Илья Муромецъ»—была въ большемъ ходу въ его молодые годы—между Рыбинскими крестьянами. Напѣвъ былины мной заученъ и переложенъ на ноты. Онъ (напѣвъ) по своему качеству, не смотря на простоту и безъискуственность, превосходитъ всякія ожиданія.

№ 2. Разбойничьи пѣсни о Стенькѣ Разиномъ и его сынѣ.

Ужъ вы, горы-ли,
Вы, мои горы,
Вы крутыя мои,
Горы Сiёвы,
И Сiёвы вы, горы,
Горы змiёвы.
Вы позволь-ка-те [1]), горы,
Подъ собой постояти,
Подъ собой намъ постояти —
И не годикъ намъ, горы,
Подъ вами годовати;
Што не годикъ годовати—
Одну ноченьку ночевати,
Одну ноченьку намъ ночевати—
Пуль-порòху набирати,
Пуль-порòху намъ набирати —
Пушки-ружья заряжати,
Пушки-ружья намъ заряжати—
Стеньку Разина стрѣляти.
Вы поди-ка-те, братцы-ребята,
На высокую крутую гору;
Посмотри-ка-те, братцы-ребята,
Внизъ по матушкѣ да по Волгѣ.
Какъ на матушкѣ да на Волгѣ
Не черняночки чернѣютъ,
Зачернѣлися на Волгѣ
Легки дубовы стружечки,
Забѣлѣлися на Волгѣ
Тонки бѣлы парусочки.
Не черенъ то воронъ
Въ полѣ воскуркалъ—
Стенька Разинъ слово молвилъ (2),
Слово молвилъ, рѣчь говòрилъ:
«Вы не бейте, братцы, не стрѣляйте,
Пуль-порòху, други, не теряйте!
Ваши пушечки меня не возмятъ,
Мелки ружьицы не хлопнутъ.
Никово я, Стенька Разинъ, не боюся,
Никово я, братцы, не страшуся,
Опричь Астраханскаго городочку.
Въ Астраханскомъ городочку
Живетъ дѣвка Машка [2]).
Ко всему та дѣвка
Меня научила,
Научила, дѣвка, прiучила,—
Съ добрыми молодцами гуляти,
Изъ огнённыхъ ружей стрѣляти.

Записана мной въ г. Рыбномъ—на Ангарѣ—со словъ мѣстнаго крестьянина Дмитрія Козырева въ 1893 г.

№ 3. О сынѣ Стенькиномъ.

Во славномъ было во городѣ—
Во Астрахани.
Проявился тамъ дѣтина—
Незнакомый человѣкъ
И по Астрахани по городу
Похаживаетъ,
Онъ и штабамъ-офицерамъ
Не кланяется;
Къ Астраханскому онъ губернатору
На судъ не-йдетъ,
Онъ на судъ къ нему не йдетъ
И челомъ ему не бьетъ, (3)
Честь-почетъ не отдаетъ.
Астраханскій губернаторъ

[1]) Позволь-ка-те—позвольте-ка.
[2]) По народному преданію—астраханская колдунья.

Началъ спрашивать ево:
«Ты откуль, откуль, дѣтина,
Откуль, добрый человѣкъ?
Да и што же ты, дѣтина,
Не боишься никово»!
«Ужъ я родиной—москвичъ,
Жизнью—Нижній городокъ!
Оттово я не боюся,
Што я Стеньки Разина сынокъ».
Астраханскій губернаторъ
Тогда сердце поимѣлъ,
И велѣлъ ево забрать—
Въ цѣпи крѣпко заковать.
Сынка Разина забрали—
Въ цѣпи крѣпко заковали.

Обѣ пѣсни—о Разинѣ и сынѣ его—записаны въ с. Рыбномъ—на Ангарѣ—со словъ мѣстнаго крестьянина Дмитрія Козырева въ 1893 г.

Объ Ермакѣ Тимоѳеевичѣ и Ванькѣ Кольцѣ.

Какъ далече-далече [1]),
На синіимъ морички—
Не ясны соколы солеталися,—
Собиралися, съѣзжалися
Добрые молодцы.
Они думали-гадали
Думу крѣпкую:
«Што кому изъ насъ, ребятушки,
Атаманомъ быть,
Атаманомъ быть,
Эсауломъ слыть»?
Атаманомъ быть—
Ермакъ сынъ-Тимоѳичу,
Эсауломъ слыть—
Ванюхи, знать, Колечушку.
Какъ возговоритъ тутъ
Добрымъ молодцамъ
Ермакъ, сынъ Тимоѳѣвичъ:
«Еще полно намъ, ребята,
На мори стоять,
На мори стоять, ребята,
Здѣсь разбой держать!
Не пора-ли намъ, ребята,
Отправлятися—
Во тоё же ли
Во матушку—
За добычушкой.—
За добычушкой—
Во Рассіюшку.

Эта пѣсня записана со словъ крестьянина с. Рыбнаго—на Ангарѣ—Дмитрія Козырева въ 1893 году.

№ 5. Объ атамановой полюбовницѣ.

Ты взойди-ко взойди, солнце красное,
Надъ горой—ты взойди—надъ высокою,
Надъ долинушкой—надъ широкою,
Надъ дубравушкой—надъ зеленою!
Обогрѣй ты насъ, добрыхъ молодцевъ,
Сиротъ бѣдныихъ—безпачпортныихъ!
Што повыше то было села Лыскова,
Што пониже села Богомолова,—
Протекала тамъ рѣчка быстрая—
По прозваньицу—рѣчка—Керженка.
Плыветъ лодочка, кленовой стружокъ,
Хорошо-добрѐ изукрашена—
Добрыми молодцами лодка изусажена,
Чернымъ бархатомъ лодка изувѣшена,
Золотымъ гвоздемъ лодка уколочена;
Посередь лодки золота казна,
На носу-то стоитъ эсаулъ съ ружьемъ.
На кормѣ-то стоитъ атаманъ съ багромъ,
На казнѣ сидитъ красна дѣвица,
Эсаулова—родна сѐстрица,
Атаманушкова полюбовница.
Она плачитъ, слезами заливается:
Видно быть-то вамъ, братцы, всѣмъ пойману,—
Атаманушку—быть разстрѣлену,
Эсаулушку быть посажену!
Мнѣ только, братцы, быть на волюшкѣ!

Пѣсня это до сихъ поръ поется крестьянами по Енисейскому округу. Записана въ с. Рыбномъ со словъ кр. Д. Козырева 1894 г.

[1]) Далече—въ смыслѣ—давно.

№ 6. О татарской полоняночкѣ—родной матери.

Далече (2) во полѣ
Не звѣзда блеститъ,
Не звѣзда блеститъ—
То огонь горитъ.
Передъ тѣмъ огнемъ
Злы татаре сидятъ,
Злы татаре сидятъ—
Полонъ дѣлятъ.
Одному изъ нихъ доставалася
Полоняночка,
Съ Руси бѣлыя—
Христіаночка.
Онъ привезъ ее (на родимый)
На родимый край,
На родимый край,
Къ молодой женѣ.—
«Вотъ тебѣ моя,
Молода̀ жена,
Я привезъ—встрѣчай—
Полоняночку,
Съ Руси бѣлыя
Христіаночку.
Ты заставь ее
Три дѣла дѣлати:
Што перво̀ дѣло—
Гусей найти,
Второ̀ дѣло—
Полотна шить,
А третьё дѣло—
Дитё качать:
«Баю, баю,
Мае дитятко.
Ты по батюшкѣ—
Злой тата̀рченокъ,
Ты по матушкѣ—
Родной внучекъ мнѣ».
Услыхала то
Молода жена,
Услыхала то—
Крѣпко зрадалась.
«Ахъ привезъ ты мнѣ
Не полоняночку,
Не полоняночку—
Родну матушку»!

Эта пѣсня пѣлась въ давнія времена крестьянами Енис. округа Пинчугской волости (по низовью рѣки Ангары).—Записана мной со словъ крестьянина деревни Мотыгиной, Пинчугск. вол. Василія Замарацкаго.

Солдатскія № 7 о Наполеонѣ.

За горами
За долами—
Банипартъ нашъ
Съ плясунами
Вздумалъ ровней стать!
Куды конь
Съ копытомъ мчится,
Туды ракъ
Съ клешней тащится,
И давай плясать!
Не видалъ онъ
Пули русской,
Кверху вздернулъ
Носъ хранцузской—
И давай кружить!..
Пусторманы—
Пустословы
Подыграть
Ему готовы,—
Гостикъ дорогой!
Громки музыки
Запѣли,
Скрыпки, басы
Загремѣли,—
То-то пиръ горой!
Пущай крали
Пронесутся,
Фертомъ боки
Подопрутся,—
Пляску заведутъ!
Онъ хотѣлъ
Сплясать по русски,
Анъ выходитъ—
По хранцузски,—
Ай-да Паліёнъ!
Нашъ Кутузовъ
Сказалъ слово
И не скоро
Да здорово,—
Старый воробей!
Онъ сыграть
Велѣлъ по русски,—
Мы не знаемъ
По хранцузки—,
Нутко казачка!
Были хваты
Изъ хранцузовъ,
Говорилъ
Имя́ [2]) Кутузовъ:
«Стой, братъ, погоди»!
Паліёнъ!
Сюды скорѣе—
Казачка мы,
Што-ль, живѣе,—
Нутко выходи!
Онъ хотѣлъ
Сплясать по русски,
Анъ выходитъ
По хранцузски,—
Ай-да Паліёнъ!
Ой не надо бъ
Лѣзти [3]) въ воду,
Не спрося вамъ
Черезъ броду,—
Горе-богатырь!
Банипарту
Не до пляски,
Растерялъ
Штаны-подвязки,—
Хоть кричи—пардонъ!

1) Банипартъ — Банапартъ. — Пѣсня очень извѣстная въ Россіи; любопытно что поется на нижней Ангарѣ. *Ред.*

2) Имя—имъ. По р. Ангарѣ говорятъ неиначе какъ—имя́, съ имя́ и т. д. не только простонародье, но и другія сословья—духовенство, купцы и проч.

3) Лѣзти—лѣзть—по Ангарски.

Эта пѣсня ранѣе была популярна не только среди сибирскихъ солдатъ, но и крестьянъ. Записана со словъ села Рыбнаго, Енис. окр., Пинчугской вол. крестьянина Дмитрія Козырева.

№ 8. Объ Александрѣ I (любопытная тоже по мѣсту записи).

Торжествуетъ вся наша Рассея,
Александровъ тронъ гремитъ! [1]
Александръ сидѣлъ на тронѣ,—
Вострый мечь въ рукахъ блисталъ.
Онъ во всѣхъ странáхъ блистаетъ
И стращаетъ всѣхъ враговъ:
Австріяковъ-прусакòвъ,
И хранцузовъ, поляковъ!
Австріяки и прусаки,
Распознайте, кто есть я—
Вся Рассейская земля!
Какъ во нашей было сторонѣ—
Москва-городъ стòитъ на горѣ,
Москва городъ стòитъ на горѣ,
Питербургъ-то—на Невѣ.
Мы во гвардіи стояли,
Сваго шефа дожидали.
Шефъ нашъ первый—Михаилъ
Предводитель съ нами былъ [2]
. . . .
. . . . Александръ
Да нашъ отецъ,
Мы совьёмъ ему вѣнецъ,
Мы совьемъ ему вѣнецъ
Отъ своихъ чистыхъ сердецъ!
На головушку надѣнемъ
Да какъ грянемъ всѣ ура!!

С. Рыбное на Ангарѣ. Записана со словъ крестьянина Дмитрія Козырева 1893 г.

А. Александровъ.

Домовикъ въ галицко-русскихъ вѣрованіяхъ.

Нѣкорые люди имѣютъ домовика, который приноситъ имъ богатсво и счастье, исполняетъ всевозможныя хозяйскія работы, вообще служитъ своему хозяину вѣрно, но зато по смерти беретъ себѣ его душу. Такой домовикъ называется здѣсь хòванецъ, годòванецъ или просто свой.

Чтобы получить хованца, нужно носить подъ лѣвой мышкой девять сутокъ— яйцо-зносокъ отъ вполнѣ черной курицы: все это время нельзя ничего работать, ни говорить, ни молиться и въ церковь не ходить, ни мыться, ни чесаться. Только тогда послѣ 9-ти сутокъ выйдетъ изъ яйца хованецъ. Это—самый правильный и заурядный рецептъ, извѣстный не только въ цѣлой Галиціи, но и у многихъ другихъ народовъ. Однако отдѣльные мотивы его получаютъ въ разныхъ мѣстностяхъ Галиціи разныя, хотя и незначительныя, видоизмѣненія. Прежде всего расходятся мнѣнія насчетъ качества яйца, производящаго хованца. Оно можетъ быть или первымъ яйцомъ молодой курицы, или послѣднимъ старой; должно быть безъ желтка или съ двумя желтками, или наконецъ должно происходить отъ курицы, поющей пѣтухомъ, такъ какъ въ такой курицѣ сидитъ чертъ. (Это послѣднее записано отъ Михаила Голуба изъ Борусова, бобрецкаго уѣзда).

Время, когда выгрѣвается яйцо подъ мышкой, также не вездѣ безразлично для этого дѣла. Въ с. Яленковатомъ, скольскаго уѣзда, и въ с. Борусовѣ, бобрецкаго уѣзда, вѣрятъ насчетъ этого такъ: нужно носить яйцо подъ мышкой 9 сутокъ передъ Пасхой; на «велыкдень» пойти съ нимъ въ церковь на утреню и, когда священникъ провозгласитъ: Христосъ воскресъ!—слѣдуетъ тихо сказать три раза: и мой воскресъ! Въ эту-же минуту вылѣзетъ изъ яйца хованецъ.

Также считаютъ порою нужнымъ завинуть яйцо въ «клоче» и такъ носить его подъ мышкой.

---

[1] Послѣ каждаго двустишія—припѣвъ: то-то люли тото люли тото люшеньки мои.
[2] Пропускъ.

Хованца можно получить также слѣдующимъ образомъ: «во Львови е такій склепъ, и тамъ вӹсятъ на стинѣ два хресты, едѐнъ правдывый, а другій намалёваный мазевъ; то треба той правдывый хрестъ ударыты, а той зъ мази поцѣловаты, тогдӹ той купецъ дастъ хованця. (Записано отъ Михаила Голуба изъ с. Борусова.) Приведемъ еще нѣсколько народныхъ разсказовъ о существѣ и значеніи домовика.

— «Такого годованця держатъ десь въ запори, абы нихто не выдивъ, въ комôри âбо на поди; разъ нâдень даютъ ёму въ черепку йісты всяку страву, лышь щобӹ не була солёна. Бо якъ-бы му посолӹвъ, чы на збӹтки, чы тавй нехотячӹ, то ся тяжко пимстытъ». (Зап. отъ Антона Лазоревича изъ с. Крушельницы, скольскаго уѣзда.

— «У старôго Лýця Мѐльныка на поди бувъ годôванецъ и чѐрезъ то Луць бувъ богачъ на цилѐ село. Той годôванецъ бувъ якъ-бы малѐнькій панычь, въ чôрнимъ спенцӹрку съ свитячимы гýдзыками, такъ го кúлька сосидивъ вӹдило. Не-разъ ввійдутъ люде до хаты, дыты ся колышутъ въ колысци, а годôванець мѐжы ными съ люльковъ въ зубахъ: и такъ ся съ нӹмы колӹше, ажь пидъ повалу. Разъ забулы и далӹ му чыръ посолѐный, а сами пишлӹ въ поле. Прыхôдятъ съ поля, а той вӹтягнувъ быка на пидъ и повисывъ го на драгарӹ гори ногамы. И вси чулы, якъ ся старӹй Луць за то съ нымъ на поди сварӹвъ.

— А якъ старӹй Луць умѐръ, то годôванець бувъ ще въ хати рикъ по ёгô смѐрты. А потому сынъ Луца не хотивъ ся съ нымъ вже заходӹты, боявъ ся душу загубӹты. То разъ, якъ годôванець влизъ до шуфляды въ столи, винъ забӹвъ го тамъ цвьôчками и якъ була злыва и прыйшла велыка вода, пустӹвъ стивъ доли рикôвъ. Але съ тамтôго бôку надійшôвъ зять небижчика Луца, зъйімавъ стивъ и вже видъ тôго часу дуже розбогативъ». (Зап. отъ Евки Даневъ изъ с. Крушельницы).

Представленіе о домовикѣ смѣшивается часто въ простонародномъ воображеніи съ представленіемъ о такъ называемомъ «пиклюзѣ»—неразмѣнномъ рублѣ. Такую смѣсь этихъ двухъ, въ сущности разныхъ, понятій представляютъ нижеслѣдующіе два разсказа, записанные мною отъ Татьяны Михайловичъ изъ с. Головецка, скольскаго уѣзда.

—«Ишôвъ хлопъ пôлемъ и вӹдытъ, що другій хлопъ ôре чтырма вôлы самъ-едѐнъ, и чуе якъ щось му вивмы гôнытъ: собъ, ча!, а нычь не вӹдытъ. Прыхôдытъ блӹже, а тамъ щось свыще. Тогдӹ винъ каже: а хто то вамъ, газдо, вôлы, гôнытъ?— То мени, каже, мой сынъ вôлы гôнытъ.—Де-жъ е вашъ сынъ, колӹ го невӹдко?— А-ô, волôвы въ правимъ уси!—Тай вынявъ зъ уха, а то было яблочко, то у яблочку сыдӹтъ той винклюзъ. А той хлопъ каже тогдӹ: а спродайте вы мени тôго свôго сына!

—Та продамъ.—А що хôчете?—хôчу, каже, тры срибни. Той вынавъ и давъ и каже ёму: я вамъ даю, лышѐ абӹ винъ видъ мѐне не втикъ.— И спрятавъ го до кешѐни мѐжы грôши. Прыйшôвъ доми и самъ ся такъ тишытъ, що вже не требуе слугӹ держаты. Явъ винь вынымаіты зъ кешѐни, а ту ани грошей ани тôго яблка».

—«Пойіхалы ксѐндзъ на ярмарокъ, взялы тамъ по торгôвицы торгôваты щось, подыбалы тамъ еднôго хлôпа, а ёму щось пидъ плечôмъ спивае. Тогдӹ пытаютъ ёгô ся ксёндзъ: а що тамъ у тѐбе хлôпе спивае?—Прôшу его мôсця, то такій у мѐне сынъ такъ файно спивае.—Тоти ксёндзъ ялы казаты: продай ты мени ёгô, хлôпе,— Вынявъ той хлопъ, а то бывъ самсôнъ âбо винклюзъ, такѐ чѐрвôне яблочко. То ксёндзъ ся пыталы: що ты хôчешь, хлôпе, за то?—Явъ той хлôпъ казаты: я хôчу два срибни.—Но, ксёндзъ далы ёму тогдӹ два срибни, а тотô ябко спряталы у пулярошъ съ гришмӹ. И прыйшлӹ до дôму, вынымаютъ ксёндзъ пулярошъ, дывлятся, анô нема ни тôго ни грошей»—

Это и есть важнѣйшіе мотивы галицко-русскихъ повѣрій о домовикѣ.

Юльянъ Яворскій.

Галицко-русскія повѣрія объ опыряхъ.

Если беременная женщина посмотритъ въ церкви во время «великаго входа» на священника, несущаго чашу, то ея дитя будетъ опыремъ, то есть, будетъ имѣть двѣ души. Узнать это можно по тому, что такой человѣкъ разговариваетъ самъ съ собой; каждый кто имѣетъ эту привычку думать вслухъ, или кому хотя-бы въ большомъ волненіи случится это, считается непремѣнно опыремъ, съ двумя душами.

Съ опыремъ нельзя жить въ дружбѣ и мирѣ, такъ какъ онъ тогда легче всего можетъ «хрестьянина» свести со свѣта или даже съѣсть; съ нимъ нужно постоянно ссориться и относится къ нему враждебно, это уничтожаетъ или по крайней мѣрѣ уменьшаетъ его демоническую силу.

А сила опыря уже при его жизни очень велика и всесторонняя. Онъ можетъ умерщвлять и просто съѣдать людей, можетъ отводить или призывать разныя болѣзни и эпидеміи, грозу, дождь и градъ; онъ открываетъ тайны и знаетъ будущность, чаруетъ коровъ и отнимаетъ или увеличиваетъ у нихъ молоко и т. д. Онъ можетъ дѣлаться невидимымъ или принимать на себя видъ разныхъ животныхъ.

Но еще злѣе и страшнѣе дѣлается опырь по смерти. Тогда онъ каждую ночь между полуночью и первымъ пѣвнемъ выходитъ изъ могилы и ходитъ къ спящимъ людямъ, обыкновенно къ своимъ роднымъ, или высасываетъ имъ кровь, такъ что они умираютъ, или заманиваетъ ихъ, а то и на-силу тащитъ къ себѣ въ могилу.

Опыря, живъ-ли онъ или мертвый,—все равно, люди страшно боятся и стараются защищаться отъ него, какъ знаютъ. Такъ напр., если живой опырь чаруетъ коровы и отнимаетъ имъ молоко, то берутъ 12 кусковъ желѣза и бросаютъ ихъ въ печь на огонь. Когда эти куски разожгутся, то опырь приходитъ тогда въ этотъ домъ и проситъ, чтобы вынули желѣзо изъ огня, такъ какъ это жжетъ и его. Тогда можно съ нимъ завершить договоръ и онъ оставляетъ уже этотъ дворъ въ покоѣ.

Если опырь ходитъ по смерти и убиваетъ людей, тогда откапываютъ его гробъ, отрѣзываютъ ему голову и кладутъ ее въ ноги трупа, прибиваютъ ее осиновымъ коломъ или желѣзнымъ гвоздемъ ко дну, и тогда уже опырь не можетъ тронуться изъ могилы.

Въ заключеніе сообщу еще нѣсколько подлинныхъ разсказовъ объ опыряхъ, записанныхъ мною въ разныхъ окрестностяхъ русской Галиціи.

—Въ на́шимъ селѝ е жыдъ и винъ е опы̂рь. Разъ на Вознесѐніе вѐчиръ повыходы̂лы хлопы̂ зъ ко́рчмы, а ту яка́сь бида́ напро́тивъ ныхъ бижы̂тъ и помыну́ла ихъ якъ стрила́. Оны́ вже озыра́ются, де онѐ ся подѝне? А то перекѐнулося кото́мъ и полизло по̀-пидъ бра́му до едно̀го богача́ и забигло до ста́йни.

Тоти хлопы́ пишлы̂ до госпо̀даря, и му сказа̀лы. Винъ тогды̂ вы̂йшовъ до ста́йни съ лята̀рньовъ ды̂вытся, а въ ста̀йни е китъ. Злапа́въ кота́, врызавъ му у́хо и пусты̂въ. Бо ся не хотивъ зачипа̀ты съ бидо́въ, нно̀ абы́ знакъ ма̀ты, що то за едѐнъ е?

На дру́гый день прыхо̀дытъ винъ до ко́рчмы, а тамъ жыдъ съ обвязанымъ у́хомъ. Тай ка́же му тогды́ жыдъ: ой, назначывъ есь мя такъ, що ни мѐжы лю̀де ся не мо́гу пока̀за́ты, ни дру́ги опыри менѐ тепѐрь не потребу́ютъ!

(Записано отъ Сеня Вереса изъ с. Грушатычъ, бобрецкаго уѣзда.)

«Дво̀е ныхъ было въ ха́ти, дидо съ ба́бовъ. Тай дидо умѐръ, лю̀де ся посходы̂лы на свичення, тро́хи посы̂дилы тай ся пото̀му забыра́ютъ домѝ; ба́ба ка́же: идѝтъ, людко̀ве, кой идѐте, я вже сво̀му прыя̀телыковы сама́ посвѝчу!

Лю̀де ся розѝйшлы̂, сыды̂тъ ба́ба у запичку, сыды̂тъ, видтакъ поду̀въ витерь и сдувъ съ дида полотно. Идѐ ба́ба пиднымàты тото̀ полотно̀, ано̀ и дидо ся самъ

явъ кèваты; якъ тотò бáба увыдила, то утеклá до комóры и замклася. Дидо за невъ, добуваеся до коморы, анò не мòже. Вылизъ тогды на пидъ тай розметавъ повалыня, хòче вже лизты крузь дирỳ до комòры, а ту когỳтъ запiявъ! Дидо застыгъ на подѝ, а бáба зо стрàху въ комòри!..

(Зап. отъ Татьяны Михаиловичъ изъ с. Головецка, скольскаго уѣзда.)

—«Умеръ едèнъ старый чоловѝкъ, спрятали го тай ничъ. Але до добы за нымъ умèръ молодый пàрубокъ, за тымъ знову молодый гàзда, такъ кàждый день хтось въ сели умырае. Ну, нычъ, ажь разболився у богачá едынàкъ тай зàразъ умèръ. Не мòже тòго богàчъ подарувáты, идè до ксèндза тай кàже, що тò хтось людей поiдàе, пèвно той старый, що пèршый умèръ, трèба го розкопáты. Ксёндзъ не боронылы, ну, пишòвъ той хлопъ, взявъ-сы ще трёхъ, пишлы до тòи бабы и кàжутъ: ходы бáбо, бо идèмъ твòго гàзду розкòпуваты. Взялы-сы видъ нèй плàхту и пишлы вже съ бáбовъ на цмынтарь; ялы тогды грибъ розкòпуваты, роскопáлы, а винъ сыдытъ, пидпèрся на рỳки, такiй червòный, тiлько мàе кервы въ сòби людскои. Дывытся бáба, кàже: тьфу, препàвысь, не двыгбысь-ся, не вставбысь! Тогды ёгò вытягнулы зъ ямы, порубалы, завязáлы въ плàхту, постàвылы на тернòвый корчь, пидпалылы, и сгоривъ. Якъ ёгò тамъ спалылы, такiй за ными витерь нечыстый подỳвъ и йшовъ за ными заводячы видъ цèрквы ажъ у селò до кòрчмы».

(Записано отъ нея-же.)

—«Умèръ молодый гàзда, спрятали го, тай ничь, ажъ четвèртой нòчы прыхòдытъ пидъ викно тай клыче: Марысю, пусты мя! Онà встàла, пустыла, явь винъ йiй казáты: но, збырáйся зо мновъ!—А дпты якъ лышу? Пытáеся жонá.—Лышы такъ якъ я лышывъ, не бỳде имъ ничь!—Зибрáлася онá, позбырáла своè рубáтя тай идè. Идутъ пò-пры цèрковь, а винъ кàже: кỳры спятъ, свыни спятъ, а мертвый живòго до грòбу ведè!—Прышлы такъ идъ грòбовы, а винъ кàже: розтворыся грòбе!—Грибъ ся не отвыраe. Кàже винъ такъ другый разъ и третый и ажъ за третымъ разомъ розтворывся грибъ. А винъ кàже тогды жинци: ну, скачы у грибъ!—Ой я не скáчу, скачы ты вперёдъ!—Винъ ускòчывъ, а онá вèргла за нымъ своè рубáтя. Винъ тамъ зрàзу гадàвъ, що то онá скòчыла, тай кàже: запрыся грòбе! Грибъ ся запèръ, а онá тогды въ нòгы, якъ яла утикáты! Увыдивъ опырь въ грòби, що жоны немà, кàже: отворыся грòбе! Грибъ ся отворывъ, явъ винъ лизты изъ гробу, догоняе йi. А онá бижытъ-бижытъ, выдытъ свитло въ хáти, бỳхнула въ двèри, вбигáе, анò тамъ лежытъ мертвый на лàвыцы, никòго въ хáти немà, лышъ когутя сыдытъ на плàщци. Сила онà на прыпичку та вже ся Бòгу мòлытъ. А тотъ прыбигъ пидъ викно тай клыче: пусты мя, брáтцю, я такiй якъ и ты!

Явъ тотъ мерлець на лàви ногáмы кèваты, а она тогды розпасáла изъ сèбе пòясъ та кèнула му на нòгы. А винъ тогды кàже: не пỳщу тя, брáтцю, бò-мы ланьцỳхъ на ногáхъ!—Кàже тотъ съ-пидъ викна знòву; пусты мя, брáтцю, я такiй якъ и ты!—Явъ тотъ на лáви рукàми кèваты, а онá зняла изъ сèбе пацèрки тай кèнула му на рỳки.—Ой, не пỳщу тя братцю, бò-мы ланьцỳхъ на рукáхъ!—Кàже той вже трèтый разъ: пусты мя, брàтцю, я такiй якъ и ты.—Явъ тотъ гòлову пиднимàты, а онá зъ сèбе ỳплеты зняла и вèргла му на шыю.—Не пỳщу тя, брáтцю, бò-мы ланцъ на шыи!—

А тогды запило тотò когутя, ну, вже йiй ся лèкше вчынылo. Той замертвѝвъ на лáви, а таитòй пидъ викнòмъ на двори.

(Записано отъ нея-же.)

Къ вышеприведенному разсказу записалъ я въ с. Борусовѣ, бобрецкаго уѣзда отъ крестьянина Луця Струка слѣдующiй варiантъ:

—«Служывъ едèнъ хлòпъ у пàна, а жинку мавъ въ селѝ и хатыну. И поiйiхавъ съ тымъ пàномъ до далèкого мыста, а тамъ булà слàбисть; и винъ тамъ захорувàвъ и умèръ, и въ тимъ краю чужимъ го поховàлы. Винъ тогды вѝдтамъ въ ночы прыйiхавъ сывымъ конёмъ до свòйi жинки пидъ викна и клыче: Кàсю, Кàсю, отворы! А онà ще не знàла, що винъ тамъ умèръ, гадае-сы: вернỳвъ зъ дорòгы.

Встала, отворыла, а винъ до неи каже: беры свои хустки та деяке лишше шматье, пойдемо геть, бо я соби въ чужимъ краю купывъ инчу хату и грунтъ, лишши якъ ту. — Она зибрала своё шматье и выйшла. Взявъ винъ ѝи за руку и на коня, пойихалы. Ажъ якъ она сила на коня, то злякласа бо выдить, що то не кинь, якъ мае буты, инó таке якъ витеръ.

Прыйиждяють вже до того миста, де винъ умеръ, перейихалы безъ мисто, не вступають нигде. И йидуть за церковь, просто повертають на цмынтарь. Тамъ уже кинь счезъ, инó винъ лышывся и она. А на гробы его була дира на середыни. И винъ каже: лизь туды, тамъ е мои добра.—Тогды она каже такъ: лизь ты напередъ, а я потому полизу.—И винъ полизъ, и она каже ёму тогды, абы тягнувъ скризь диру ей шматье. Забыла тамъ шматье въ диру, а сама зачала втикаты геть, безъ поля, ровы, але сама не знала куда. Летила, летила, и сдалеку выдыть свитло. Бижыгъ вже до того свитла, тамъ прылитае, а то хата на полы. Тарахнула она въ двери, видсунула сины, вбигла до хаты, а тамъ мерлый лежыть, нема бильше никого въ хати, лышь свитытся свитло. И она зъ ляку влизла за пьецъ и сыдыть тыхонько.

А тамъ ей чоловикъ добувся зъ гробу, взявъ-сы ще бильше опыривъ и летивъ за невъ и прылетивъ ажъ до самои тои хатыны. Тогды крычыть черезъ викно: отвуржъ мерлый мерлему, щось будемъ робиць жывему! И той мерлець въ хати зачався рушаты, то ногу ссуне, то руку, а потому й цилый вставъ, пишовъ и отворывъ двери.

И опыривъ тамъ найшло повна хата и вже ей клычуть: вылазы зъ-за пьеца! А она имъ каже: я не маю чобить, прынеситъ-мы перше чоботы!—Пиславъ той опырь заразъ одного до свого гробу, бо она тамъ своё шматье лышыла, тай вже прынисъ, и знову ѝи клычуть. А она тогды вже каже: то хустки не маю ще, то поѧса не маю, ажъ йий такъ всё шматье попрыносылы. И вже-бы йий тогды була смерть напевне, але тымчасомъ такъ панъ-бигъ давъ що когуть запиявъ, десь тамъ бувъ въ хатыни когуть. И тогдыся вже вси опыри порозлитали, порозбывалыся, и она вже мала спокий.

Прыйшло рано, дала она знаты до людей, и тогды взялы, тамъ и забылы тымъ опырямъ осыковый килъ въ пысокъ наскризь ажъ въ землю.

А она йшла до своѓо села назадъ тры мисяци, а опырь ѝи завизъ видтамъ за едну годыну».

Часто случается также, что опырь ходитъ по смерти къ своей женѣ или и къ чужой женщинѣ, спитъ съ ней и пользуется правами мужа. О такомъ случаѣ упоминаетъ слѣдующій народный разсказъ:

— «Еденъ газда дуже шанувався съ своевъ жоновъ, тай такий молодый умеръ, спряталы го. Нема едну ничь, нема другу, третои вже винъ прыходытъ до хаты, диты повидсувавъ, самъ лигъ коло жоны, лежыть. И такъ ходывъ дви недили до неи, така она вже стала, що люде ѝи ся пуджалы, тай ялы ѝи ся пытаты: що тоби, молодыце, що тоби ся стало?—Ой, каже, я-бы вамъ сказала, кобы-мь не умерла!

Ну, нычь изъ нычого, надийшла разъ до неи якась подорожна баба, а бывъ вже вычиръ, просытся, кабы ѝи прыняла на ничь.—Я-жь бы-мь васъ, бабко, прыняла, та вы у мене не можете ночуваты!—То чому?—пытаеся баба.—Ой, бо до мене мерлый газда ходыть на-ничь! яла ѝи всё казаты. А баба йий тогды каже: спрячь-же ты мене пидъ цеберъ, що рубатье мочышъ, а соби внесы шматье винчавне и пивку, хустки и поясъ и свичку свято вечирну, а якъ вже будешь мирковаты, що винъ иде, запалы-сы тоту свичку, влизь за стивъ и убырайся; винъ будеся тебе пытаты, где ты ся збыраешь? ты ёму кажы: иду на весиля до мамы!—А якажъ тамъ весиля?—Ты кажы, що братъ сестру бере. Опырь тоби буде казаты: кто таке чувъ, бы братъ сестру бравъ?—А ты му на то: кто таке чувъ, бы мертвый до живого ходывъ?—И хоть-бы тя якъ клыкалъ, не иды.

— Поклала она диты спаты, бабу спрятала подъ цеберъ на запичку, тогды

соби запалыла тоту свичку и стала убыратыся за столомъ. Чуе, йде вже газда, отворывъ-сы синни двери, хатни, впйшовъ у хату и сивъ-сы конець стола. Тай пытае йi ся: где ты ся збыраешь?—Та на весиля до мамы.—На яке весиля?—Братъ сестру бере.—Кто тото чувъ, абы братъ сестру бравъ?—А кто тото чувъ, абы мертвый до жывого ходывъ?

Не каже винъ йий нычь, дали каже йий: ходы, най тя хоть поцилую'—Ой, я не пиду!—Ходы, каже, най лышу на тоби познаку!—Не лышай на мени, лышы на моихъ столи!—Винъ тогды якъ вдарывъ рукою о стивъ, то ажь проломывъ стивъ, килько рука—тилько выпало стола. И тогды витеръ подувъ, поотворяло двери и взяло го зъ хаты, и пропавъ вже на вики».

(Записано отъ Татьяны Михайловичъ изъ с. Головецка).

Опырь — это одно изъ самыхъ, такъ сказать, популярныхъ и повседневныхъ представленій галицко-русскаго суевѣрія. Каждая деревня, почти каждый дворъ передаетъ вамъ свои особенныя сказанія и повѣрія о немъ. Приведенные выше разсказы и замѣтки можно считать ихъ типическими отраженіями.

Юльянъ Яворскій.

Изъ галицко-русскихъ народныхъ сказаній и суевѣрій.

1) Отчего одни люди женятся, а другіе нѣтъ?—За тое, що Эва скусыла Адама, Богъ проклявъ йi, щобы она на земли родыла диты въ боляхъ, а по смерти абы каждаго дня несла тилько яецъ, килько людей на-день умырае, такъ до вику. Тай бере Богъ тоти яйца, розкравуе на дви половыци и мече на землю. Зъ едной половыци родытся хлопецъ, а зъ другой дивка, и оны ся потому, якъ пидростутъ, женятъ. Але то й такъ буває, що една половыця яйця впаде на море, а друга на землю, або що едну половыцю ззисть якій звирь, то вже той чоловикъ зъ той другой половыци, що не пропала,, не мае уже своеи пары и лышаеся циле жытье паробкомъ або дивкою. (Зап. въ с. Борусовѣ, бобрецкаго уѣзда, оть Татьяны Голубъ.)

2.) Вѣлыты.—Давно, отъ видъ насъ такъ третого поколиня, булы таки вѣлыты, що подавъ въ Йiлова черезъ гору сокыру сюды, таку руку мавъ. То въ Кохавыни, въ Косцѣли, стоитъ ще выньска така нога вѣлыта, видъ земли ажъ до повалы. А якъ ще булы мало такихъ малыхъ людей, отъ якъ мы, то разъ выйшовъ ораты чоловикъ на поле. А винъ надійшовъ, той вѣлытъ, тай такъ взявъ на прыгорщи того господаря и волы й плугъ, и прыносытъ до мамы: дывыся мамо, каже, яки ту хробачки рыютъ поле!—

А по насъ знову таки будутъ маленьки люде, що сорокъ ихъ може въ пьецу молотыты. Але то вже може ажь тогды, якъ якій потопъ буде, або що хто-то може знаты Божу волю?—(Зап. въ с. Борусовѣ, отъ Луця Струка).

3) Чары на безплодность. а) Абы зачиныты диты, то якъ е на дивци перше жинське право (менструація), то возьме-сы видъ молодой курки перше яйце, сказытъ она тото яйце и впустытъ въ него свого права. И бере тото яйце и закопуе коло стола въ землю. Стоитъ тото яйце 9 дибъ въ земли. По девятехъ добахъ вынымае тото яйце и въ тимъ яйцы е шисть червакивъ съ чорнымы головамы. Тилько-бы она дитей мала. Казалы йий люде кенуты въ воду, то-бы мала диты; не слу-

хала она то̀го, не боя́лася гриху̀, кѐнула въ огѐнь, тай згорилы на вики, а́минь.—(Зап. отъ Татьяны Михайловичъ изъ с. Головецка, скольскаго уѣзда).

б) Або знову беру̀тъ жо́ны сво̀го цвиту (менструація) въ конопѐнне пови́смо; завя́зуютъ дѐсять гу̀зивъ на дѐсять угливъ, звыва́ютъ тото̀ и но̀сятъ дѐвять днбъ. въ ночы́ но̀сятъ пидъ правы́мъ плечо̀мъ, а въ день пидъ ливы́мъ колиномъ. Якъ тыхъ у дибъ вы́стоитъ, тогды́ беру̀гъ, зако̀пуютъ пидъ пидло̀гу, пидъ уго̀лъ де ся завя́зуе ха́ту и ка́жутъ до трѐхъ разъ: пря́чу тя не на рикъ, лышь на викъ! То тогды́ вже не бу̀де ма́ла дите́й. (Записано отъ нея-же).

4) Инклюзъ. Пишо̀въ едѐнъ чоловикъ зъ Бори́нычь до Роздо̀лу, тай зды́бавъ на доро̀зи ры́нськый-конфлю́зъ. Прынисъ го до до̀му, а не знавъ ще, що то не чы́сти гро̀ши. И де ѐго̀ зминя́въ а́бо вы́давъ, то винъ и самъ все прыйшо̀въ до нѐго наза́дъ, и ще дру̀ги гро̀ши прынисъ. И якъ вже ся той чоловикъ пидпомигъ до̀бре и ѐму̀ ся вже то змерзи́ло, то пишо̀въ до ксѐндза и повивъ. А, ксѐндзъ тогды́ му каза́въ наза́дъ на то самѐ мисце виднѐсты, вы́дки го взявъ. То якъ тамъ виднисъ на ту доро̀гу, то конфлю́зъ стра́шно ся сѐрдывъ и ша́пку съ нѐго здеръ, ма́ло му смерть тамъ не бу̀ла. Тай бу́ря ста̀ла тамъ така́ що-стра́хъ, але потому вже бильше той конфлю́зъ до нѐго не верта́въ.—(Записано отъ Луця Струка въ Борусовѣ).

5) Снимать звѣзду съ неба. У насъ е одна̀ коби́та, що зныма́е звизду̀ съ нѐба. Она́ пи́де на горо̀дъ и ста́не по ливи́й руци́ въ конѐцъ горо̀да и ка́же: звиздо, спусты́ся до мѐне!—И маха́е руко̀въ до нѐба, и тогды̀ звизда́ спу́стытъ ї̀ї ся въ ру̀ки. И она́ несѐ ї̀ї тогды́ до ха́ты и кладѐ въ я́мку, въ глухи́мъ кинцы́ ко̀ло двере́й. Тота́ звизда́ бу̀де тамъ пидъ дѐвять дибъ лежа́ты и тогды̀ вже съ невъ мо̀же чарува́ты що хо̀че. А пото̀му зно̀ву видно̀сытъ звизду̀ на то саме мисце, де ї̀ї взя́ла, и пуска́е ї̀ї наза́дъ до нѐба.—(Зап. отъ Сеня Вереса изъ с. Грушатычь, Бобрецкаго уѣзда).

6) Якъ ба́ба хо̀че навчы́тыся чарува́ты, то пидъ Вознесѐніе въ ночы́ берѐ коцю́бу и идѐ съ невъ на дѐвять межи́въ и тамъ прыхо̀дятъ чаривныки до нѐи. И пыта́ютъ ї̀ї ся: Ты ту е?—та́къ до трѐхъ ра́зивъ. Она́ тогды̀ ажь за трѐтымъ ра́зомъ ска́же: е!—Ходы́-жъ съ на́мы.—Иду̀тъ на таку̀ доро̀гу, де ся тры доро̀гы схо̀дятъ, и тамъ до ныхъ прыхо̀дытъ найста́ршій чаривны́къ и даѐ ба́би такѐ зилье—па́пороть, то вже съ тымъ може чарува́ты.
(Записано отъ него-же).

7) Ящыричи я́йця берѐ ба́ба и су́шытъ на пьѐцу, ростыраѐ тото̀ на муку̀, а пото̀му сы́пле то чоловиковы, на котро̀го вже ма́е о̀ко, до гербаты а́бо-дѐ, абы́ вы́пывъ. То е на тріи́бу̀, на даньѐ такѐ; видъ то̀го пото̀му чоловиковы ла́зятъ я́щыркы по жывоти́. (Отъ него-же).

8) До коро̀въ е до̀бре ма́ты въ ста́йни ца́па, то винъ не дасть вже коро̀вы чарува́ты и видганя́е гегъ нечы́сти сы́лы. (Отъ него-же).

9) Чаривны́ця ма́е часо̀мъ едну̀ цы́цьку на перѐди, а дру̀гу на плечо̀хъ. (Отъ него-же).

Юльянъ Яворскій.

Сказки.

(Приложеніе къ статьѣ С. В. Максимова).

1.

О царѣ и портномъ.

До̀сюль жилъ-былъ царь на царствѣ, на ровнымъ мѣсти, какъ сыръ на скатерти. Этотъ царь былъ охотникъ сказокъ слушать. И сдѣлалъ онъ по царству указъ, чтобъ сказали сказку, которой никто не слыхивалъ:

«За то кто скажетъ—отдамъ полцарства и царевну»!

Этой сказки сказать никто не находитцы!

Приходитъ изъ кабака швецъ, говоритъ царю:

« Ваше царское величество! извольте меня напоить-накормить: я вамъ буду сказки сказывать»!

И напоили, и накормили, и на стулъ посадили.

И сталъ сказки сказывать:

«Какъ до̀сюль былъ у меня батюшка—богатаго живота человѣкъ! И онъ состроилъ себѣ домъ: что голуби по шелому̀ ходили—съ неба звѣзды клевали! У этого дома былъ дворъ,—отъ воротъ до воротъ лѣтомъ, меженнымъ днемъ, голубь не могъ перелётывать!..

«Слыхали-ль этакую сказку, вы, господа—бояра, и ты надёжа—великій царь»?

Ты́и говорятъ, что не слыхали.

«Ну, такъ это не сказка, а присказка: сказка будетъ завтра, повечеру.—Теперь меня прощайте»!..

Ушелъ.

И приходитъ опять на другой день, и говоритъ:

«Ваше царское величество! извольте меня напоить-накормить: я вамъ буду сказки сказывать»!

И напоили, и накормили, и на стулъ посадили.

И сталъ сказки сказывать.

«Какъ до̀сюль былъ у меня батюшка: богатѣйшаго живота человѣкъ! И онъ состроилъ себѣ домъ:—что голуби по шелому̀ ходили—съ неба звѣзды клевали! у этого дома былъ дворъ:—отъ воротъ до воротъ лѣтомъ, меженнымъ днемъ, голубь не могъ перелётывать!—И на этомъ дворѝ былъ выращенъ быкъ:—на томъ рогу̀ сидѣлъ пастухъ, на другомъ—другой; въ тру̀бы тру̀бятъ и въ ро̀ги играютъ, а другъ другу лица не видно и голоса не слышно!..

«Слыхали-ль этакую сказку вы, господа бояре, и ты, надежа—великій царь»?

— Нѣтъ не слыхали!—

Шапку взялъ, да и сшелъ.

Царь видитъ, что это человѣкъ не пу̀тній,—жаль стало царевну отдать,—говоритъ господамъ:

«Что, господа бояра?— Скажемъ-те, что слыхали эту сказку, и подпишемъ-те»!

Господа согласились, что—слыхали эту сказку, и подписались.

На третій день приходитъ этотъ портной и говоритъ:

«Ваше царское величество! Извольте меня напоить—накормить: я вамъ буду сказки сказывать»!

И напоили и накормили, и на стулъ посадили.

И сталъ онъ сказки сказывать:

«Какъ дôсюль былъ у меня батюшка: пребогатаго—богатаго живота человѣкъ! И состроилъ онъ себѣ домъ: что голуби по шелому ходили—съ неба звѣзды клевали!—У этого дома былъ дворъ:—отъ воротъ до воротъ лѣтомъ, меженнымъ днемъ, голубь не могъ перелётывать.—И на этомъ на дворѝ былъ вырощенъ быкъ: на томъ рогу́ сидѣлъ пастухъ, на другомъ—другой; въ тру́бы тру́бятъ и въ рôги играютъ, а другъ друга лица не видно и голоса не слышно!—И на дворѝ была вырощена кобыла: пô трои жеребятъ въ сутки носила, все третьякôвъ, т. е. сразу трехъ лѣтъ возраста!—И ёнъ во тую пору жилъ весьма богато!

И ты, надежа—великій царь, занялъ у него сорокъ тысячъ денегъ!..

«Слыхали-ль вы, господа бояра, этакую сказку? и ты, надёжа—великій царь»?..

Господа видятъ, что ничего дѣлать,—говорятъ всѣ, что слыхали.

«Ты, великій царь? Занялъ у моего батюшки сорокъ тысячъ денегъ—вишь, господа вси слыхали!—А ты мнѣ денегъ до сихъ поръ не отдаешь»!

И видитъ царь, что дѣло не хорошее:—надо отдать царевну и полцарства—либо сорокъ тысячъ денегъ!

Отдалъ ему сорокъ тысячъ денегъ.

И пошелъ этотъ портной опять въ кабакъ, съ пѣснями!..

Вотъ-те, и сказка вся!..

Сънно-Губскій Погостъ, въ За-Онежьъ.

2.

О царь-дѣвицѣ.

Одинъ разсказъ.

Нѣ у какôго царя было три сына, первый сынъ—Ѳедоръ-царевичъ; дру́гой—сынъ Дмитрій царевичъ; третій—Иванъ-царевичъ...

Нѣ у коего царя былъ почестный пиръ...

И говоритъ своимъ собрáннымъ генераламъ и графамъ:

«Что, господа! У меня три сына: кто бы могъ моихъ цвѣтовъ порвать и слѣдовъ поискать»?

И выходитъ большій сынъ, Ѳедоръ-царевичъ:

«Батюшка, дай мнѣ прощеніе и благословеніе твоихъ цвѣтовъ порвать и слѣдовъ поискать»!

Этому царь радостенъ сдѣлался, и отпускаетъ;—велитъ съ конюшни наилучшаго коня дать.—И обсѣдлали, и обуздали; и поѣхалъ во чистô поле по времени молодецъ.

И пріѣзжаетъ ко столбу: на столбѝ подпись:

«Кто въ правую дорогу поѣдетъ—самъ сытъ, а конь голоденъ; а кто въ лѣвую дорогу поѣдетъ—конь сытъ, а самъ голоденъ; кто середнюю дорогу поѣдетъ—голова на плаху»!

Тутъ Ѳедоръ-царевичъ пораздумался, и поѣхалъ въ правую дорогу.

И пріѣхалъ къ мѣдноей горы̀. Поставилъ коня у своего конья, и вы̀сталъ на гору. Ходилъ по горы̀—ничего йнаго не могъ найдти, окромѣ мѣднаго гада, весьма красиваго. И клалъ себѣ въ карманъ, и поворотъ дѣлалъ въ свое государство.

И пріѣзжаетъ къ своему отцу, и входитъ въ тайныя комнаты своего отца, и кажетъ сего змѣя мѣднаго.

На это царь гнѣвенъ сдѣлался:

«Какую скверность ты привезъ! и може наше царство расточить»!

И послѣ этого сдѣлался царь очень грубъ, многовременно время..

Потомъ царь временно сдѣлался веселъ, въ саду гуляюци, и таковдо приказалъ сдѣлать балъ.

И всѣ на пиру напивалися.

Въ этомъ веселіи царь выходитъ и говоритъ:

«Господа генералы и графы! Каковды у меня дѣти вырощены до полнаго возросту, и таковды—говоритъ—никто не нашелся моихъ цвѣтовъ поломать и слѣдовъ поискать»!..

И потомъ выходитъ Дмитрій-царевичъ; поклонился и благословился у своего батюшка, что

«Дай мнѣ, батюшка, благословенія, твоихъ цвѣтовъ поломать и слѣдовъ поискать»!

Этому царь радостенъ сдѣлался, приказалъ наилучшаго коня дать.

И сѣлъ на добра̀ коня и поѣхалъ во чѝстое поле.

И ѣздилъ по чистому полю и подъѣхалъ къ этому столбу, и на этомъ столбу подпись:

«Кто въ правую дорогу поѣдетъ—самъ сытъ, а конь голоденъ; а кто въ лѣвую дорогу поѣдетъ—конь сытъ, а самъ голоденъ; кто въ середнюю дорогу поѣдетъ—голова на плаху».

Пораздумался добрый молодецъ, и порасплакался:

Куда-жъ я поѣду?.. Поѣду въ лѣвую дорогу: конь будетъ сытъ, и меня вывезетъ»!

И ѣхалъ, близко ли—далече,—стоитъ велика прихоро̀мина; и заѣхалъ вокругъ дому, и подъ ворота́, на дворъ заѣхалъ:—столбы точѐные, кольца золочѐныя.—И поставилъ своего добраго коня въ пшены́, и идетъ въ верхніе покои по лѣстницѣ.—И на встрѣчу ему жёнка; и бѣжитъ—вѣжливо пріятно принимаетъ его. И всякой благодати на столахъ накладено кушанье. Увѣщаваетъ, кормитъ, и поитъ добраго молодца; и послѣ хлѣба—солѣ на спокой ложи̇тъ на кровать его. Какъ скоро на кровать положила, доску повернула, и улеталъ онъ въ погребъ!..

И царь многому времени дожидалъ эвтаво сына и много времени печаленъ былъ.

Потомъ сдѣлалъ царь балъ, и развеселился, говоритъ графамъ и генераламъ:

«Что, господа графы и енералы! выростилъ трехъ сыновей, а какъ ни рачительныхъ, ни попечительныхъ для службы, для своего царства; а нѣкому моихъ цвѣтовъ поломать и слѣдовъ поискать»'

И выходитъ Иванъ-царевичъ, и проситъ благословенія у своего родителя.

«Ахъ, Иванъ-царевичъ, царской сынъ! Лучше тебя братья были, да что сдѣлали?—Зналъ бы ты за пецкой лежать: нечего тебѣ не въ свое дѣло пихаться»!

И сдѣлался этому Иванъ-царевичъ очень яръ:

«Батюшка, великой надежда—государь! дашь прощеніе и благословеніе—поѣду; не дашь прощеніе и благословеніе—поѣду»!

И царь приказалъ наилучшаго коня дать, когда пущай по охотѣ поѣдетъ.

И вышли конюхи: что ни лучшаго коня ему выбираютъ и выдаваютъ. Онъ самую водовожную лошаденочку, что ни есть похуже, выбираетъ. И сѣлъ доброй молодецъ къ хвосту рожею. И всѣ господа засмѣялися, что царской сынъ такъ не ладно поѣхалъ...

И выѣхалъ Иванъ-царевичъ въ чистое поле; и дернулъ за хвостъ, и кожу клалъ на гвоздь, и—

«Вотъ, вамъ, во̀роны и сороки: обѣдъ вамъ Богъ далъ»!

Самъ ры̀кнулъ по-звѣриному и свистнулъ по змѣиному:—конь бѣжитъ, мать-сыра земля дрожитъ; со̀ рта пламя машетъ, съ но̀здрей искры сыплетъ; съ ушей чадъ и дымъ столбомъ валитъ, съ . . . . горячія головешки выкидываетъ!

Потомъ Иванъ-царевичъ взялъ добраго коня, угладилъ и—трилѣтняго младѐнчика клади, такъ и этотъ ѣздитъ!

И тутъ Иванъ-царевичъ шелъ въ свой великой, глубокой погребъ, который дѣдушкой имъ жалованъ погребъ—и наѣлся-напился добрый молодѐцъ; взялъ себѣ лучшіе тесьменные брозье и черкассько сѣдло. И подтягивалъ своего добраго коня, и бравъ себѣ вострый мечъ; и садился на добрá коня—поѣхалъ въ чисто поле.

И ѣздя по чистому полю, пріѣхалъ къ евтому столбу. И на этомъ столбѣ подпись:

«Кто въ правую дорогу поѣдетъ—самъ сытъ, а конь голоденъ; а кто въ лѣвую дорогу поѣдетъ—конь сытъ, а самъ голоденъ; кто середнею поѣдетъ дорогой—голова на плаху»!

Тутъ добрый молодецъ Иванъ-царевичъ, и порасплакался—пораздумался:

«Не честь—хвала богатырская доброму молодцу тутъ ѣхать, гдѣ голова на плаху»!

И поѣхалъ добрый мѝлодецъ въ чистое поле, взялъ поскакивать, и взялъ надъ добрымъ конемъ помахивать:—рѣки и озѐра между ногъ несетъ; грива колесомъ завивается—хвостъ по земли разстилается!..

И выѣхалъ на зеленые лугá, и увидѣлъ фатѐрку на веретённой пяткѣ: туды тынцёмъ, сюды крыльцёмъ. И соскочилъ добрый мѝлодецъ съ добрà коня:

«Мнѣ не вѣкъ вѣковать, одну ночь ночевать:—я въ тебя иду, и выйду»!

И шелъ добрый молодецъ въ сю̀ хоромину, кладетъ крестъ по-писàнному, поклонъ кладетъ по учёному.

И сидитъ старà мать роженá: носомъ въ печи поварýетъ, и глазами гусей въ полѣ пасетъ; руками шёлковъ кýжель тóчитъ черезъ грядкó:

«Фу-фу-фу: дѝсель черной воронъ кости росѣйской не занашивалъ; а нынѣ въ очи вѐржетъ!—Что ты, дитятко, волею иль неволею ѣздишь»?

Тутъ добрый мѝлодецъ какъ прискочетъ къ старухѣ:

«Дамъ тебѣ поушину—будетъ отъ . . . . отдушина! а тамъ какъ песокъ посыпется—будетъ съ . . . . песокъ!—Ты бы, старушка, неучилась-то много богàтыря спрашивать:—училась бы кормить да поить»!

Старушка на столъ собрàла и накормила и напоила и постель постлáла;—стала у Иванъ-царевича спрашивать.

«Волей ли ты, дитятко, ѣздишь иль неволей?»

И сталъ сказывать:

«Волей, а втрое неволей.—И насъ было у царя три брата: первый ѣздилъ—только мѣдны горы мѣднаго гада привезъ,—и засадилъ того брата; и дрýгой въ безъизвѣстность ѣхалъ; потомъ наложилъ на меня службу,—его цвѣтикъ ломать и слѣдовъ разъискивать.—Скажи, бабенка, далече ли нашъ татенка йиздилъ, въ бытность его?»

—Ложись, дитятко, спать: утро мудро, а день прибыточенъ!—

По утру бабенка будила дѝбраго молодца; и накормила, напоила - дала свово добраго коня и на путь дорожку проводила:

«Матерѐе меня сестра живетъ впереди и про это дѣло она знаетъ»...

И поѣхалъ добрый молодецъ въ чистое поле опять: съ горы на гору, съ холмы́ на холму; и взялъ поскакивать добрый молодецъ—взялъ помахивать:—рѣки да озѐра промежъ ногъ несетъ; грива колесомъ завивается, хвостъ по земли разстилается!...

И выѣхалъ на зеленые луга. И день ко вечеру приближается. И увидѣлъ фатерку въ полѣ, на тýрьи ножки, на веретёной пятки.

«Устойся, фатерка! Мнѣ въ теби не вѣкъ вѣковать—одну ночь ночевать: я въ тебя иду, и выду!»

Фатерка устоялась:—туды тынцёмъ, сюды крыльцёмъ.

И соскочилъ со своего добраго коня, идетъ въ егò хорòмину:—ашшѐ старѣй той сестры сидитъ! черезъ грядку шёлковъ кýжель тòчитъ, въ печи носомъ поварýетъ и глазами въ полѣ гусей пасетъ.

«И дóсель — говоритъ — черной воронъ русьской кости не нашивалъ — одинъ царь россійскій проѣзживалъ; а нынѣ русьска кость сама въ очи вѐржетъ! — Что ты, дитятко, волей ли ты йиздишь иль неволею?»

И царскій сынь, Иванъ Царевичъ, былъ очень тóменъ, голоденъ, и очень сдѣлался яръ — прискóчитъ къ старухѣ и замахается:

«Я тебѣ какъ дамъ поушину — будетъ изъ.... отдушина! дамъ въ високъ — изъ.... посыплется песокъ! А не училась бы ты много богáтыря спрашивать — училась бы поить да кормить, на перинку спать положить!»

И старушка напоила, накормила и спать положила и стала его спрашивать:

«Дитятко, волею ли ты йиздишь иль неволею?»

— Ахъ, бабенка! — говоритъ — вдвое неволею. Велѣлъ нашъ тáтенка всѣхъ цвѣтовъ поломать, слѣдовъ поискать. Скажи, бáбенка: — далече ль или близко нашъ тáтенка ѣздилъ? —

«Утро мудро; день прибыточенъ: — утро мудренѣе вечера, дитятко; съ утра я тебѣ скажу!»

Тутъ бáбенка будила его поутру ранёшенько и кормила и поила его, добрá молодца, и дала свого добраго коня; а того оставила тýто-ка и проводила въ чистое поле...

И взялъ доброй молодецъ поскакивать и помахивать: съ горы нá гору, съ холмы́ нá холму; рѣки да озёра промежъ ногъ несетъ; грива колесомъ завивается, хвостъ по земли разстилается...

И выѣхалъ на зелёны лугá. И день коротается, солнце къ вечеру приближдается... И такъ увидѣлъ въ зеленыхъ лугахъ хвартерку:

«Устойся, фатерка, на тýрьей ножки, на веретённой пяткѣ! мнѣ въ тебѣ не вѣкъ вѣковать — одну ночь ночевать: я въ тебя войду и выду»!

И пріѣзжаетъ на своемъ добромъ кони ко крыльцу, и соскочилъ съ своего добраго коня — идетъ въ сю храмину: — сидитъ старá мáтерая жена и тóчитъ черезъ грядку шёлковъ кýжель и носомъ въ печи поварýетъ, глазами въ полѣ гусей пасетъ:

«Что ты, дитятко, волей аль неволей йиздишь»?

Прискóчетъ какъ Иванъ-царевичъ къ старухѣ:

«Я тебѣ какъ дамъ поýшину — будетъ отъ .... отдушина! какъ дамъ въ високъ — посыплется изъ .... песокъ»!..

Недосугъ стало старухѣ сидѣть: — стала кормить и поить, и спать положила; и тогда стала спрашивать...

«Ахъ, бáбенка! всѣ тебѣ побѣдушки свои скажу: насъ у царя было три сына. Первый братъ былъ Ѳедоръ-царевицъ, и спустилъ онъ за охотой его своихъ цвѣтовъ поломать — слѣдовъ поискать; и то онъ съѣхалъ только къ мѣдной горы — одного привезъ мѣднаго гада. И за то нашъ батюшка сдѣлался гнивенъ — посадилъ ево въ темницу. И друѓой братъ былъ Митрей-царевичъ; и послалъ его за охотой, и пропалъ онъ безвѣстно, назадъ онъ не воротился. И сталъ выкликать по инно время нашъ батюшка, — принужденъ я выйдти, поклониться батюшкѣ, поѣхать его цвѣтовъ поломать, слѣдовъ поискать. Пóтомъ онъ мнѣ говорилъ:

«Куды тебѣ, Иванъ, ѣхать? было братьевъ получше тебя! — сидѣть бы тебѣ на печи, а не поля́ковать ѣхать! другіе были старше тебя, да не воротилися въ домъ»!

«И потомъ я вынужденъ, бáбенка, выйдти и благословленія просить у батюшки своего: — Дашь прощеніе и благословленіе — поѣду! не дашь прощенія и благословленія — поѣду! — Тогда же принужденъ я поѣхать во чистое поле поломать его цвѣтовъ, поискать слѣдовъ. И потомъ царь этому былъ радостенъ — отпустивъ меня. — Скажи, бáбенка, далече ли нашъ тáтенка ѣздилъ или близко»?

— Утро, дитятко, мудро; день прибыточенъ; — утро мудренѣе вечера: — я тебѣ съ утра скажу! —

И тутъ онъ просыпался, будила ето бáбенка ронёшенько и дала свово добра коня, и на путь-дорожку провожала и наказывала ему:

«Пріѣдешь, мое дитятко, въ самое подуденное время, въ подсолнечное государство. И тамъ все дѣвица царѣетъ, Марья-Краса, До̀лга Косá. О девяти столбахъ кровать. Спитъ она на о̀дри само полуденное время. Но поторопись—скачи прямо въ городовую стѣну. И въ саду молодовáя яблоня, вода жива и мёртва. И зá тымъ твой отецъ ѣздилъ туда, ты налей пузырьки живой воды и мертвой; испытай, котора жива, котора мертва:—розорви воронёнка. На правой рукѣ живая вода, а на лѣвой мертвая»...

Пріѣзжаетъ Иванъ-Царевичъ въ подсолночное государство и зашелъ въ садъ и поймалъ вороненка, и разорвалъ. И тутъ спрыснулъ мертвой водой—тѣло его слилось; и живой водой спрыснулъ—вороненокъ полетѣлъ!...

И тутъ захотѣлось доброму молодцу сходить въ покой, посмотрѣть: какожды спитъ въ полуденное время Царь-Дѣвица, Марья-Краса, Долга Косá?—И пошелъ по покоямъ—по комнатамъ,и всѣ дѣвицы по о̀драмъ своимъ спятъ. И дошелъ до покоя дѣвицы Марьи-Красы и до Долгой-Косы. Такожды дѣвица очень прилѣпно красовита. И въ себя вздо̀хнетъ—двери запрутся, и отъ себя отдо̀хнетъ—двери отопрутся... И—

«Что мнѣ не честь!» разгорѣлось у молодца ретивое сердце:

«Хочется мнѣ у дѣвицы своего коня напоить!»

И зá нею Красу, скрозь рубашку тѣло видно, а скрозь тѣло—мозгъ видно...

И пригорѣлся онъ, и захотѣлось ему своей охотой сдѣлать мысленной. И ся дѣвица не услыхала, сію охоту сдѣлать мысленно...

И потомъ вышелъ тихо, и смирно изъ покоевъ вонъ.

И выходитъ на широкой свой дворъ, и весьма его стоитъ конь утружденъ. Веди его къ роднику, излѣй его всего всего свѣжей водой, и набери молодо̀выихъ яблоковъ, наклади перемётныя сумки, и пузырьки налей воды живой и мертвой, и ускоряй изъ царствія поѣхать скорою своею промышленностью.

И такожды садился на добрá коня и, поторопивъ поѣхать, ударилъ коня по тучнымъ бедрамъ, и скочивъ прямо городо̀вую стѣну, и зачепивъ конь лѣвою ногою за мѣдную струну. Вокругъ города мѣдныя струны и колокола зазвонили, и разбудилась Царь-Дѣвица, и взбудила всѣхъ своихъ служащихъ. И сдѣлала всихъ крылатыихъ—полетѣла вслѣдъ за нимъ, въ погоню.

«Что въ нашемъ государствѣ былъ воръ, и въ моемъ колодезѣ коня напоилъ. Обрáвъ наши яблоки молодовыя и живую воду и мертвую»!

Такъ сіе Иванъ-царевичъ доѣзжаетъ до бáбенки, и бабенка выводитъ къ нему своего добрá коня. И онъ, царевичъ, соскочи съ коня на коня, и гони впередъ...

И стала ей просить, ро̀дной своей племянницѣ, Царь-Дѣвицѣ, къ себѣ въ гости, на чай и на кофе.

«Что жъ, бáбенка! мнѣ не слободно и недосугъ; не видала ль какого дурака, проѣдуци»?

— Ахъ, мае дитятко!—говоритъ:—и никуда отъ твоихъ рукъ уйдетъ:—онъ коломъ погоняетъ; поди на малое время ко мни погостить!

И потомъ, поколь ее угощивала, онъ коня погоняетъ—ко другой бабушкѣ поспѣшаетъ.

А Царь-Дѣвица, вслѣдъ и поднялась со своей силой.

И прилетаетъ къ своей бабенкѣ:

«Что, бáбенка? не видала ли дурака, про̀идуци или проѣдуци?

— Дитятко!—говоритъ:—какой то дурачекъ ѣдетъ; бьетъ—лошаденка поткается; больше нейдетъ!

Начни убѣдительно просить сію царь-дѣвицу къ себѣ въ гости на чай и на кофе.

И зашла дѣвица.

Поколь угащивалась—Иванъ-царевичъ къ третьей бабушкѣ пріѣзжаетъ. И дáла ему своего добрá коня, отсылаетъ въ тую минуту со двора.

И царь-дѣвица отъ второй бабушки поднялась и его застать хочетъ. То долетаетъ до третьй ба́бенки—спрашиваетъ:

«Что, ба́бенка? не видала ль дурака, про́йдуци или проѣдуци»?

— Подико въ гости!.. Какой-то муракъ ужъ на кони кожу несетъ!

И стала ее убѣдительно просить:

— Жаръ этакой!—отдохнешь!..

Покýль она прохлаждалась да угощалась, — потомъ за Иваномъ-царевичемъ вслѣдъ подымалась.

Иванъ-царевичъ той порой ускорилъ на святую Русь выѣхать; и не поспѣла своей спѣшностью его достать!..

И пріѣхалъ Иванъ-царевичъ къ тому же столбу во чистомъ поли, на которомъ надпись есть...

Тутъ Иванъ-царевичъ пораздумался:

«Не честь-хвала да молодецькая!—въ дорожку былъ спра́вивши не въ вѣстимую, получилъ своего батюшка вси прихоти, и—буде поискать свово ро́днаго братца, Дмитрія-царевича»!

Тогда ладиться поѣхать, своего брата поискать; и спра́вился— «гдѣ конь сытъ, а самъ голоденъ».

И выѣхалъ въ зелены луга. И пригромный домъ увидалъ; и подъѣхалъ къ сёму; и подъ ворота́ заѣхалъ, и поставилъ коня въ бѣло-я́ровой пшены́... Узналъ царскій конь своего наслѣдника—заржалъ во всю по́ру!—Идетъ онъ на столбы точёные, на ступенки золочёныя. И выходитъ ему встрѣчу прикрасная женщина; и встрѣчаетъ его—къ себѣ въ покой зазываетъ, и ведетъ его къ себѣ въ покой на угощеніе.

И кормила, поила, всѣмъ удовольствовала его—всякою благодатіею. И на кровать послѣ хлѣба-соли добра́ мо́лодца ложитъ съ устаточку. Ложитъ его, Ивана-царевича, напередъ о стѣночку; а онъ ею́. Долговременнно коря́лися они этымъ. Хвати Иванъ-царевичъ за животъ ее, и брось о стѣнку!—поверни кроватку-самокатку—полети ся женщина въ глубокій погребъ!...

Тамъ кричатъ прежніе сидѣльцы:

«Свѣжаго Богъ далъ»!

Кричитъ Иванъ-царевичъ:

«Котора васъ сгубила, разорвите ю по одному суставу»!

Тутъ хватили добры́ молодцы:—кому рука, кому нога, кому попала голова!..

И подавае имъ ко долу канатъ; и распускаетъ добрыхъ молодцевъ на волю. Обо́зри своего брата Митрія—пріймаетъ его за ручки за бѣлыя, за перси злаченыя; цѣловалъ его во сахáрныя уста, нарекалъ его братомъ, Дмитріемъ-царевичемъ.—И напоилъ, накормилъ своего брата и поѣхалъ съ нимъ въ свой градъ.

И выѣхалъ въ чистое поле. Оклони Ивана-царевича великій и несносный сонъ. Деветеро сутки ѣздюци, ни сыпа́юци, не ѣдаюци, не пиваюци... И роздернули свои бѣлые шатры, и на́чали опочивать.

Иванъ-царевичъ спитъ безъ прохвату...

И третьи сутки Митрій-царевичъ, обравъ молодо́выя яблоки, живую воду и перемётныя сумки, уѣхалъ въ свое государство.

Иванъ-царевичъ проспа́лся:—нигдѣ ничего не видно!—И сѣлъ на свово добраго коня, и подъѣхалъ близъ своего государства. И снимае свое церька́ссьское сѣдло и тесьмяную узду, и—

«Ступай въ поле, на спокой, Сивка-Бурка, пока я тебя не потребую»!

Идетъ Иванъ-царевичъ пѣхо́тою въ свой градъ. И зайди по питейнымъ домамъ, съ удальчамы на ряду...

Съ великою че́стію принялъ царь Дмитрія-царевича, водитъ балы и короводы...

Скоро скажется—тихо дѣется:—тѣмъ временемъ прошло три года. И пріѣхала

Царь-Дѣвица середь самой середь ночи, съ полуночи во первомъ часу; и начни палить изъ пушекъ и изъ орȣжій; и прòси виноватаго къ себѣ.

Не знаетъ царь, что и сдѣлать: кого отдать виноватаго?..

И собиралъ онъ царь думныхъ господъ:

«И господа вы, думчіе бояра! станемъ мы выдумывать: нѣтъ-ли у насъ кого виноватаго послать»?

— Милосердый государь! какожды вамъ полюбится, намъ сказать и говорить:— во дальнюю дорожку Митрій-царевичъ не напакостивъ-ли гдѣ? не сдѣлалъ ли чего худого въ какомъ государствѣ?

И посылали Ѳедора-царевича на корабль. И увидѣла Марья-краса, Долга Коса,— выбросила сходни, постилала сукна красны... Бѣгаютъ на корабли два вьюноша прекрасныя, и кричатъ сіи два въюноши малые:

«Маменька! маменька! нашъ татенка идетъ»!

— Нѣтъ, дѣтушки!—говоритъ:—не батюшка идетъ, вашъ дядюшка бòльшій.— Возьмите-тка—говоритъ—вы дядюшку, розтяните вы его по палубы; вырѣжите-ка съ ляжки три пряжки, съ хребта—три ремня.—Пусть не въ свое мѣсто не пихается!— столкните его прочь.

И начни опять палить день и ночь изъ пушекъ и изъ ружей, и прòси виноватаго.

И собираетъ царь думщіихъ господъ:

Что у насъ въ государствѣ, хто виноватый есть?

И такожды господа думщіе бояра удумали:

«Извольте, ваша милость, послать Митрія-царевича:—не его ли есть пригрѣшеніе»?

И царь посылаетъ своего сына на корабль.

Выкинули сходни, пòстлали сукна... Бѣгаютъ два вьюноша малые и говорятъ своей матери:

«Маменька! маменька! нашъ татенка идетъ !

— Нѣтъ, не вашъ татенка идетъ; а вашъ середней дядюшка идетъ.—Возьмите-ка вы дядюшку за ручки бѣлыя, положите его на палубы: вырѣжьте-ка съ ляжки три пряжки, съ хребта—три ремня!—Пусть не въ свое мѣсто не пихается!—отошлите съ корабля вонъ!

И съ корабля отослали его, и начали палить изъ ружей да изъ пушекъ, просить виноватаго.

И опять царь собралъ думщіихъ господъ:

«Что, думщіе господа? кто у насъ согрѣшилъ?—Дайте мнѣ совѣтъ».

Нѣкакій выискался изъ нихъ,—смѣло отвѣчаетъ царю:

«Ваше Императорское Величество.—Ваша милость виновата»!

Такойжды и говоритъ:

«Ванька-запѐчникъ—царской сынъ; хотя и не пристойно вамъ сказать—всякія премудрости онъ вретъ и представляетъ по кабакамъ и питейнымъ домамъ»...

— Отыскать его, и привесть!—не его ли пригрѣшеніе есть!..

Того Ваньку отъискивали по кабакамъ, по всему городу;—отъискивали Ваньку за городомъ, «царскаго сына», и требуютъ его на личѐ къ царю. И приходитъ онъ къ своему отцу на личѐ, въ худомъ мундирѣ. И сильно воспылилъ на него царь:

«Охотникъ ты, Иванъ-царевичъ, приглаживать:—не твое ли пригрѣшеніе есть?— За свой ты грѣхъ самъ и отвѣчай; а насъ—чтобъ больше не тревожили»!

Ванька смѣло царю отвѣчаетъ:

«Какой бездѣличи безъ меня царю отвѣтить не могли»!

Такожды говоритъ:

«Отвѣтить не могли»!

Убирался Ванька скоро на корабль. И идетъ онъ на корабль, не самымъ чи-

стымъ парадомъ, а грязью и водой.—Тамъ того-то не пытали—сходни выкинули, и сукна подостлали... И бѣгаютъ два вьюноша:

«Маменька! маменька! не нашъ ли татенька идетъ»?

И говоритъ Царь-Дѣвица:

«Дѣтушки! возьмите за ручки за бѣлыя, за перси злаченыя! и—вашъ кровный сущій батюшка идетъ»!

И принимала за ручки за бѣлыя Марья-Краса, Долга-Коса,—называла нарѣченнымъ мужемъ своимъ:

«По сѣмени своему, засѣенному, законный бракъ имѣть съ тобой хочу»!

И стали они пировать. Съ великою честью царь приглашаетъ его на́ пиръ.— И всѣ свои побѣды Иванъ-царевичъ разсказалъ,—что случилось быть надъ нимъ. И таковды просилъ благословленія, нерушимо во вѣки, отъ своего отца, принять законный бракъ съ Царь-Дѣвицей:

«Таковды мои мысли и силы хватали,—таковды я досталъ живой воды, и мертвой, и молодовыихъ яблоковъ,—чтобъ ты былъ, нашъ батюшка, аще моложе, и тебѣ дай Богъ многолѣтняго здравія!—И такъ прошу у тебя милосердія своего, отпустить меня въ подсолнечное царство съ Царь-Дѣвицей:—не вступаюсь въ свое государство»!..

И съѣхалъ въ подсолнечное царство;—и весьма хорошо живетъ, прокладно, и желаетъ себи и дѣтямъ долговременный спокой....

—

Колько слыхалъ—только сказалъ.

Сѣнно-Губскій погостъ, въ За-Онежьѣ.

Другой разсказъ.

Дӧсюль было у отца да у матери три сына; и написавъ имъ отецъ и мать службу:—съѣздить въ подсолнечное царство, въ подсолнечное государство, къ Царь-Дѣвицѣ.

И поѣхалъ напередъ старшій сынъ.

И ѣхавъ—поѣхавъ—стоитъ по край дороги столопъ, и на немъ подпись:

«Вправо дорожка—съ дѣвкой спать на кровати; влѣво дорожка—самому живу не быть; а впередъ—долга, безконечна дорога»!

Думалъ—подумалъ: куда поѣхать?..

«И поѣду, съ дѣвкой спать, на кровать»!

И пріѣхалъ въ чистое поле: стоитъ палата бѣлокаменная.

И пріѣхалъ на своемъ добромъ конѝ къ палатѣ бѣлокаменной и привязалъ коня къ столбу точёному, къ кольцу золочёному.

Выходитъ красная дѣвица,—и насыпала коню пшены бѣло-ꙗровой...

И приходитъ добрый молодецъ въ эту палату.—Красная дѣвица его накормила, напоила, и говоритъ ему:

«Ложись, добрый молодецъ, спать, на кровать»!

И взяла добраго молодца охапкой, бросила о постель, и онъ въ погребъ улетѣлъ!..

И ждали-пождали отецъ и мать—нѣтъ сына съ этой дороги!.. Стали стары и древни, и назначили службу среднему сыну, съѣздить въ подсолнечное царство, по молодицныя ягоды, по живую воду.

И пріѣзжаетъ онъ ко столбу, и на немъ подпись:

«Вправо дорожка—съ дѣвкой спать на кровати; влѣво дорожка—самому живу не быть; а впередъ долга—безконечна дорога»:

Думалъ—подумалъ: куда поѣхать»?..

«И поѣду, съ дѣвкой спать, на кровать»!

И пріѣхалъ, на своемъ добромъ кони, къ той палати бѣлокаменной; и привязалъ коня къ столбу точёному, къ кольцу золочёному...

Туто выходитъ красная дѣвица, и насыпала коню пшены бѣло-ярово́й...

И приходитъ добрый молодецъ въ палату;—красная дѣвица его накормила, напоила, и говоритъ ему:

«Ложись, добрый молодецъ, спать, на кровать»!

И взяла его, добра́ молодца, охапкой, бросила о постель,—и этотъ въ погребъ улетѣлъ!..

Жда́ли—пождали отецъ и мать—нѣтъ и середнего сына съ дороги!..

И налагаитъ отецъ и мать службу мѐньшему сыну.

И тотъ не поѣхалъ отъ столба ни вправо, ни влѣво, а поѣхалъ прямо въ долгу дорожку безконечную.

И ѣхалъ—поѣхалъ:—стоитъ избушка на ту̀рьей ножкѣ, на веретенной пяткѣ; туда тынцёмъ, сюда крыльцёмъ...

И говоритъ добрый молодецъ:

«Устойся, устойся, избушка на ту̀рьей ножкѣ, на веретенной пяткѣ! Мнѣ не вѣкъ вѣковать—одну ночь ночевать»!..

Избушка устоялась...

И приходитъ въ избушку—видитъ: сидитъ на стулѣ стара́-матера̀ женщина.

«Фу! фу! фу! до̀сель черной воронъ кости росѣйской не занашивалъ; а нонѣ сама кость въ глаза копаетъ»!

И эта старуха сидитъ, сама шелковый кудель то̀читъ и черезъ грядку про̀сни (пряжу) мечетъ; глазами гусей въ полѣ пасетъ, носомъ въ печи поваруетъ (уголья ворочаетъ).

«Волею аль великою неволею ты ѣдешь, дитятко, въ подсолнечное царство, въ подсолнечное государство»?

Сколько, бабушка, волею—вдвое, втрое великою неволею!—И наложилъ царь—батюшка службу, соѣздить по молодицныя ягоды, по живую воду.

Она говоритъ:

«Хоть и ѣдешъ въ подсолнечное царство; а туда много ходцѐвъ—мало выходцевъ»!..

— Не стращай, бабушка, а лучше накорми-напой и дай мнѣ своего коня—пусть мой поотдо̀хнетъ!

И напоила его, накормила и дала ему бабушка коня:—своего оставилъ кормить и поить.

«И знаешь ли, бабушка, гдѣ живетъ Царь-Дѣвица»?

— Не знаю, дитятко!—Впереди живетъ моя середняя сестра, которая знаетъ больше меня.

И ѣдетъ—ѣдетъ добрый молодецъ—стоитъ вторая избушка, на турьей ножкѣ, на веретенной пяткѣ...

И устоялась избу̀шка, и входитъ добрый молодецъ, видитъ: сидитъ старуха на стулѣ—сама шелковъ кудель то̀читъ и черезъ грядку про̀сни мечетъ; глазами въ полѣ гусей пасетъ, и носомъ въ печи повару̀етъ:

«Фу, фу, фу! досель воронъ кости росѣйской не занашивалъ: а мнѣ тая кость въ глаза копаетъ!—Волею аль неволею ты ѣдешь, дитятко, въ подсолнечное царство, въ подсолнечное государство»?

— Сколько, бабушка, волею, вдвое—втрое великою неволею!.. И наложилъ батюшка службу—ѣду по молодицныя ягоды, по живую воду...

«Хоть и ѣдешь, дитятко, въ подсолнечное царство; да туда много ходцѐвъ—мало выходцевъ»!..

— Не стращай, бабушка; а накорми—напой меня и дай мнѣ своего коня—этотъ пусть тутъ останется!

И напоила его, накормила и дала ему своего коня...

«И знаешь ли, бабушка, гдѣ живетъ Царь-Дѣвица»?

— Не знаю, дитятко:—впереди живетъ моя старшая сестра,—тая знаетъ больше меня!

И ѣхалъ—поѣхалъ добрый молодецъ—доѣзжаетъ до третьей избушкѣ: стоитъ избушка на тӯрьей ножкѣ, на веретенной пяткѣ; туда тынцемъ, сюда крыльцемъ...

«Устойся, устойся, избушка! Мнѣ въ тебѣ не вѣкъ вѣковатъ—одну ночь ночевать»!

И устоялась избушка.

И приходитъ добрый молодецъ въ третью избушку—видитъ: сидитъ третья стара́-матера́ женщина на стулѣ: сама шелковъ кудель тȯчитъ, черезъ грядку прȯсни мечетъ; въ полѣ глазами гусей пасетъ, а носомъ въ печи поварӯетъ...

И говоритъ ему:

« Фу, фу, фу! досель чёрной воронъ и кости росѣйской не занашивалъ, а нонѣ кость въ глаза копаетъ!—Волею аль великою неволею ты, дитятко, ѣздишь»?

— Сколько, бабушка, волею, вдвое—втрое великою неволею:—наложилъ царь-батюшка службу, ѣхать по молодицныя ягоды, по живую воду...

«Хоть и ѣдешь въ подсолнечное царство; а туда много ходцевъ—а мало выходцевъ»!..

— Не стращай, бабушка, а лучше напой, накорми да коня смѣни!

И напоила—накормила и коня смѣнила...

И говоритъ ей добрый мододецъ:

«А знаешь ли, бабушка, гдѣ живетъ Царь-Дѣвица?»

—Пойдешь, дитятко, въ полудёнъ—поѣзжай въ полудённыи ворȯта. И Царь-Дѣвица лежитъ на лугу, розлёгавши; и отнюдь ты её не трожь! А ежели тронешь её, смотри:—самъ обкатишься и коня своего обкати. Струны натянуты и къ колоколамъ привязаны. Поѣзжай въ полуденныи ворота, выѣзжай въ сѣверныя.—Бери – направо живая вода и молодичныя ягоды, налѣво—мертвая вода.

И не утерпѣлъ добрый молодецъ и тронулъ Царь-Дѣвицу, взялъ молодичныхъ ягодъ, и живой и мертвой воды, и поѣхалъ въ ворȯта: конь перескочилъ передними ногами, а заднею лѣвой ногой задѣлъ щёткой за струну!—Струны заходили, колокола зазвонили.. Царь-Дѣвица прохватилась—мокра лежитъ!

«Какой невѣжа былъ въ царствѣ—лежалъ лежа? у ней.... свѣжа!

Поѣхала за нимъ въ погоню...

Пріѣзжаетъ къ первой бабушкѣ:

«Невидала ль бабушка невѣжы?—далече ль онъ ѣдетъ?»

—Только, что проѣхалъ, дитятко: лошаденка подъ нимъ такая плохая—ступитъ не ступитъ.... Молчи, дитятко: баенку вытоплю, ты у меня отдохнешь маленько, поѣдешь какъ разъ и достанешь!

Пока она парилась да отдыхала,—а добрый молодецъ на перемѣнномъ конѣ летитъ да летитъ!

Доѣзжаетъ Царь-Дѣвица до второй бабушки: и у той также. Парилась да отдыхала; а тотъ себѣ, на перемѣнномъ конѣ, летитъ да летитъ!..

Отъ третьей бабушки поѣхала, не парившись... на глаза взяла (завидѣла вдали)—и нагоняетъ добра молодца; а онъ отъ нея улепетываетъ. Конь перенесъ черезъ рѣку:—она за хвостъ ухватила—хвостъ остался въ рукѣ, а конь безъ хвоста ушелъ съ нимъ!..

И пріѣзжаетъ добрый молодецъ къ столбу, и догадается, что его братья поѣхали съ красной дѣвкой спать, на кроватъ:—надо ихъ ему выручить.

И доѣзжаетъ онъ до палаты бѣлокаменной — сходитъ съ коня, и привязалъ коня ко столбу, ко точёному, ко кольцу золочёному...

Выходитъ красная дѣвица, взяла молодца за ушка́, поцѣловала и дала коню пшены бѣлоярвой...

И приходитъ добрый молодецъ въ палату:—красна дѣвица его напоила, накормила, и говоритъ ему:

«Ложись, добрый молодецъ, спать, на кровать»!

Только что она его въ охапку, а онъ ее поперекъ, да о постель и бросилъ:—полетѣла и сама въ погребъ!.

Поглядитъ—а на двори два коня и стоятъ!

«Вотъ, куда вы забрались, мои любезные братцы!.. Эй, что вы тамъ?—живы ль еще»?..

Должно быть, что живы, коли дѣвку рвутъ на части!

И слободилъ онъ своихъ братьевъ и поѣхалъ съ ними домой...

И пріѣхалъ домой—далъ отцу и матери молодицныхъ ягодъ и живой воды:—стали лучше стараго и лучше прежняго!..

И Царь-Дѣвица съ этого разу понеслась и принесла троихъ мальчиковъ...

И пріѣзжаютъ эти молодцы, какъ подросли, съ матерью торговать въ городъ. Сходни съ судна выкинули на гору, сукна подослали: — ходитъ всякой народъ покупать.

И приходятъ дидовья: приходитъ одинъ—мальчики говорятъ:

«Матушка, матушка! нашъ дядюшка идетъ»!

Она ничего не отвѣчаетъ:—все въ умъ беретъ.

Приходитъ другой:

«Матушка, матушка! нашъ дѣдушка идетъ»!..

— А гдѣ же вашъ отецъ?

И принялись мальчики бѣгать и давай отца искать.

И потомъ добрались до печника, до глиняника:—онъ идетъ въ лаптяхъ, весь въ глинѣ...

Мальчики взяли серебряный тазъ—умыла, угладила, и на царство поставила:—стали жить да быть, добра наживать—лиха́ избывать!..

Вой-Кȧволокв.

ОТДѢЛЪ IV.

Вопросы и отвѣты.

Отвѣтъ.

Въ IV отд. «Жив. Стар.» [1] г. Соболевскимъ помѣщенъ вопросъ о томъ, «какія косметическія средства употребляются въ народѣ»?—вотъ какія свѣдѣнія по этому предмету сообщили мои знакомые.

Бабушка Марина Лыткина [2], напр., завѣряетъ, что преже «была мода дарить невѣсту зеркальцемъ и румянамъ». Такъ, она сама, послѣ просватанья, получила отъ своего жениха, пріѣзжавшаго «на гостинцы», въ подарокъ гостинцы—«зеркальце, румяна и бѣлила» (частица бѣлилъ у ней сохранилась до сихъ поръ; этому подарку 50 съ лишкомъ лѣтъ!). Лыткина, однако, и невѣстой «не румянилась: потому была безъ румянъ краснолица и брава така». Прочія дѣвушки—не невѣсты—тоже никогда не румянились—«почиталось за стыдъ».

Д. Лопаткина, Казачинской вол.

«Мамонька, покойна головушка, сказывала, что женихъ дарилъ ей бѣлила и румяна. Встарину таки обновновеніе было. Оно уже вывелось. Дѣвки и прежъ и теперь не румянятся, развѣ кака гуляща найдется, у той стыда хватитъ намалевываться. Богачки изъ мѣщанокъ по нашимъ селамъ бѣлятся пудрой и проч.».

Анна Казанцева изъ с. Усть-Тунгузски, Маклаковской вол.

«У насъ, въ Казачинскомъ, только о К—хъ дѣвицахъ поговариваютъ, что румяны наводятъ себѣ: будто натираютъ лицо бодягой (что растетъ въ озерахъ). Таку дѣвушку всегда замѣтно; лицо ея красно, пока натерта бодягой, и постоянно въ прищахъ».

Ольга Казанцева. С. Казачинское.

Передаютъ, въ д. Падериной, Казачинской вол., дѣвушки иногда наводятъ румяна краской оберточной бумаги изъ подъ конфектъ.

Въ с. Ужурѣ, Ачинскаго окр., зналъ дѣвушку, о которой говорилось, что румянится фосфоромъ сѣрныхъ спичекъ (прежнихъ). Правда ли то была, не ручаюсь. Только для каждаго посторонняго было замѣтно, что въ дни праздниковъ и вечерокъ, напр., лицо этой любительницы косметики пылало необыкновенно ярко, потомъ румяны постепенно потухали и подъ конецъ вечера цвѣтъ лица ея дѣлался грязно-сѣрымъ. Вообще же дѣвушки Ужурской вол. обходятся безъ косметическихъ средствъ.

Веснушки, какъ утверждаютъ, исчезаютъ отъ «кислой березовки», что скопляется весной на пняхъ срубленныхъ березъ (когда течетъ березовка); сгусткомъ этого сока должно намазывать лицо.

---

[1]) Вып. I, 1892 г., стр. 153.

[2]) «Ж. Ст.», вып. III и IV, 1895 г. стр. 351.

Отъ загара умываются свѣжей сывороткой и мажутся березовымъ дегтемъ. Дѣвушкамъ енисейск. окр., можно сказать, не приходится пользоваться ни тѣмъ, ни другимъ средствомъ: во время лѣтнихъ работъ онѣ носятъ, какъ принято всѣми деревенскими жителями, сѣтки; каждая сѣтка имѣетъ личинку (передняя часть), которая ткется изъ конскаго волоса чернаго цвѣта, къ ней пришивается ситковый сѣтошникъ—въ цѣломъ она похожа на глухой капишонъ и надѣвается на голову для предохранія лица отъ укусовъ несносной мошки, овода, комара и проч.; за личинкой сѣтки, какъ за густой вуалью, лицо предохраняется отъ загара.

Прищи на губахъ, на липѣ прижигаются сильно нагрѣтой отымалькой (тряпица для прихватыванья горшковъ).

Алексѣй Макаренко.

Г. Енисейскъ. 9 марта 1897.

ОТДѢЛЪ V.

Смѣсь.

Дурачки и убогіе.

По улицамъ с. Ужура долгое время бродилъ «Вася-дурачекъ», привлекавшій вниманіе хорошимъ тѣлосложеніемъ своимъ, пріятными чертами лица, обрамленнаго черной окладистой бородой, и меланхолически-задумчивымъ взоромъ темно-сѣрыхъ глазъ. Вася былъ сыномъ довольно зажиточнаго крестьянина ближайшей деревни (Кулунь). Общественное мнѣніе относило его къ числу «тронувшихся умомъ». Эта «оказья» произошла съ нимъ уже на возростѣ. Разсказы ужурцевъ объ этомъ двоякаго характера.

Кто объясняетъ помѣшательство Васи «большимъ читаньемъ», что, будто, онъ зачитывался книгами. Другіе приписываютъ это вліянію «тоски». Лучше было бы, конечно, обратиться за разъясненіями этого вопроса къ Васиной роднѣ,—но... Полагея Вас. Анаина, уроженка одной съ нимъ деревни, разсказала, между прочимъ, слѣдующее.

«Отецъ у Васи строгой такой былъ и приневаливалъ его жениться, даже плетью стегалъ. Вася супорствовалъ, будто другу любилъ, взясть котору отецъ не велѣлъ. Такъ у нихъ и пошло дѣло на разладъ. Скоро стали замѣчать, что Вася началъ задумываться, словно тоскнѣть. Поѣхалъ онъ какъ-то къ обѣднѣ. Слышимъ-послышимъ, я уже жила въ Ужурѣ, Васю силкомъ вытащили изъ храма. Сперва молился онъ, потомъ, сказывали, ни съ того ни съ сего вскричалъ. Подошли къ нему, опросили,—онъ не слышитъ, пошевелили,—онъ ни съ мѣста, хватились—у него все тѣло ровното одеревенѣло. Лѣчить лѣчили, да толку не вышло».

Лѣто и зиму Вася ходилъ съ непокрытой головой, плохо одѣтымъ и обутымъ,—«самъ отъ себя, говорила П. А—на, потому что братья одѣнутъ, онъ растерятъ все». Въ такомъ видѣ Вася бродилъ по всей волости, надо думать. Мнѣ пришлось встрѣтиться съ нимъ на озерѣ Бѣлошапкинскомъ (въ 40 верст. отъ Ужура). Это было въ первой половинѣ октября 92 г. Хотя шла неводьба по льду, но озеро имѣло еще мѣстами полыньи; къ тому же, въ тотъ день, дулъ «хіусъ» (сѣв. вѣтеръ) и порошилъ снѣжокъ, изъ-за котораго едва различалась вдали человѣческая фигура, шедшая къ намъ отъ камышей. Усмотрѣнное отсутствіе на головѣ шапки, одѣтая внакидку дырявая шубенка и характерная походка параличнаго, помогли нѣкоторымъ рыболовамъ опредѣлить и самую личность пѣшехода. Только диву дались всѣ, когда узнали, а потомъ увидѣли воочію самого Васю. Онъ подошелъ молча. На привѣтственные возгласы усмѣхнулся только. Посмотрѣлъ недолго, какъ выбирался неводъ, и также молча поплелся къ группамъ другихъ неводчиковъ. Бѣлошапкинцы говорили, что Вася иногда опсѣщалъ ихъ.

Постояннымъ же, кажется, мѣстопребываніемъ для него служилъ Ужуръ. Молчаливо ходилъ Вася по его улицамъ, волоча правую ногу. Иногда остановится бывало, пробурчитъ что-то, расхохочется и мигомъ застынетъ на мѣстѣ въ нѣмомъ созерцаніи одному ему только вѣдомаго міра. Онъ способенъ былъ подолгу стоять такъ неподвижно. Любилъ больше ходить по задворкамъ. Ночевалъ на сборнѣ. Никогда не просилъ милостыни и не заходилъ въ дома. Женщины и дѣвушки, однако, боялись Васи. Будто, когда «накатится на него» (въ порывѣ иступленія), онъ гонялся за женскимъ поломъ. Вася умеръ въ 1894 г.

Въ самомъ Ужурѣ съ недавняго времени имѣется свой «умомъ тронутый», Миша Ѳедотовъ. Родители его, братья и сестра, надо замѣтить, вполнѣ здоровый и психически нормальный народъ. Самъ Миша, когда вернулся изъ военной службы въ 1887 г., въ чинѣ унтера, обладалъ завиднымъ здоровьемъ; солдатская выправка какъ нельзя лучше шла къ его стройному корпусу и молодому лицу съ свѣтлыми глазами. И никто бы не повѣрилъ, глядя на этого цвѣтущаго и бравого унтера, если бы кто вздумалъ, разумѣется, пророчить ему столь печальную судьбу, что черезъ годъ или даже менѣе здоровье его пошатнется, смотрящіе весело на міръ глаза потухнутъ, бойкая рѣчь замѣнится тихо-гнусявою и сбивчивою, ясное сознаніе померкнетъ, и нынѣшній Михайло Ѳедотьевичъ уменьшится до Миши съ обиднымъ придаткомъ «дурачка».

По семейнымъ обстоятельствамъ, обычнымъ въ крестьянскомъ быту, главнымъ образомъ по настоянію родителей, Михайло женился довольно рано. Жена оказалась, что называется, «не по дому». А тутъ подошло время въ солдаты идти. Михайло забрили. Вскорѣ послѣ его отъѣзда и жена ушла отъ свекра...

Возвратившись со службы, Михайло Ѳедотьичъ поселился съ женой въ домѣ отца. Но скоро запросилъ раздѣла и былъ выдѣленъ.—Какъ-то отправился онъ по сѣно, наклалъ возъ, взлѣзъ на него, чтобы подтянуть быстрикъ, вдругъ неожиданно свалился оттуда и угодилъ головой въ снѣгъ. «Круженье како-то, разсказываетъ Миша, въ головѣ стало, я и свалился». За нимъ ѣздили домашніе на пашню и привезли домой безъ языка оставшимся съ дикимъ выраженіемъ лица.

Жена немного полѣчила мужа. Сколько-то пожила съ нимъ и затѣмъ окончательно бросила. Родители приняли Мишу къ себѣ. Теперь онъ нѣсколько «отошелъ» и даже исполняетъ по найму (съ 93 г.) должность ночного сторожа. Но все-же нынѣшній Миша не «находитъ» на прежняго Михайла Ѳедотьевича. Даже по наружности сильно измѣнился, такъ сдѣлался тучнымъ, имѣетъ обрюзглое лицо и взглядъ сонного человѣка. Оставаясь, какъ говорится, безъ десятой клепки въ головѣ, безъ «дѣйства въ рукахъ» (неспособнымъ къ работѣ), бывшій унтеръ,—былой предметъ почитанія солдатъ,—служитъ теперь мишенью для разныхъ шутокъ, позволяемыхъ въ отношеніи его всѣми, до мальчугана включительно.

Въ Ужурѣ есть свои убогіе: культяпые, слѣпые, недостаточные умомъ и др. Изъ числа послѣднихъ укажу на одного. Онъ ужурскій старожилъ. «Съ рожденья Богъ не далъ ему ума». Имя ему «Дёма», по фамиліи Таскинъ, холостъ. Имѣетъ брата моложе себя, такого же холостяка. Съ ихъ смертью прекратится это колѣно немногихъ въ Ужурѣ Таскиныхъ; въ настоящее время Демѣ слишкомъ 50 лѣтъ.

Низкорослый, плотнаго сложенія, съ узенькими вѣчно-моргающими глазками, съ клинообразной головой, покрытой рыжевато-щетинистыми волосами, такого же цвѣта усы и борода окаймляютъ его плоское лицо съ картошко-образнымъ носомъ. Неряшливъ, любитъ украшенія, изъ разнаго тряпья и прутьевъ вьетъ «гайтаны», ихъ частью носитъ на тѣлѣ, такъ какъ это де, по его объясненію, «скребетъ тѣло», другими увивается сверхъ бѣлья и верхней одежды; обувь, «хотя бы она была того новѣе», скрѣпляетъ прутовыми кольцами. Дѣлается это все въ томъ разчетѣ, чтобы лѣтомъ «мошка не залазила», а зимой—«морозъ не бралъ». Стоитъ труда отобрать у него кольца и другія украшенія или переодѣть въ чистое бѣлье. За свое тряпье, особенно за «гайтаны», Дема горой стоитъ и приходитъ даже въ неистовство; когда насильно отымутъ ихъ, тогда что попадется подъ руку, тѣмъ и бросаетъ. Случалось нерѣдко,

что онъ гонялся за обидчиками съ топоромъ, стяжкомъ и т. п. Въ баню Дема ходитъ, но рѣдко моется; вмѣсто мытья ищетъ насѣкомыхъ, гайтаны вьетъ или угли выбираетъ изъ каменки. Способенъ ѣсть много, но можетъ по суткамъ оставаться безъ пищи: «не накорми его, онъ нескоро запроситъ»; въ пищѣ не разборчивъ. Рѣчь немногосложна и состоитъ преимущественно изъ повтореній того же, о чемъ спрашиваютъ у него. На соображеніе туговатъ до чрезвычайности. Въ общемъ нрава довольно добродушнаго.

Дема умѣетъ выполнять почти всѣ крестьянскія работы, но справляетъ ихъ тихо, неумѣло и съ лукавствомъ. Онъ не отказывается отъ работы, но въ день нажнетъ не больше десяти сноповъ безъ вязанья, накоситъ копну, дровъ нарубитъ на истопель. Захочетъ работать, особенно если расшевелятъ похвалой, посулкой чего-либо, работаетъ до того, что прихватываетъ даже ночи: «лучше ночью—мошки нѣтъ», говоритъ Дема тогда. Жилъ онъ безотходно лѣтъ 10—15 у крестьянина Ал. А—на, помогая ему по мѣрѣ силъ; пріемный зять того выжилъ Дему, какъ «неспособнаго» къ работѣ. Въ «благодѣлку» [1]) было опредѣлили его, но онъ чуть «не замеръ» тамъ, такъ какъ не умѣетъ просить милостыни. Принятъ въ домъ однодеревенцемъ Пр. Мамизеровымъ.

Съ личностью Демы тѣсно связанъ его братъ Михайло или Михайло Гаврилычъ, какъ чествуютъ его при встрѣчахъ. Мужиками онъ считается «простоватымъ» парнемъ, на самомъ же дѣлѣ Михайло Гаврилычъ способенъ понимать людей и общественныя дѣли своей среды. Объ этомъ предметѣ онъ часто и охотно толкуетъ, отстаивая всегда мысль, что «не должно зорить хрестьянъ и надо пособлять другъ дружкѣ».

Однажды пришлось прочитать въ его присутствіи Щедрина — «Идеальный карась». Михайло Гаврилычъ первымъ указалъ на одного изъ слушателей, какъ на типъ щедринской щуки (бывшаго сельскаго старосту, замотавшаго 150 р. общественныхъ денегъ), чѣмъ вызвалъ въ остальныхъ взрывъ одобрительнаго хохота, а виновника заставилъ покраснѣть со стыда и повиниться въ грѣхѣ. Тутъ же Михайла Гаврилыча назвали «книжнымъ карасемъ», надѣющимся научить людей—жить по правдѣ. «Только щука-то съѣстъ тебя, Миша»!—кто-то добавилъ. И дѣйствительно, положеніе работника и собственная добросовѣстность побуждаютъ Михайла Гаврилыча «усердствовать» въ работѣ и изнашивать свои силы за переломленный грошъ. Въ недалекомъ же будущемъ его ждетъ одиноко-безпріютная старость и перспектива побираться по міру.

А. Макаренко.

---

[1]) Въ Ужурѣ давно существуетъ богадѣльня (благодѣлка—по мѣстному) жить въ ней допускаются только убогіе и нищіе изъ разряда поселенцевъ всей волости. Обитатели ея, получающіе и не получающіе казенное пособіе, питаются «Христовымъ имянимъ». Такимъ образомъ ужурская богадѣльня представляетъ собой лишь ночлежный домъ. На его ремонтъ, отопленіе и освѣщеніе волость отпускаетъ небольшую сумму денегъ. Этимъ дѣломъ завѣдуетъ хозяйственный засѣдатель волости и не всегда, впрочемъ, добросовѣстно. Зачастую богадѣльщики сидятъ зимой въ нетопленной избѣ, съ выбитыми стеклами и т. п. терпятъ неудобства отъ плохаго хозяйственнаго распорядка завѣдывающаго.

Неспособные къ работѣ убогіе и нищіе крестьяне содержатся своими же родными или «водятся по избамъ», когда лишены родни и т. п. обставлены обстоятельствами.

Урочливая.

Опасаясь, чтобы не перейти положеннаго себѣ предѣла зауряднаго наблюдателя и не вдаться въ пустыя толкованія по поводу кажущейся мнѣ общности чертъ затронутыхъ выше душевно-патологическихъ состояній индивида,—съ одной стороны состоянія мнительности, признаваемаго представителями научной медицины, съ другой—своеобразно понимаемаго темнымъ народомъ состоянія урочливости,—я ограничусь въ дальнѣйшемъ изложеніи своихъ наблюденій однимъ лишь нанесеніемъ фактовъ, взятыхъ непосредственно изъ жизни одной дѣвочки.

А. К.—дочь моего квартирнаго хозяина—имѣетъ 13 лѣтъ; низкоросла, щупленька, съ явственно обозначившимися на вискахъ синенькими прожилками и блѣднымъ лицомъ; страдаетъ запорами, временами ощущаетъ тошноту и коликами на «сердцѣ»; среднихъ способностей и нервна. По увѣренію лѣкарицы, занятой въ данное время лѣченіемъ дѣвочки, у ней «испугъ стоитъ на нутрѣ» [1])

Какъ-то прошлой зимы, въ одно изъ воскресныхъ богослуженій, съ кликушей произошелъ припадокъ; церковь наполнилась ея дикими возгласами, которые порядкомъ напугали молившихся. Вѣсть объ этомъ происшествіи быстро облетѣла село и долгое время не сходила съ языка весьма склонныхъ къ повтореніямъ казачинцевъ.

Первою въ тотъ день вбѣжала въ избу А. К., выкрикивая неестественнымъ голосомъ: «Вотъ о-н-а, во-тъ-о-ни»! Мать бросила стряпню и кинулась къ ней съ успокоительнымъ увѣщеваніемъ: «Что ты, Богъ съ тобой»! Дѣвочка, разсмѣявшись вѣроятно отъ внутренняго удовольствія, что съумѣла такъ неподражаемо поддѣлаться подъ интонацію голоса кликуши и буквальными восклицаніями ея вызвать въ матери ощущенія тревоги и безпокойства, только что пережитыхъ самою, стала пересказывать со свойственной жестикуляціей и захлебываясь, что довелось видѣть и слышать въ церкви. Сотни разъ семейные К. дѣлились потомъ съ посѣтителями впечатлѣніями столь, по мнѣнію ихъ, необычайнаго происшествія, и значительный процентъ передачъ подобнаго сорта приходится, по справедливости, на долю самой дѣвочки. При перезсказахъ она каждый разъ старалась скопировать выраженіе лица и воспроизвести восклицанія кликуши, послѣ чего, содрагаясь отъ внутренняго ужаса, ежилась къ матери или залазила на печь.

На масляницу того-же года въ г. Енисейскѣ злоумышленники убили старуху С., которая состояла въ нѣкоторомъ родствѣ съ отцемъ дѣвочки. Все семейство сидѣло за вечернимъ чаемъ, когда пріѣзжій изъ города передавалъ эту новость. Трагическая кончина родственницы видимо встревожила слушателей. Дѣвочка, уставившись въ разсказчика, расширившиеся глаза такъ и замерли отъ страха, личико ея поблѣднѣло, и дрожащей рукой она судорожно сжимала платье рядомъ сидѣвшей матери, какъ бы ища въ ней защиты отъ воображаемаго призрака убитой старухи. Когда пріѣзжій окончилъ главную часть повѣствованія и отвѣчалъ уже на предлагаемые вопросы о деталяхъ убійства, дѣвочка, прижавшись еще сильнѣе къ матери, съ мольбой въ глазахъ, закидала ее вопросами о томъ, кого убили, кто и т. д., надѣясь, можетъ быть, услышать отъ нея отрицаніе факта смерти родычки. Но ожиданіе это не оправдалось. Мать могла, конечно, только подтвердить слышанное и, замѣтивъ возбужденное состояніе дочери, обозвала ее «дурочкой и трусихой». «Да вотъ наша Анна, — добавила она на любопытный вопросъ посѣтителя, о комъ это говорится, перепужалась вашаго разсказа. Вотъ и разгорѣла. Бѣда, урочлива». Дѣвочка сконфузилась, однако

[1]) При полнолуніи и на исходѣ мѣсяца топила по три бани, правила животъ дѣвочки, накидывала горшокъ на пупъ, поила травами и т. п.

улики были на лицо. Яркій румянецъ игралъ на ея худыхъ щекахъ, слезы выступили на глаза, и все щупленькое тѣльце ея подергивалось нервной дрожью. Въ смятеніи дѣвочка встала изъ-за стола и забилась на печь, гдѣ то нервно посмѣивалась, то угрюмо отдакивалась въ отвѣтъ на ласковую побранку матери.

Въ началѣ Великаго поста также посѣтила с. Казачинское какая-то горловая боль, принявшая было эпидемическій характеръ, преимущественно поражая дѣтей. Первый слухъ объ этомъ печальномъ явленіи, успѣвшемъ унести уже двѣ-три дѣтскихъ жизней, серьезно встревожилъ нашу дѣвочку. Съ приходившими въ домъ она первою заговаривала о свирѣпствующей хвори, обстоятельно выспрашивая въ то же время, что слышно о ней, кто и какъ боленъ, и съ убитымъ видомъ и глухимъ голосомъ въ свою очередь передавала извѣстные ей случаи смерти. А когда заболѣла горломъ ея ближайшая подруга, дѣвочка окончательно впала въ уныніе. Неохотно бралась за рукодѣлье, тоскливо слонялась по избѣ, задумчиво лежала на печи и надоѣдала брату, учащемуся съ ея больной подружкой, стереотипными опросами: «Что Зоя хворатъ? Горло болитъ? Сильно? Кашлятъ»?.. При этомъ сама начинала откашливаться, пробуя, вѣроятно, состояніе своего горла. Выходя на улицу, тепло одѣвалась и укутывала двумя шалями голову и горло. Въ концѣ-концевъ искусственно-воспроизводимый кашель перешелъ въ дѣйствительный; у дѣвочки начались головныя боли и появились припадки лихорадки. Чуть защекочетъ въ горлѣ, ей казалось, что вотъ ее захватитъ и сразу удушитъ. Она дѣлала усилія, насильно и продолжительно откашливалась и кончала обыкновенно слезами, да ноющими взываніями къ своимъ родителямъ. Никакія утѣшенія не могли успокоить дѣвочку и доводы образумить. Только и слышишь, бывало, сквозь слезы выговариваемый упрекъ: «Да, вамъ не жалко меня»!

И каждый-то прыщикъ у себя дѣвочка омоетъ слезами, каждую ямочку, бугорочекъ на своемъ тѣлѣ ощупаетъ, найдетъ ихъ злокачественными, служащими вещественнымъ предвѣстникомъ смертельнаго исхода, дастъ освидѣтельствовать матери и на ея обычное—«о, дурочка»! безпремѣнно возразитъ: «Для васъ все пустяки»! Когда ощутитъ она колики на «нутрѣ»... О, тутъ слѣдуютъ вышеописанныя сцены. Бѣдная дѣвочка! Ея душа, кажется, не знаетъ истинно дѣтской радости.

А. Макаренко.

Стран.

Отдѣлъ IV.

Вопросы и отвѣты.

Отдѣлъ V.

Смѣсь.

Цѣна 1 р. 50 к.